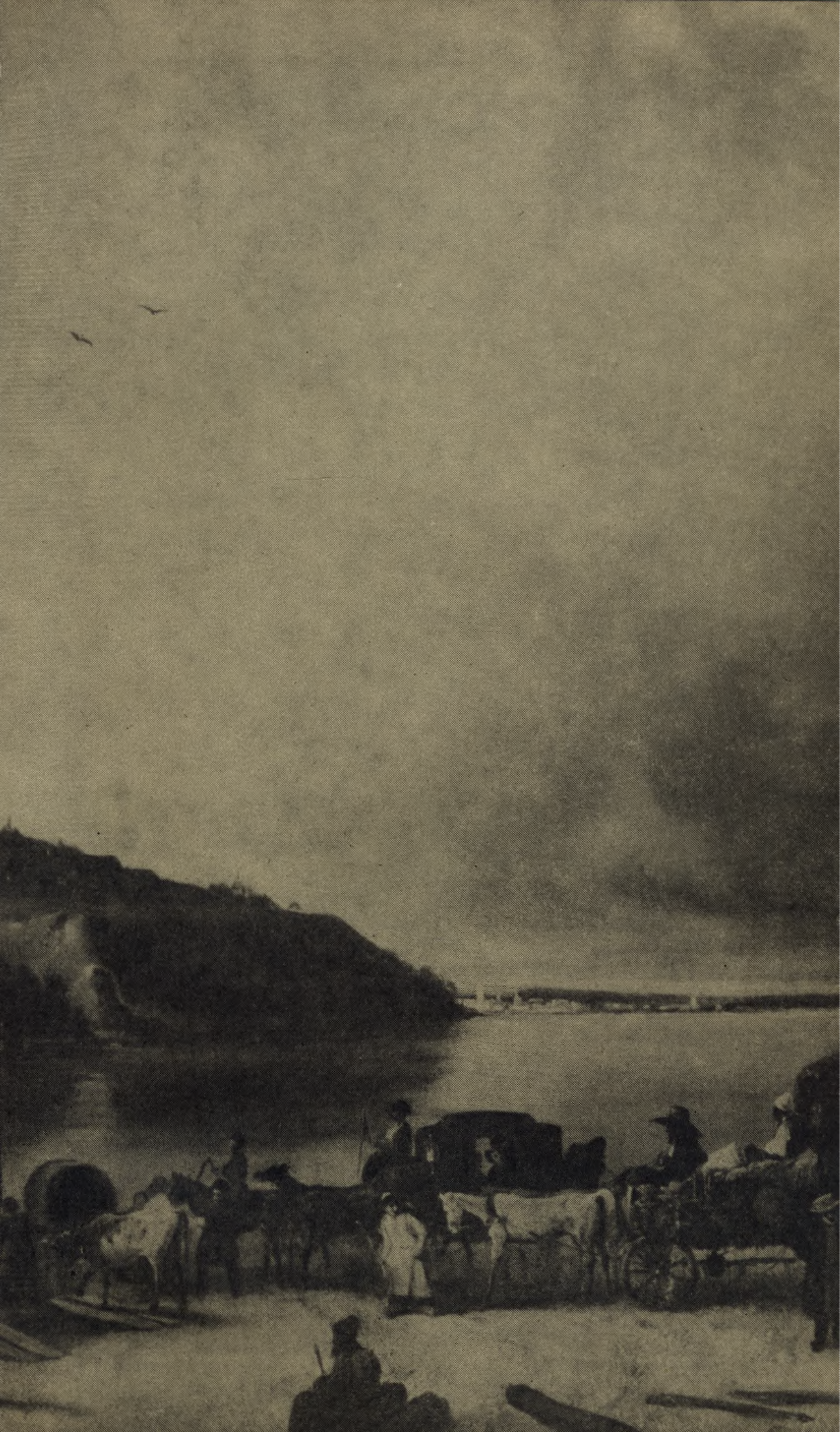

В.В. РУМЯНЦЕВА

ЭМБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬ И ГЕРБЫ ГОРОДОВ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ЭМБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬ И ГЕРБЫ ГОРОДОВ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

В.В. РУМЯНЦЕВА

ЭМБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬ И ГЕРБЫ ГОРОДОВ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1986

В монографии на значительном фактическом материале освещается история возникновения и дальнейшей эволюции городских гербов на Левобережной Украине в феодальный период. Для выявления генезиса городских гербов рассматриваются символы и эмблемы, которые существовали на этой территории с древних времен. Возникновение института городского герба показано в тесной связи с закономерностями развития украинских феодальных городов, особенностями их общественного устройства и правовым положением. Раскрывается содержание герба как исторического источника. Показана преемственность лучших геральдических традиций прошлого при создании современных городских гербов УССР.

Для научных сотрудников, преподавателей и студентов вузов, краеведов, пропагандистов.

Ответственный редактор
Ф. П. ШЕВЧЕНКО

Рецензенты
В. А. ЗАМЛИНСКИЙ, В. В. ПАНАШЕНКО

Редакция исторической литературы

Р $\frac{0503000000\text{-}224}{М221(04)\text{-}86}$ 32-86

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография является первой попыткой исследовать историю возникновения и развития земельных эмблем и городских гербов Левобережной Украины * периода феодализма. Интерес к изучению эмблем земель и гербов городов объясняется их ролью как специфического источника в исследовании проблемы украинского феодального города, его места и значения в политической и социально-экономической жизни общества в разные периоды истории.

Городской герб относится к числу исторических памятников, в которых в символической форме путем использования особой знаковой системы воплотились определенные реальные явления и события. Нередко по эмблемам, составляющим городские гербы, можно обстоятельно и точно изучить многие явления жизни левобережных украинских городов, их административно-правовой статус, отношения центральных и местных органов государственной власти и т. д. В комплексе с другим документальным материалом они представляют надежное подспорье также для исследования различных вопросов духовной жизни, идеологических воззрений, существовавших в тогдашнем обществе. Городские гербы могут служить важным источником и для специалистов-этнографов в их научных изысканиях при изучении материальной культуры прошлого, поскольку тематическое содержание гербов дает представление о тех или иных сторонах быта и обычаях городского населения, о развитии экономики и т. п. Разнообразие сюжетных мотивов, содержащихся в гербах, этих своеобразных вещественно-изобразительных памятниках, техника и стиль передачи рисунка — богатый и ценный материал для искусствоведов. Следовательно, как носители определенной информации, в которой нашла отражение объективная реальность, гербы городов являются важным историческим источником.

Автор на основе обобщения широкого круга источников и специальной литературы стремится установить общие закономерности образования земельных эмблем и городских гербов на Левобережной Украине, выявить специфику их эволюции в связи с общим процессом исторического развития региона, проанализировать социально-правовые функции городских гербов, их идейное и смысловое значение на разных исторических этапах.

В работе понятие «эмблема» используется в двух значениях: как условный знак, впитавший в себя употреблявшиеся обществом символы, что роднит эмблему с гербом, и как изображение или элемент изображения в городских

* Имеется в виду историко-географическое название части украинских земель, занимавших в XVII—XVIII вв. территорию современных Черниговской, Полтавской, западных районов Сумской, восточных районов Киевской и Черкасской, частично Днепропетровской и Брянской областей. В состав Левобережной Украины входил также Киев с прилегающей территорией.

гербах. Более конкретный характер имеет понятие «городского герба». Он выступает как опознавательно-правовой знак феодального города. Термин «геральдика» в исследовании употребляется в двух аспектах: как специальная историческая дисциплина, изучающая гербы, и как совокупность геральдического материала.

Сложный процесс функционирования гербов на Левобережье в феодальный период рассматривается в монографии как явление в целом, со всеми присущими ему этапами, начиная с момента возникновения гербов, их дальнейшего развития и постепенного исчезновения, что обусловлено целым рядом социально-экономических, политических и государственных факторов. Городской герб, как известно, на территории Левобережной Украины возник в недрах феодальной эпохи, и его появление было закономерным явлением. Естественно, что основная часть данной работы относится к феодальному периоду. Однако, чтобы показать весь процесс существования и функционирования городских гербов, исследование доведено до периода капитализма, когда наступает процесс упадка городской геральдики, гербы постепенно утрачивают свое значение как символы городской автономии и становятся анахронизмом.

Книга написана на основе научного анализа и комплексного использования источников. Прежде всего это вещественные памятники с гербовыми изображениями, нумизматический и сфрагистический материал, относящийся к разным историческим периодам. Количественно и по широте информации, заложенной в них, эти группы источников представлены неравномерно, тем не менее они дали возможность сделать анализ гербовых изображений, провести систематизацию их сюжетов.

В работе использованы архивные материалы, прежде всего документы различных фондов Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА) и Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР), относящиеся к созданию городских гербов. Это — подлинники и копии польских королевских привилеев на магдебургское право и царских жалованных грамот на подтверждение этого права украинским городам; документы, освещающие деятельность Герольдмейстерской конторы, впоследствии Департамента герольдии.

В ходе разработки темы использован ряд архивных собраний, хранящихся в ЦГИА СССР, в частности фонды В. К. Лукомского, Е. Е. Рейтерна, Н. В. Калачова, и в рукописном отделе Центральной научной библиотеки АН УССР (ЦНБ АН УССР), фонды А. М. Лазаревского, А. Ф. Кистяковского, занимавшихся в свое время вопросами геральдики и сбором материала по этой проблеме. В этих собраниях содержится фактический материал по исследуемому вопросу. Привлечены также материалы Центрального государственного исторического архива Украинской ССР в Киеве (ЦГИА УССР), прежде всего фонды полковых и сотенных канцелярий, губернских и уездных канцелярий, в которых содержатся различные циркулярные предписания Сената, Военной коллегии и Герольдии, их переписка с местными дворянскими думами, городскими магистратами, ратушами о создании гербов для городов Левобережной Украины, их утверждении и применении.

Ценным материалом для источниковедческого анализа явились различные по своему характеру документы городских магистратов и ратуш с приложенными к ним печатями с изображениями гербов (ЦГИА СССР, ЦГИА УССР, ряд областных архивов УССР, а также рукописные отделы Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и ЦНБ АН УССР). Большинство этих документов ранее не было изучено.

Наряду с архивными источниками привлечены сведения о гербах и печатях левобережных украинских городов, зафиксированные в законодательных

актах Великого княжества Литовского — Статутах, Литовской метрике, а также опубликованные на страницах польских, литовских и русских гербовников.

В монографии широко использованы законодательные материалы, относящиеся к созданию городских гербов, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи. Они позволили восстановить общий процесс развития российской городской, в том числе украинской, геральдики второй половины XVII—XIX вв.

Полезными оказались сведения о наличии гербов у городов Левобережной Украины, извлеченные из различных статистических, географических и топографических описаний Малороссийской губернии — как опубликованных, так и неопубликованных.

Для написания книги использована научная литература по геральдике, сфрагистике, нумизматике и другим специальным историческим дисциплинам.

Проблема городской геральдики Украины, в том числе Левобережья, ни в дореволюционной, ни в советской историографии не была предметом специального изучения.

Дореволюционные исследователи, занимавшиеся геральдикой, как правило, ограничивались сбором и публикацией фактов об отдельных гербах.

Из целого ряда дореволюционных исследований по геральдике особое место занимает богатый фактическим материалом труд дворянского историка А. Б. Лакиера [1]. В нем впервые в отечественной историографии в общих чертах рассмотрена история появления и развития городских гербов в России, прослежена тесная взаимосвязь между гербами и печатями. Однако Лакиер не дает правильной научной трактовки причинам возникновения и формирования городских гербов, не раскрывает всю сложность этого процесса.

В труде П. П. Винклера [2] впервые были собраны, систематизированы и описаны имевшиеся гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, утвержденные в разное время царским правительством. В этом своеобразном атласе помещено около 700 земельных гербов, среди которых есть гербы городов Левобережной Украины. В вводной части работы изложены происхождение отечественных земельных гербов, основные правила их составления. Винклер разделил все имевшиеся городские гербы на «старинные», происшедшие от печатей удельных князей, и на составленные Герольдией в XVIII—XIX вв. Автор сделал попытку расшифровать символику городских гербов, установить их связь с особенностями развития того или иного города.

Работа Винклера, носящая описательный характер, не решила основных задач исследования городских гербов, определяющих их генезис, эволюцию, общественно-правовые функции и т. д. Но несмотря на отсутствие этих существенных элементов геральдического исследования, труд Винклера является ценным справочным пособием для изучения этой проблемы. Инвентаризация гербов, сделанная автором, явилась первым этапом в этом направлении.

Украинская дореволюционная историография освещала преимущественно историю печатей и гербов гетманов и казацкой старшины. Исследование гербов городов — одной из наиболее своеобразных и демократических по своему содержанию областей украинской геральдики — не получила в ней широкого развития. Лишь в отдельных публикациях встречается описание печатей некоторых левобережных городов: Глухова, Конотопа, Батурина, Гадяча, Кролевца, Лубен, Миргорода и др. Однако их авторы ограничились фиксацией изображений городских печатей и гербов, их описанием. Данные геральдики и сфрагистики не использовались для изучения социально-экономической и общественно-политической истории края. В некоторых дореволюционных исследованиях, а также в работах, опубликованных вскоре после победы Великого Октября, с позиций буржуазной методологии освещалась эмблематика Киева.

Научная разработка теоретических проблем территориальной геральдики получила развитие в советской историографии. Из многочисленных работ советских исследователей, в которых с позиций марксистско-ленинской методологии рассматривались как общие, так и конкретные вопросы происхождения и развития областных и городских эмблем, печатей и гербов в общероссийском масштабе, необходимо назвать исследования В. К. Лукомского, А. А. Ураносова, А. В. Арциховского, Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова, Н. Ф. Демидовой, В. И. Стрельского, В. С. Драчука. Однако городские эмблемы и гербы Левобережной Украины в них либо не рассматривались вообще, либо освещались лишь попутно.

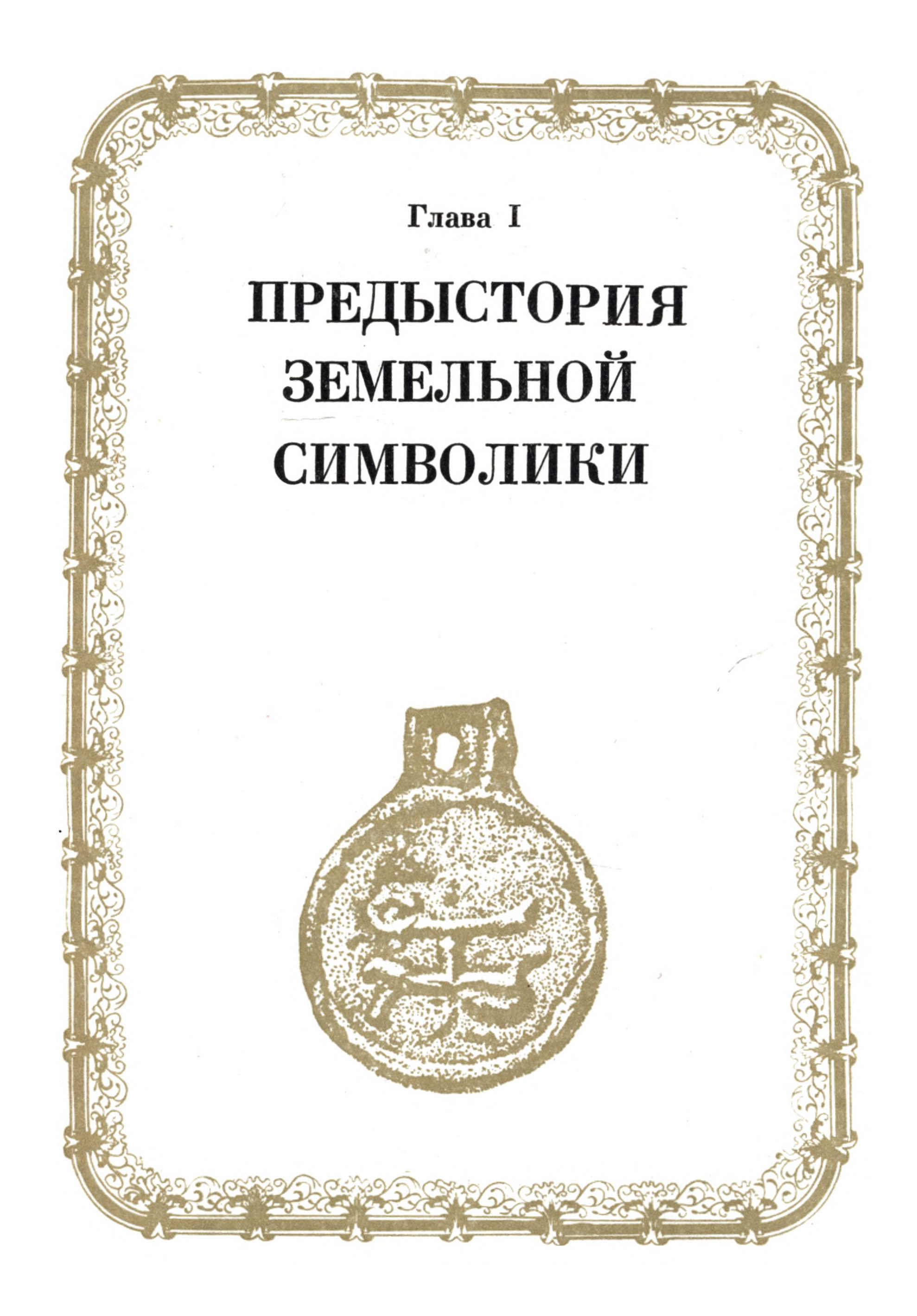
Проблемам российской городской и областной геральдики XVIII—XIX вв. посвящены ряд статей и специальная монография Н. А. Соболевой [3]. Книга Соболевой стала первым в советской исторической науке обобщающим трудом, в котором рассматривается история становления и развития отечественной территориальной геральдики с момента возникновения в России Герольдмейстерской конторы (1722) до конца XIX в. Основное внимание автор уделила освещению возникновения городских гербов и практики их создания в Герольдии; политики правительства в этом вопросе, а также определению роли и значения городского герба в общественной жизни России того времени.

На основании анализа содержания дореволюционных городских гербов Н. А. Соболева сделала вывод об их большой ценности как исторического источника. «Исследование эмблем, составляющих российские городские гербы, показывает, что в качестве их выступают символы различных эпох,— делает вывод автор.— Не все они возникли в связи с понятием „город“, часть появилась в связи с другими явлениями в русском обществе» [4]. Правильно высказывание Соболевой и о том, что на создание, форму и смысловое содержание гербов значительное влияние оказывала эпоха и что общественные условия являются основным фактором при трактовке того или иного комплекса эмблем. Далее автор делает вывод, что создание символов, репрезентирующих город как таковой, началось во второй четверти XVIII в., когда каждый город Российской империи должен был иметь свой герб. Этот вывод исследователя правомочен лишь по отношению к группе гербов русских городов. Что касается гербов украинских городов, то здесь, в силу специфики их исторического развития, этот процесс начался гораздо раньше. Поскольку хронологические рамки монографии Соболевой четко определены XVIII—XIX вв., в ней не рассматриваются гербы украинских городов, полученные до воссоединения Украины с Россией.

В украинской советской историографии работ, освещающих гербообразование на Левобережье, тоже нет. В 60-е годы в связи с массовым созданием новых символов для советских городов в республиканских научных сборниках, в печати появились статьи и заметки об отдельных городских гербах Левобережья, содержащие преимущественно сведения справочного характера.

Ознакомление с вопросами городской геральдики, разработанными в специальных исследованиях зарубежных авторов (Ф. Пекосиньский, М. Гумовский, С. Кучиньски — ПНР; Л. Балетка, И. Лауда, З. Зенгер, Й. Новак — ЧССР и др.), позволили провести определенные параллели, выявить общие формы и закономерности в возникновении территориальной геральдики, а также определить существующие особенности и своеобразие в их развитии.

Краткий историографический обзор показывает, что до сего времени в советской исторической науке отсутствует обобщающее исследование по проблеме становления и развития территориальной геральдики Левобережной Украины. Предлагая читателю настоящее исследование, автор стремился восполнить, по возможности, этот пробел.

Глава I

ПРЕДЫСТОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ

Городской герб как институт возник в феодальную эпоху на определенном уровне развития городской организации [1]. Это положение в настоящее время не вызывает сомнения у исследователей. Дискуссионным остается вопрос об истоках отечественных гербов, их происхождении, предпосылках появления. Что же предшествовало отечественным городским гербам, на какой основе они появились, откуда берут свое начало символы, их составляющие? Эти вопросы до сих пор остаются не до конца решенными многими исследователями в нашей стране и за рубежом. Между тем выяснение генезиса отечественного городского герба необходимо прежде всего для правильного его определения как исторического явления, порожденного всем ходом развития общества. Самое важное, учил В. И. Ленин, «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [2]. Познание такой закономерности, лежащей в основе методологического принципа изучения исторического процесса, поможет, в частности, определить и природу герба как явления, исторически обусловленного.

Появление гербов в Западной Европе и в восточнославянских землях имеет общие закономерности и определенные различия, обусловленные спецификой и своеобразием их исторического развития. В Западной Европе появление гербов в значительной степени связано с особенностями рыцарского вооружения, рыцарскими турнирами, крестовыми походами. Первоначально они возникли из боевых знаков, наличие которых в свою очередь было обусловлено существовавшими в средневековье формами организации государства и военной службы *.

А как появились отечественные гербы? Что послужило причиной их возникновения?

В научной литературе по геральдике о времени появления отечественных гербов, в том числе городских, существуют очень разноречивые мнения. В дореволюционной литературе часто высказывалась мысль о том, что отечественные гербы (среди них и городские) являлись поздним подражанием западноевропейским образцам; неоднократно отрицалось существование местных знаков, предшественников гербов, в древние времена; говорилось о влиянии западной геральдики,

---

* Как известно, сюзерен, наделяя своего вассала землей, требовал от него прохождения военной службы, участия в боевых походах с соответствующим снаряжением, свитой рыцарей и зависимыми крестьянами. Вассал должен был иметь свое знамя, которое являлось символом владения землей и одновременно служило опознавательным знаком для его людей во время походов и сражений. Таким образом, первоначально боевой знак — знамя — имел прежде всего отличительный характер, что вызывалось практической необходимостью. Изображались на нем (по образцу древних боевых знаков) разнообразные звери, реальные и фантастические (культовые символы), предметы рыцарского вооружения — стрелы, мечи, копья и т. д. Вскоре специфика рыцарского вооружения — шлем с забралом, скрывающим лицо, латы, щит и т. д. — определила перенос боевого знака на щит воина. Впоследствии эти знаки стали оформляться по специально разработанным правилам. Так возник рыцарский герб. Постепенно он превращался в постоянный знак, приобретал черты сословной принадлежности, стал передаваться по наследству. По мере углубления процесса феодальной раздробленности вассалы получали все более широкие полномочия на управление своими землями, становились практически независимыми их владельцами; герб такого вассала одновременно превращался в эмблему его земли.

в результате которого отечественные гербы появились только в XVIII или в конце XVII в.[3]

Сторонник норманской теории происхождения Руси Ф. Пекосиньский, в частности, утверждал, что русские гербы произошли от скандинавских рун, рунических письмен, объясняя это тем, что начало исторической жизни восточных славян положили варяги, выходцы из Скандинавского полуострова [4].

А. Б. Лакиер в середине прошлого века в своей фундаментальной работе на конкретных примерах доказывал, что эмблемы некоторых городских гербов вели свое начало из глубокой древности, и неоднократно подчеркивал, что исходным пунктом для русских гербов являлось родовое начало [5].

Другие авторы, отмечая древние корни некоторых отечественных гербов, выводили их происхождение не из местных традиций, а из гипотетической личной княжеской печати западного типа, выбор которой был случайным [6]. Конечно, был и такой путь возникновения гербов. Но, как отмечал А. В. Арциховский, существовали местные пути появления важнейших отечественных гербов, рисунок которых характеризовался не только стойкостью изображения, но и прежде всего бо́льшей его древностью. Говоря об истоках некоторых русских городских гербов, ученый аргументированно опровергает концепцию их происхождения исключительно из западноевропейской геральдики. Не отрицая определенного западного влияния, А. В. Арциховский выводит возникновение некоторых отечественных городских гербов из родовых знаков, древних местных культов, легенд, тотемов и т. д.[7]

Некоторые исследователи склонны видеть гербы во всякого рода отличительных знаках, появившихся на заре человеческой культуры и имевших культовое, правовое или имущественное значение. Владимир Белинский, сделавший попытку составить первый русский геральдический словарь, утверждал, например, что гербы существовали еще в Древней Руси, но назывались они тогда «знаменем». При этом он ссылался на летопись, в которой говорится: «...при великом князе (московском) Василье Ивановиче бысть знамя на деньгах: князь великий на коне, а имея меч в руце, а князь великий Иван учини знамя на деньгах: князь великий на коне, а имея копье в руце, а оттоль прозваша деньги копейными» [8].

А. А. Ураносов также считает, что городские гербы существовали еще в глубокой древности; говорить о них, по его мнению, можно начиная с XII в.[9] Эту же теорию появления городских гербов в домонгольский период поддерживает и Н. Н. Сперансов [10].

В действительности эти исследователи смешали два разных вопроса: существование в древности знаковых систем различной функциональной значимости и время появления гербов в общепринятом смысле этого слова, установленных и узаконенных.

Не до конца выясненным остается вопрос о символике эмблем, составляющих гербы, в том числе городские. В самом деле, откуда берет она свое начало? Где нужно искать истоки этих символов? От правильного решения этих вопросов зависит успех при расшифровке идейного содержания эмблем, их смыслового наполнения.

Н. А. Соболева считает, что «истоки городской символики относятся здесь (на Руси.— *В. Р.*) еще к домонгольскому периоду» [11]. В качестве доказательства этого положения исследовательница при-

водит пример изображения льва как личного знака владимиро-суздальских и галицких князей, которое впоследствии становится главной фигурой в гербах Владимира и Львова [12].

Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов считают, что предшественников печатей и гербов следует искать в тех знаках, которые еще первобытный человек ставил на принадлежащих ему предметах. В глубокой древности, отмечают авторы, появляются первые эмблемы, получившие впоследствии значение гербов [13]. По мнению В. И. Стрельского, при рассмотрении генезиса герба необходимо помнить о всевозможных знаках и символах, известных нам с древнейших времен [14].

Что же представляла собой символика древнего времени? Для выяснения этого следует обратиться к эпохе первобытнообщинного строя, в котором зародились первые языческие символы.

Известно, что древние люди широко применяли символику. К древнейшим формам языческой символики, прочно связанной с языческими религиозными представлениями, относятся примитивные рисунки тотемического характера. В их основе лежало тотемное мышление. Каждый род первобытных людей обожествлял какое-нибудь животное, птицу, явления природы, солнце, луну и т. д., делал его своим символом, тотемом. Изображение их служило родовым знаком, отличающим данный род от других, и свидетельствовало о том, что его носители имели общее происхождение. Эти знаки часто употреблялись для обозначения пастбищ, водоемов и, что важно, территории этого рода в качестве межевых. Впоследствии эти изображения стали передаваться схематично, превратившись из конкретного рисунка в стилизованную графическую эмблему. Многочисленные знаки на стенах пещер, бытовых предметах свидетельствуют о ступени развития мышления, на которой появились абстрагирование, умение лаконичным графическим символом выразить сложное понятие. Изображенные культовые символы дают определенное представление о сущности мышления наших предков, так как символика, заключенная в этих изображениях, является важным средством и орудием познания объективной действительности.

В период разложения рода, выделения из него общин и семей, родовые эмблемы трансформировались сначала в семейные, а потом и в личные, графическим способом выражающие этот процесс перехода к общинной, а затем к личной собственности. Этот процесс является общим для многих народов древности.

У разных народов знаки для обозначения личности или собственности назывались по-разному. Отечественными знаками были «знаменья», «пятна», «рубежи», клейма, тавра.

С развитием общества, переходом к феодальному строю, установлением права частной собственности совершенствуется система знаков, расширяется сфера их применения. Одновременно широкое распространение в быту получают всевозможные отличительные знаки, которые ставятся для обозначения частной собственности: в хозяйственной сфере — на орудиях труда, предметах бытового характера. На них обычно изображаются предметы быта, окружающие людей. А так как быт у многих народов, стоявших на одном уровне развития, с одними и теми же формами ведения хозяйства, в основном был одинаковый, этим и можно объяснить наблюдаемое порой сходство форм знаков на широкой территории, особенно у родственных племен.

Тогда же меняется и тематика графических рисунков; изображаются отдельные виды орудий труда, элементы бытового характера. В быту такие отличительные знаки, сначала в виде простейших рисунков, впоследствии — более сложных художественных изображений, символизирующих преимущественно всевозможные орудия труда, предметы быта, употребляются на различных предметах домашнего обихода для обозначения частной собственности или указывают на род занятий лиц, кому они принадлежат.

Особенно часто в силу характера своей деятельности употребляли знаки ремесленники и купцы. Последние, в частности, ставили на продаваемом товаре, например на стопленном в круги воске, торговые знаки, клейма. Купцам это было необходимо, чтобы легче отличить свой товар от подобных товаров других купцов. Ювелиры клеймили украшения и другие изделия; ремесленники — обработанные кожи, гончарную посуду. Широко применяло знаки собственности и сельское население. Крестьяне метили клеймами скот, сельскохозяйственные орудия, пчелиные улья, бортные деревья и т. д.; охотники клеймили шкурки зверей, вносимые в качестве натуральных податей.

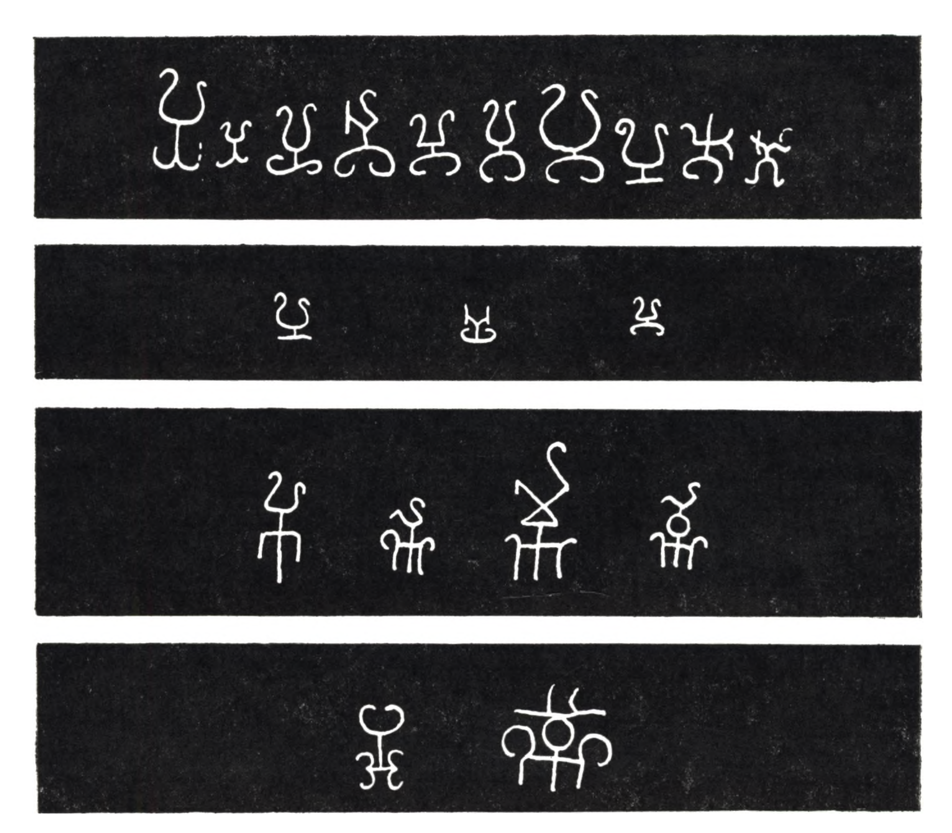
С дальнейшим развитием ремесла знаки ставились на производимых изделиях в качестве профессиональных эмблем.

Археологические раскопки постоянно дают исследователям множество материальных памятников древности с разнообразными клеймами, метками, таврами, пятнами.

Б. А. Рыбаков, изучая историю развития древнерусского ремесла, исследовал большое количество клейм в виде «рубежей», «курьих лап», «колес», «перевор», вил, сохи, крюка, «кобицы» и т. д., находящихся на различных предметах древнерусского производства. Их возникновение он связывает с развитием института частной собственности в Древней Руси. Эти клейма, в частности знаки гончаров, имея общий стержневой рисунок, общую основную схему, варьируются в деталях и дополнениях. Ученый проследил тенденцию перехода от простых форм знака к более сложным и пришел к выводу, что такая эволюция ремесленных клейм в сторону их усложнения и дополнения наблюдается при переходе имущества по наследству или при разделе семьи [15].

Итак, в условиях древнего производства появляются уже профессиональные эмблемы, а родовые и семейные обозначения становятся личными знаками.

Исследуя знаковые символы древнего времени, следует подробней остановиться на еще одной знаковой системе, существовавшей на территории Украины в первые века нашей эры. Это так называемые загадочные знаки Северного Причерноморья. Наибольшее количество памятников с этими знаками встречается на Керченском полуострове, в низовьях Дона, Кубани, Днепра и Южного Буга. Основные хронологические рамки их существования — I—IV вв. н. э. Время появления знаков в Северном Причерноморье (с I в. н. э., т. е. в период усиленной сарматизации местного населения, появления среди местной правящей династии на Боспоре сарматских царей) позволило большинству исследователей этих знаков предположить их сарматское происхождение. В отношении функционального использования этих знаков одни исследователи трактовали их только как родовые знаки, другие принимали их за знаки собственности, за магические

Тамгообразные знаки Северного Причерноморья. I—IV вв. н. э.

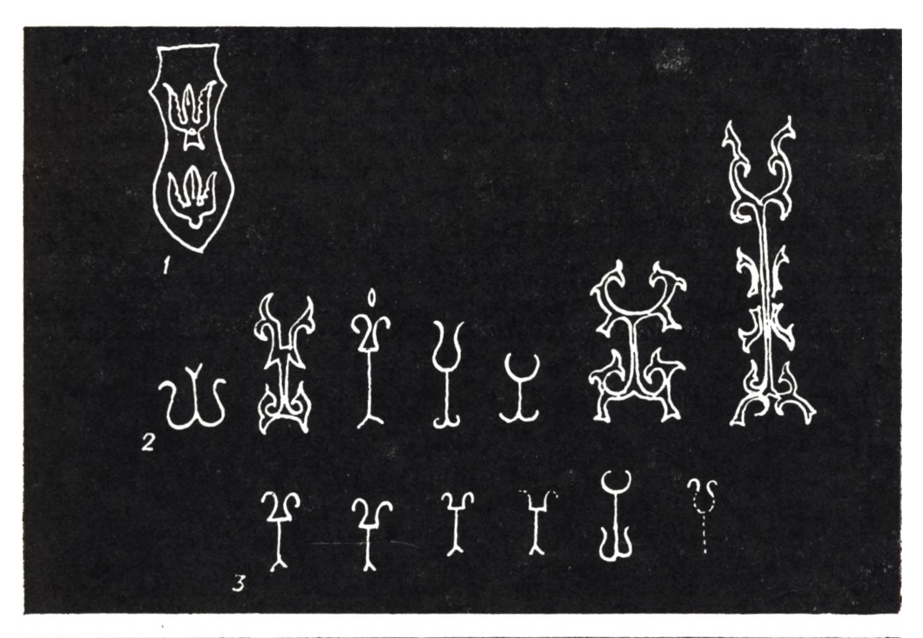
Сарматские знаки Северного Причерноморья. Первые века нашей эры

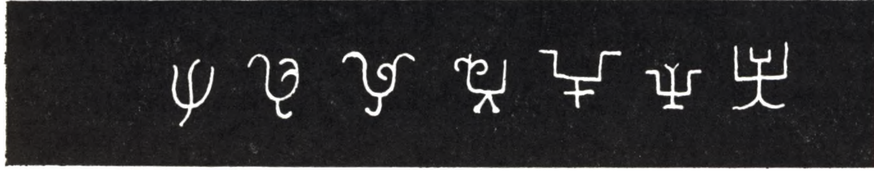
Именные знаки боспорских царей. Первые века нашей эры

Знаки на пряжках боспорского производства. Первые века нашей эры

изображения, монограммы, буквы неизвестного письма и т. д. Одна из исследователей этих знаков Э. И. Соломоник [16], рассматривая их не изолированно, а в связи с историей общества, пришла к выводу, что они развивались и изменялись вместе с развитием местного общества и служили одновременно для различных целей. По функциональной значимости этих знаков она разделила их на три основные группы. Знаки, находящиеся: 1) на памятниках государственного характера в качестве именных знаков боспорских царей; 2) на надгробных памятниках в качестве знака рода или фиаса; 3) на изображениях домашнего скота в качестве тавр, т. е. знаков собственности, которыми отмечалось частное владение данной вещью.

Для нашей темы наибольший интерес представляет первая группа знаков — именные знаки боспорских царей, которые являлись общегосударственным символом правящей династии царей. Это — особая группа царских знаков, которая закономерно появилась в своеобразных условиях Боспорского царства. В основе изображения этих знаков лежал триденс (трезубец). Реконструкция знака на плите Рескупорида III, предпринятая Э. И. Соломоник, и сопоставление его со знаком Савромата II показали, что царские знаки передавались

Знаки на серебряных поясных наборах из сел:
1 — Перещепино на Полтавщине. VI—VIII вв.; *2* — Мартыновка на Киевщине. VI—VIII вв.; *3* — Хацки на Киевщине. VI—VIII вв.

«Знаки Рюриковичей»

по наследству, притерпевая при этом небольшие изменения. Другой исследователь этих знаков В. С. Драчук считает, что сложные знаки боспорских царей относятся к символам местного происхождения, не принадлежащим сарматам, и являются древнейшими гербообразными изображениями [17].

Тамги причерноморского типа в виде двузубца и трезубца встречаются на археологических памятниках из раскопок на берегах правых притоков Днепра (территории будущего государства Киевской Руси) и датированы рубежом V—VI в. Б. А. Рыбаков, исследуя памятники Хацковского и Мартыновского кладов (VI—VIII вв.), пришел к выводу, что на серебряных поясных наборах находятся тамгообразные знаки в виде двузубца и трезубца [18].

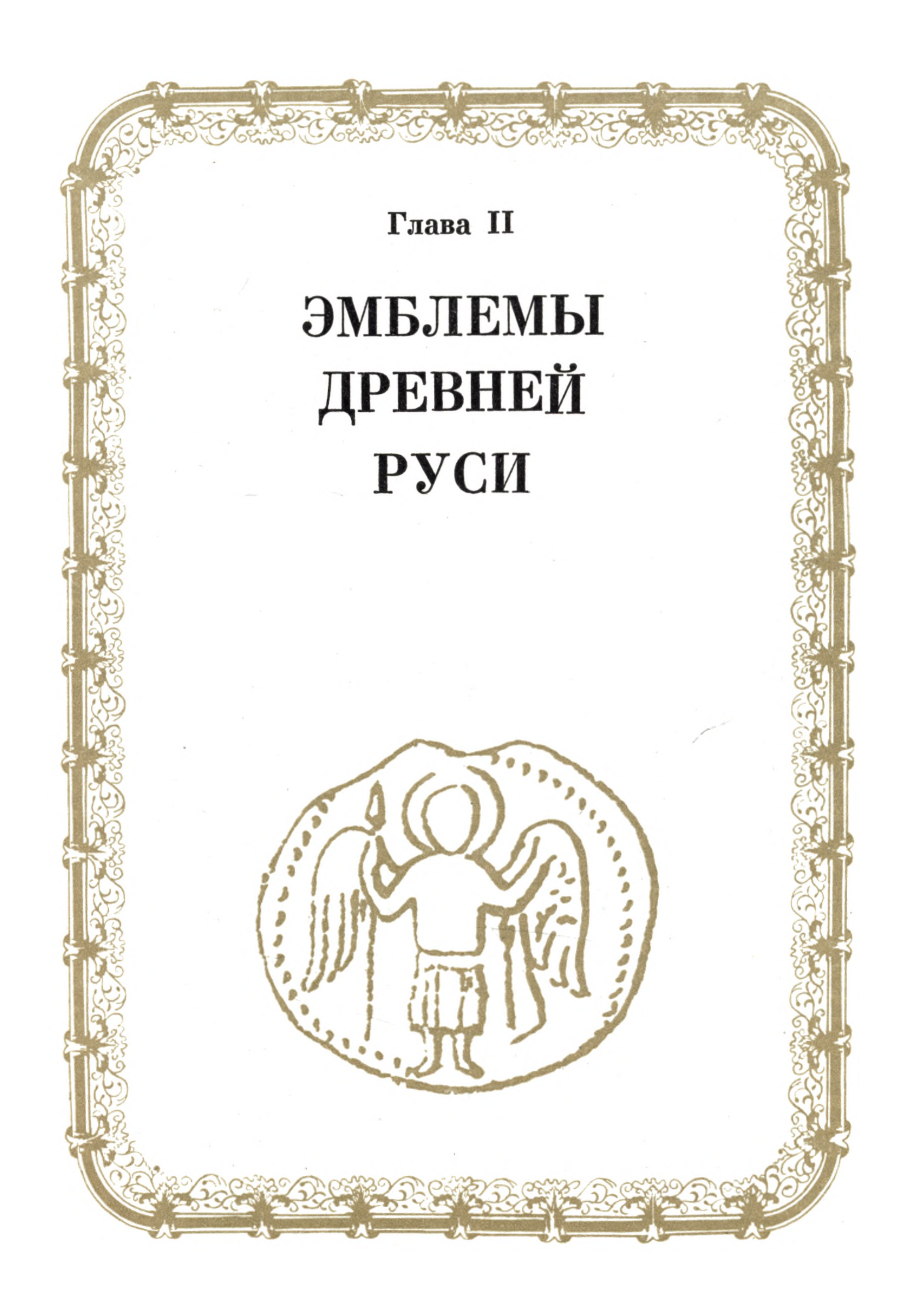
Знаки, обнаруженные на предметах из вышеупомянутых кладов, являются, как полагает ученый, местным приднепровским вариантом причерноморских изделий, широко распространившихся в Европе в связи с «великим переселением народов» [19]. Мнение о связи знаков из приднепровских кладов со знаками Северного Причерноморья в свое время высказал И. И. Мещанинов в книге «Загадочные знаки Причерноморья» (Л., 1933).

Действительно, анализ рисунка знаков из приднепровских кладов позволяет выявить идентичные черты и несомненное их сходство с северопричерноморскими знаками.

По своему назначению знаки из указанных кладов являлись, повидимому, знаками родовых старейшин или племенных вождей.

Б. А. Рыбаков высказал также предположение о возможной исторической взаимосвязи причерноморских знаков со «знаками Рюриковичей» — знаками власти князей Киевской Руси [20]. Гипотезу ученого поддержал В. С. Драчук [21]. Сравнительный анализ схемы изображений знаков боспорских царей со знаками Рюриковичей, а также с тамговыми изображениями древних русов (VI—VIII вв.) как переходные ступени трансформации этих знаков дает богатый материал для дальнейших исследований в этой области. Подробно княжеские знаки власти периода Киевской Руси рассматриваются в следующей главе.

Итак, можно сделать вывод, что отечественным гербам предшествовала исторически сложившаяся система символических знаков различного функционального назначения: культового, правового, имущественного. Они являлись как бы локальным вариантом знаков на общем фоне мировой истории и культуры, поскольку процесс бытования графических знаковых изображений является общим для многих народов древности. По мере развития общества система знаков эволюционирует, меняются их функции. В соответствии с потребностями времени знаки находят себе новые сферы применения.

Глава II

ЭМБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Сведения об эмблемах Древней Руси дают нам в большом количестве археологические памятники, прежде всего сфрагистические и нумизматические.

Княжеские эмблемы (в этой главе речь пойдет именно о них) были в большом употреблении в Древней Руси. Они имели многофункциональное назначение. Использовались как лично-родовые знаки князей, как знаки собственности, атрибуты княжеской власти, а также служили в качестве государственно-территориальных эмблем.

Именно в этом последнем аспекте княжеские знаки представляют для нашего исследования большой интерес.

Как известно, княжеское землевладение в Восточной Европе начало складываться не позже IX—X вв., и его появление было подготовлено социально-экономическим развитием восточнославянского общества, в частности переходом от родовой общины к общине территориальной, а также возникновением княжеских дружин и наследственной княжеской власти. В Древней Руси княжеские знаки ставились на межевых гранях княжеской земельной собственности. Кодекс «Русской правды» предусматривал наложение больших штрафов на нарушителей границ княжеской или боярской запашки — за уничтожение межевых знаков: «А ожо кто борт разнаменует (т. е. уничтожит знамя, знак.— *В. Р.*), то 12 гривен продажи» [1].

На наличие княжеских знаков в Киевской Руси указывают также летописные данные. Так, в «Повести временных лет» упоминаются княжеские знаки, названные Нестором «знамениями». В ней, в частности, говорится, что княгиня Ольга расставила по всей земле свои «знаменья»: «В лето 6455 (947.— *В. Р.*) иде Ольга Новугороду и устави по Мсте погосты и дани, и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всеи земли и знамения и места и погости» [2]. Здесь под словом «знаменья» летописец, вероятно, имел в виду предмет, помеченный княжеским знаком собственности и обозначавший межевые грани земельных владений князей. Именно во время правления княгини Ольги, ее реформ усиливается процесс государственного освоения территории восточнославянских земель.

С появлением и развитием института частной собственности происходил процесс превращения знака-метки в печать. В Киевской Руси печать была одной из регалий самой высшей светской власти. До нашествия полчищ Батыя правом подтверждать документы печатью пользовались главным образом князья. На печатях, которыми скреплялись государственные документы, изображались княжеские знаки.

Употребление печати восходит к временам договоров древних русов с греками. Практика и законодательство того времени требовали приложения к актам, договорам, грамотам и т. п. печатей, подтверждавших подпись или даже заменявших ее для неграмотных. Обычай подписывания документов получил широкое применение приблизительно с XVI в., а до того времени основным признаком подлинности документа была печать [3].

В «Повести временных лет», в частности, сообщается, что печати были известны на Руси еще в первой половине X в. и приложение их считалось необходимым для подтверждения княжеских договоров. Печати, или, правильнее, перстни с княжескими печатями, давались лицам, уполномоченным князем, послам вместо верительных грамот для подписания международных договоров. Так, в договоре князя

Игоря с греками, заключенном в 944 г., упоминается, что дипломатические агенты Руси первоначально носили: «...сли печати злати, а гостье сребрени» [4], что и служило признаком их полномочий. Об общерусском значении великокняжеских печатей с их родовыми знаками свидетельствует тот факт, что они употреблялись на международной арене (например, в договорах с Византией, на верительных знаках посылаемых в Константинополь представителей) в качестве общегосударственной эмблемы.

Что же представлял собой знак древнерусских князей?

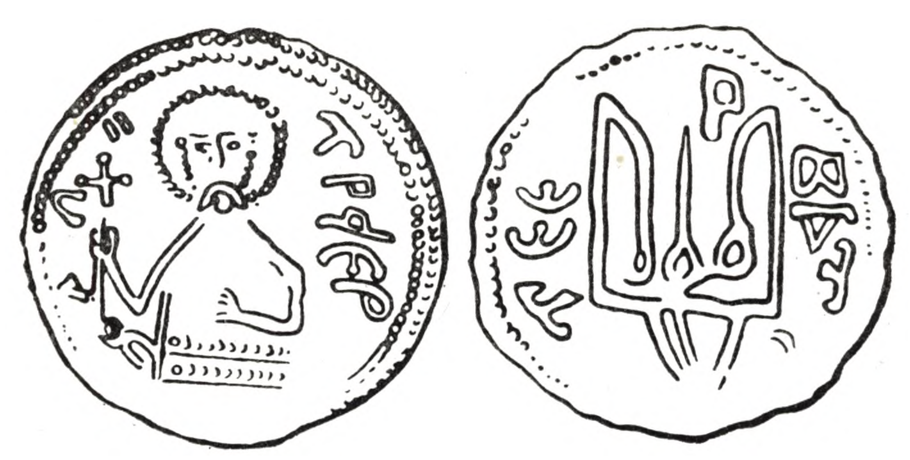
Древнейшей печатью, дошедшей до наших дней, является печать Святослава Игоревича (погибшего в 972 г.), на которой изображен княжеский знак в виде буквы «Ш», так называемый «знак Рюриковичей». Этот княжеский знак, названный впервые русским историком Н. Карамзиным трезубцем [5] и действительно напоминающий его своими очертаниями, уже давно представляет для исследователей большой интерес.

Изучением и расшифровкой «знаков Рюриковичей» занимались многие дореволюционные и советские ученые. Одни видели в них замысловатую монограмму, т. е. знак, сложенный из букв, которыми начинается имя и титул лица, имеющего этот знак. Пытались расшифровать монограмму с помощью старых германских рун или византийского алфавита. Раскладывали эту монограмму на отдельные буквы, из которых получалось слово «ΒΑΣΙΛΕΥΣ» — «базилевс», т. е. «царь», объясняя тем, что киевский князь Владимир, стремясь ничем не отличаться от византийских императоров, взял себе этот монарший титул. Другие видели в этом знаке изображение церковного светильника, хоругви, портала храма, якоря, птицы-сокола или верхней части скипетра как атрибута власти.

Исходя из того что «знак Рюриковичей» появился на княжеских печатях еще в дохристианское время, его нельзя расшифровывать как элемент христианской символики. И наоборот, он не мог быть сугубо языческим символом, так как долгое время употреблялся и после принятия христианства, в частности использовался в качестве родового знака на монетах Владимира Святославича.

Делались попытки расшифровывать эмблему трезубца как олицетворение трех стихий: воздуха, земли и воды. Однако все эти расшифровки гипотетичны и не объясняют ни происхождения, ни конкретной принадлежности «знаков Рюриковичей». Видимо, в те времена, когда этот знак появился, затем стал воспроизводиться на монетах времен Владимира Святославича, Святополка, Ярослава Мудрого, символика его была ясной и понятной для современников. С течением времени символическое значение знака забылось, и сейчас расшифровка его представляет загадку для исследователей.

В. Л. Янин в своем фундаментальном труде по сфрагистике, посвященном актовым печатям Древней Руси [6], осуществил классификацию печатей с изображением княжеского знака, произвел их иконографический анализ. Выводы, к которым пришел ученый, кратко сводятся к следующему. Печати с изображением княжеского знака относятся к группе печатей архаической традиции (т. е. не заимствованных из Византии). Ранний тип этих княжеских булл уже сложился в X в., т. е. в дохристианский период. Анализ всей совокупности княжеских знаков показывает, что, существуя в двух своих главных разновидностях — парадной и упрощенной, они сохраняют конструк-

Монета Владимира Святославича

тивные элементы тамги. Имеются много примеров на печатях и монетах с положением двузубца или трезубца раструбом как вверх, так и вниз. В. Л. Янин разделяет мнение Н. П. Лихачева и А. В. Орешникова, которые признали положение этого знака необязательным, непринципиальным. Именно княжеская печать, полагает ученый, способна сохранить на себе элементы или пережитки древних сфрагистических традиций, «если они и в самом деле существовали» [7].

Итак, выводы, к которым пришел В. Л. Янин, не отрицают возможности определенного заимствования или перерастания причерноморских тамг времен античности (о них шла речь в предыдущей главе) в древнерусские княжеские знаки. В пользу этого предположения может свидетельствовать и тот факт, что и те, и другие знаки, кроме их безусловного внешнего сходства, имеют определенную аналогию по своему применению и употреблению. И те и другие, развиваясь наследственно, меняли свою форму, сохраняя при этом общую схему.

«Знаки Рюриковичей», развиваясь наследственно, иконографически постоянно эволюционировали. В основе их развития лежало наследование отцовской тамги. В результате каждый знак сочетал в себе признаки «родовые», т. е. позволяющие установить принадлежность знака к определенной ветви княжеского дома, и индивидуальные, т. е. позволяющие установить принадлежность знака определенному лицу [8]. Но, варьируясь, они не меняли все же принципиальной своей схемы, сохраняли иконографическую и стилистическую близость. Об этом свидетельствует составленная М. П. Сотниковой и И. Г. Спасским генеалогическая схема древнейших княжеских знаков X—XI вв.[9]

Однако в процессе дальнейшего развития в «знаках Рюриковичей» происходят существенные изменения. Их эволюция хорошо прослеживается при исследовании древнерусских монет, на оборотной стороне которых помещался родовой «знак Рюриковичей». По мнению В. Л. Янина, изменение формы княжеской эмблемы происходило путем внешнего ее упрощения. В результате длительной эволюции схема знака упростилась настолько, что утратила способность создавать варианты с достаточно ярко выраженными признаками индивидуальной принадлежности [10]. Этот своеобразный кризис русской кня-

Монета Ярослава Мудрого

жеской геральдики, считает ученый, лишил княжескую эмблему ее личного характера и в дальнейшем придал ей родовой или территориальный характер [11].

«Знаки Рюриковичей» в качестве знаков княжеской собственности широко использовались в разных сферах административной и хозяйственной жизни Древней Руси. Отлитые из серебра или бронзы, они были на поясах дружинников князя, на оружии, знаменах княжеских войск. Эти знаки ставились на слитках серебра, принадлежавших князю, на княжеских товарах, отправляемых за границу, ими был помечен весь инвентарь княжеского хозяйства.

Знаками клеймили коней, метили бортные деревья и т. д. Это зафиксировано в законодательном кодексе Киевского государства «Русской правде», в котором знаки собственности фигурируют под названием «пятна» и «знамена». В нем, в частности, говорится: «А за княжь конь, иже той с пятном,— 3 гривны» [12]. Знаками метились орудия производства ремесленников — холопов, работавших на княжеском дворе, гончаров, кирпичников, златокузнецов.

Большое внимание изучению княжеских знаков периода Киевской Руси на ремесленной продукции, в частности на предметах гончарного производства и на строительных кирпичах — плинфе, уделил Б. А. Рыбаков. Так, при составлении полного каталога гончарных клейм из всей их массы он выделил в особую группу клейма, рисунок которых воспроизводит княжеские «знаки Рюриковичей». Исследуя область их распространения, ученый пришел к выводу, что только в старых княжеских городах, упоминаемых в древнерусских летописях, встречаются княжеские знаки в качестве клейм гончаров. Плинфа с княжескими знаками в результате археологических раскопок была обнаружена в ряде древних городов, бывших когда-то княжескими (в частности, плинфа из Черниговского Спасо-Преображенского собора, с киевского Подола, где строительство церквей развернулось значительно позднее, чем в верхней части города, в близком соседстве с княжеским дворцом).

Знаки собственности имели не только князья, но также бояре и купцы. Б. А. Рыбаков, исследуя такие знаки, помещенные на перстных печатях периода Киевской Руси, утверждает, что некоторые

из них принадлежали не князьям, а киевским и черниговским боярам. По мнению ученого, такие знаки можна наблюдать начиная с VI—VII вв.[13]

В свою очередь Б. Д. Греков, не касаясь специально вопроса о происхождении этих знаков, исследовал их функциональное назначение в раннефеодальном государстве и пришел к выводу, что знаки княжившего дома распространялись на весь двор — дом каждой семьи, т. е. на людской состав и на инвентарь. Что же касается эволюции княжеского знака, ученый полагает, что эти знаки, сохраняя общую основу, постепенно индивидуализировались [14].

После введения христианства (988—989 гг.) новая религия приспособила символы древнего культа для своих потребностей, совместив их с новой символикой. На княжеских знаках также наряду с языческими символами начинают появляться изображения религиозного характера — лик спасителя, богоматерь с младенцем, особенно почитаемый святой. На вислых княжеских печатях-буллах с одной стороны помещалось несколько схематичное изображение ангела-хранителя или святого, соименного владельцу печати. В нем была заложена, по мнению В. Л. Янина, идея личного патроната [15]. На другой стороне печати помещалась греческая надпись, в которой указывалось мирское или христианское имя князя — владельца печати. Причем, как утверждает Янин, изображение на печати святого почти всегда совпадало с христианским именем князя — владельца печати [16]. Но чаще всего печати эти были анонимными. На них отсутствовало имя князя, о нем можно было догадываться по довольно схематичному изображению святого, имя которого носил владелец печати [17]. В этом заключается сложность при определении принадлежности печати тому или иному князю. Так случилось, например, с печатью с изображением святого, привешенной на грамоте киевского князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода, данной новгородскому Юрьеву монастырю и датированной около 1130 г. На одной стороне печати Мстислава традиционно изображен Иисус Христос, сидящий на престоле, правая его рука поднята, в левой он держит закрытую книгу. На другой стороне изображен момент схватки воина со змием. Правой ногой воин наступает на змия, в правой руке держит копье, острие которого вонзает в раскрытую пасть чудовища.

Долгое время считалось, что на печати Мстислава в образе воина изображен архангел Михаил и именно она дала основание для его изображения на позднейшем гербе Киева. А. Б. Лакиер, в частности, исходя из такого определения имени воина на княжеской печати, сделал вывод, что для Киевского княжества уже в XII в. «образовалась постоянная эмблема архангела Михаила» [18], и объяснял это тем, что Киев был центром, откуда христианство распространилось по всей Руси.

В действительности, сцена битвы воина с диким зверем очень популярна в княжеской сфрагистике многих народов периода феодализма. Битва воина с чудовищем, в данном случае со змием, обычно трактуется в категориях религиозной символики как битва добра со злом и победа добра. В образе воина персонифицируются лучшие качества человека — отвага, мужество, борьба за веру. Змий отвечает понятию зла, двуличия, греха, является зооморфическим изображением дьявола. В этих сюжетах чудовища как символы нечистой силы всегда представлены побежденными рыцарем. Поэтому символическое

изображение борьбы воина со зверем находит свою аналогию в изображениях патрона рыцарства — архангела Михаила, борющегося со змием и побеждающего его *.

Что же касается принадлежности этой печати, то, как уже отмечалось, согласно с традиционными представлениями, на княжеских печатях времен Киевской Руси изображались святые — патроны владельцев печатей. Здесь в полной мере применим разработанный Н. П. Лихачевым сфрагистический метод определения принадлежности анонимных печатей древнерусских князей по именам святых, изображенных на них, соименных христианским именам владельцев печатей. Если предположить, что печать принадлежала Мстиславу, на ней должен был быть изображен не архангел Михаил, а Феодор Стратилат, так как Мстислав принял при крещении православное имя Феодор. Если же печать на грамоте принадлежала сыну Мстислава Всеволоду, на ней должен был быть изображен не Михаил, а Гавриил (по второму, христианскому имени князя). К такому выводу и пришел Н. П. Лихачев.

В. Л. Янин, тщательно изучив эту печать, пришел к выводу, что она по своей композиции и динамичности изображения не имеет аналогов среди печатей XII в., близка к печатям начала XIII в. и принадлежала не киевскому князю Мстиславу Владимировичу, а отцу Александра Невского великому князю владимирскому Ярославу Всеволодовичу, который тоже, как и Мстислав, имел христианское имя Феодор [19].

Итак, нет оснований выводить происхождение киевского герба из этой, весьма сомнительной по своей принадлежности и датировке, печати.

Однако изображение архангела Михаила в его традиционном иконописном виде с копьем в правой руке встречается во множестве на печатях XII—XIII вв.[20] Несмотря на значительные трудности в атрибуции, принадлежность многих из них установлена с помощью указанного выше метода, разработанного Н. П. Лихачевым. Согласно этому методу, помещение архангела Михаила на ту или иную княжескую печать свидетельствовало о ее принадлежности князю, который носил православное имя Михаил. Обилие изображений архангела Михаила на княжеских печатях объясняется большой распространенностью этого имени в княжеской семье, в том числе у тех князей, которые княжили в Киеве. Исходя из этого, можно сделать предположение, что, поскольку на печатях древнерусских князей как времен Киевской Руси, так и удельного периода постоянно фигурировало изображение архангела Михаила, возможно, оно послужило впоследствии прототипом для изображения на киевском гербе. В пользу этого предположения служит тот факт, что часть городских гербов происходила от изображений, помещенных в свое время на печатях, в том числе княжеских **. Именно на них ориентировались создатели позднейших городских гербов. В последующих главах предпринята

---

* Мотивы битвы воина с чудовищем был известен еще в древней мифологии Ближнего Востока, Греции как символ героизма (Геракл в борьбе со львами, Геркулес — с гидрой, Самсон, разрывающий пасть льва, и т. д.).

** О влиянии, которое изображения на древнерусских княжеских печатях имели на эмблемы в гербах областей и городов, см. статью: *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы.— Учен. зап. Моск. ун-та. История, 1946, кн. 1, вып. 93, с. 43—67.

попытка проследить возможный процесс перерастания этой княжеской эмблемы в герб города, проследить основные моменты развития этой эмблемы, зафиксированные в источниках, имеющихся в нашем распоряжении.

На Руси символические изображения помещались также на воинских знаменах, которые назывались в то время стягами. (Как известно, знамена, представляющие собой символы объединения и власти, существуют на протяжении всей истории человечества.) Здесь появление различных знамен и их эмблематики подчинялось тем же закономерностям, что и в других странах. В древности они представляли собой пучки травы или конские гривы, крепившиеся к длинным деревянным шестам. Впоследствии появилось яркое, видное издалека полотнище клинообразной формы, которое крепилось к железному копью или древку.

В Древней Руси стяги—непременные боевые атрибуты — устанавливались на месте сбора дружинников. Стяг для того и был введен, чтобы по этому своеобразному ориентиру стягиваться в какое-то определенное место. Поставить стяг — означало начать подготовку дружин к боевым действиям, приготовиться к бою. «Трубы трубятъ въ Новѣградѣ—стоятъ стязи в Путивлѣ» [21],—так говорится о подготовке русских дружин к походу против половецкого хана в «Слове о полку Игореве». Стяги считались святыней. Великокняжеские стяги обычно находились на самом почетном месте, под охраной дружины. Во время боя около них разгорались самые ожесточенные схватки воинов, защищавших свой стяг.

Знаменная символика, как и любая другая, отражала идеологические и религиозные представления своего времени. В языче-

Изображения архангела Михаила на княжеских печатях. XII—XIII вв.

ское время на полотнищах знамен обычно изображались культовые фигуры, особо почитаемые языческие боги, другие древние символы; после принятия христианства появились новые эмблемы — атрибуты христианской символики — кресты, лики святых, изречения из священных писаний. Ценные данные о религиозной символике на стягах древнерусских воинов дают нам миниатюры Радзивилловской летописи, рассказывающие о походе князя Игоря на половцев. В рисунках прослеживается четкое разделение русских и половецких стягов: на русских стягах навершием древка являлся крест, на половецких—полумесяц.

В более позднее время на воинских знаменах стали помещаться земельные эмблемы, а затем, с появлением у городов гербов, их городские символы. (Поэтому в настоящей работе мы не раз будем обращаться к изучению знамен или хоругвей как исторического источника, дающего ценные сведения о символике земельных эмблем и городских гербов.)

В IX—X вв. формируются такие раннефеодальные центры, как Киев, Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский. После смерти Ярослава Мудрого (1054) произошел раздел земель между его сыновьями, каждый из которых получил свой удел. В связи с феодальной раздробленностью государства на удельные княжества, внутридинастическими столкновениями претендентов на княжеский стол и сепаратистскими тенденциями отдельных князей происходит и функциональное изменение княжеских эмблем. Княжеская печать уже перестает быть привилегией великого князя. Каждый князь, владелец удела, имел право на свою печать. Она была необходима для утверждения договоров, актов, для скрепы грамот, указов и других документов по общепринятой тогда традиции. Лица, в обязанность которых входила охрана печати, назывались печатниками. Должность печатника принадлежала к древнейшим должностям княжеского двора.

В период феодальной раздробленности печати удельных князей стали выполнять функцию земельных эмблем.

Известно, что один из сыновей Ярослава Мудрого, Святослав Ярославич, родоначальник черниговской и муромско-рязанской династий, из огромных владений своего отца наследовал древний Чернигов, первые летописные сведения о котором относятся еще к 907 г. Упоминание Чернигова на втором месте после Киева в договорах

Руси с греками (945), а также сообщение Константина Багрянородного в середине X в. свидетельствуют о Чернигове как о важном центре, имеющем значительную долю в доходах «Русской земли». После Любечского съезда 1097 г. Черниговское княжество было окончательно признано за Святославичами. Эмблемой Черниговского княжества издавна считался черный двуглавый орел. Это утверждение часто встречается в дореволюционной исторической литературе. Чем же оно аргументировалось? Прямых данных о том, что эмблемой Черниговского княжества до нашествия орд Батыя был двуглавый орел, обнаружить не удалось. Некоторый свет на существование двуглавого орла в качестве эмблемы этого княжества проливают археологические данные, согласно которым на предметах, принадлежавших черниговскому князю, встречается подобное изображение. Так, при раскопках кургана Черная Могила (X в.) был обнаружен принадлежавший черниговскому князю турий рог, на оковке которого помещено изображение орла. Однако одна эта археологическая находка еще не дает основания утверждать, что на роге помещена именно княжеская эмблема. Подобные изображения были очень распространены в разных местах.

Б. А. Рыбаков, в частности, полагает, что черниговский ювелир X в., исполнивший этот великолепный образчик плоской чеканки — серебряную оковку турьего рога — почерпнул отдельные образы, в том числе изображение орла, со сходного до мелочей по сюжету иранского блюда постсассанидского стиля, датируемого IX в.[22] Вполне вероятно, что композиция с орлом на чеканке черниговского рога является лишь творческой переработкой восточных художественных образов и свидетельствует о раннем и оригинальном развитии русского варианта общеевропейского тератологического стиля.

Действительно, эмблема двуглавого орла была распространена у многих народов[23]; это не дает основания утверждать, что орел фигурирует в качестве эмблемы Черниговского княжества. С другой стороны, известен обычай, по которому князья изображали свои эмблемы, княжеские знаки на оружии, поясах, помещали их на воинском снаряжении, а также на предметах домашнего обихода. Следовательно, нельзя категорически отрицать, что орел на турьем роге не являлся эмблемой князя. Но даже если принять эту гипотезу, одного свидетельства для ее подтверждения было бы недостаточно.

Одним из указателей направления поиска существования эмблемы орла у Черниговской земли в X в. может служить древнерусский героический былинный эпос. Так, былина об Иване Годиновиче и Кощее Бессмертном, связанная своим сюжетом непосредственно с Черниговом, позволяет гипотетически воссоздать историю появления орла в качестве символа этой земли. Кульминационным моментом былины является волшебная смерть Кощея, завладевшего невестой русского богатыря Ивана. Вещая птица орел предрекает смерть Кощея. Здесь в образе Кощея, отбивающего в бою русскую женщину, очевидно, представлены кочевники, постоянно угрожавшие Черниговской земле. Возможно, именно этот сюжет был запечатлен на ритуальном турьем роге. По мнению Б. А. Рыбакова, былинная вещая птица — орел — уже в середине X в. была изображена на священном ритоне, покрытом разнообразными мифологическими чудищами[24].

Есть еще одно изображение орла на вещественном памятнике более позднего времени. На стенах каменных палат Черниговского

Борисоглебского собора, сооруженного в 1123 г. черниговским князем Давидом-Глебом Святославичем как усыпальница черниговских князей, помещено высеченное из камня изображение двуглавого орла. Эти данные позволяют предположить, что двуглавый орел еще до нашествия полчищ Батыя действительно мог быть эмблемой Черниговского княжества, которая впоследствии трансформировалась в герб города Чернигова.

А. Шафонский, исследуя этот герб, отметил давность его изображения: «Сей герб от самих российских князей до разорения татарского введен» [25]. Мнения о древности этой эмблемы придерживались и другие дореволюционные исследователи [26].

Имеется еще одно доказательство в пользу этой гипотезы. Генеалогические изыскания показывают, что многочисленные потомки князя Святослава Ярославича, родоначальника династии Святослава, в своих родовых гербах в качестве постоянно присутствующей эмблемы имели черного двуглавого орла [27].

Таким образом, изложенные выше данные и их анализ могут свидетельствовать в пользу того, что эмблемой Черниговского княжества еще в домонгольское время было изображение черного орла.

После съезда князей в Любече в Черниговской земле появился новый княжеский стол — в Новгород-Северске. С образованием Новгород-Северского княжества территориальное ядро Черниговской земли оказалось во владении двух княжеских столов: Чернигову непосредственно принадлежали города по нижнему течению Десны, Новгород-Северскому — Стародуб. В первой половине XII в. территория Черниговской земли состояла из ряда волостей, образовывающих сложную чересполосицу феодальных владений черниговских и новгород-северских князей. В середине XII в. Стародуб временами отходил к Чернигову, а в 60-х годах подчинился ему окончательно. Одно время стародубский княжеский стол занимал младший из многочисленных сыновей великого князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо) — Иван Всеволодович. На печати этого удельного князя, а также на печатях, носивших его представительство, был изображен старый дуб [28]. Эмблема на печатях этого князя и его сыновей могла выступать в качестве эмблемы всего Стародубского княжества до конца его политической самостоятельности. Сведений об эмблеме на воинском знамени Стародубского княжества того периода обнаружить не удалось.

Резюмируя изложенный выше материал, можно сделать такие выводы. В раннефеодальном государстве, каким была Киевская Русь, эмблемы несли на себе определенную социальную нагрузку. Функциональная сущность их многозначна. Великокняжеские эмблемы являлись прежде всего атрибутами власти. В этом значении они использовались на печатях, монетах. Помещенные на великокняжеских печатях, которыми скреплялись международные договоры, они приобретали значение общегосударственной эмблемы. Как знаки собственности они широко использовались в различных сферах административной и хозяйственной жизни княжества. Существуя в качестве знака князя на границе его владений для обозначения принадлежавшей ему земли, они фактически являлись символами этих владений, т. е. определенной территории.

Итак, функционируя определенный период времени, иногда длительный, в качестве знака княжения, т. е. власти, лично-родовые знаки князей, которые владели и управляли определенной территорией, по существу, выступали как эмблемы этих земель и нередко отождествлялись с символом всего княжества, хотя говорить о территориальных эмблемах в полном значении этого слова, как о чем-то стабильном, зафиксированном в этом смысле в специальных документах, еще не приходится.

Эволюция схемы великокняжеского знака исторически обусловлена. Будучи эмблемами правящей династии, а значит, развиваясь наследственно, эти знаки видоизменялись. Эволюционируя в пределах своей династии, они сохраняли иконографическую близость, не меняя основной своей схемы.

В результате дробления государства на удельные княжества появились эмблемы удельных князей в качестве атрибутов феодальной собственности. Стабильность изображений на эмблемах древнерусских удельных княжеств и их функции позволяют предположить, что по мере развития феодального общества некоторые из этих древних символов могли быть использованы впоследствии при создании городских печатей, а в дальнейшем в качестве правово-опознавательных знаков — перейти в гербы городов. Такая преемственность обусловлена исторической традицией, а также социальной ролью, которую играли эмблемы и гербы.

Глава III

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ЭМБЛЕМ И ГЕРБОВ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

Дальнейшее развитие эмблем и гербов исследуемой территории имело свою специфику, обусловленную своеобразием исторического развития левобережных украинских земель. Нашествие орд Батыя затормозило развитие эмблем и символов на юго-западных землях Руси, однако не уничтожило их совсем. Об этом свидетельствуют многочисленные эмблемы на княжеских печатях, монетах Великого княжества Литовского.

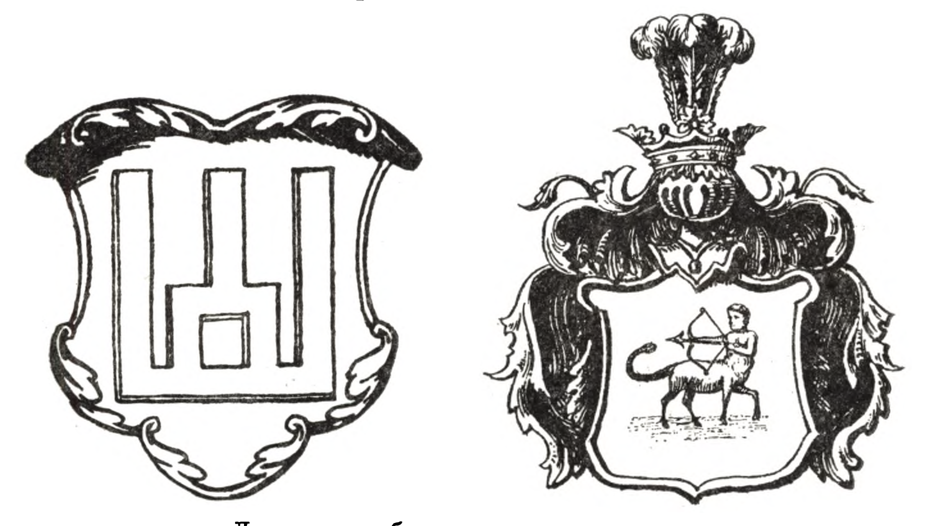
Ослабленные зависимостью от Золотой Орды, политически разъединенные юго-западные земли в течение 40—70-х годов XIV в. вошли в состав Великого княжества Литовского.

Для правильной оценки политических условий развития левобережных украинских земель, находившихся в составе Великого княжества Литовского, и для освещения состояния территориальной эмблематики этого периода необходимо ознакомление с государственно-политической системой этого государства.

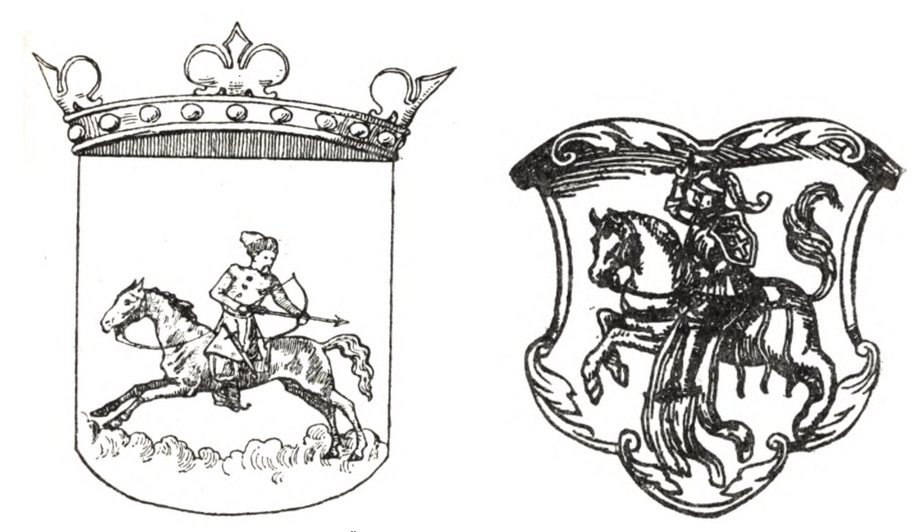
Включенные в княжество украинские, белорусские и частично русские земли составили 9/10 всей его территории. До Кревской унии 1385 г., т. е. соглашения о династическом союзе между Польшей и Великим княжеством Литовским, на этих землях не происходило существенных изменений в политико-административном устройстве. Раннефеодальная Литва удовлетворилась традиционной формой зависимости присоединенных земель, создавая в них свои бенефиции [1]. Общественное развитие на этих землях продолжалось, сохраняя прямую преемственность от Древнерусского государства.

Как отмечал академик М. Н. Тихомиров, стремясь не потерять свою национальную самобытность, присоединенные народы «опирались на мощную культуру, созданную древней Русью» [2]. Действовали прежние законы и обычаи. Продолжали существовать крупные феодальные образования, состоявшие в свою очередь из ряда мелких уделов.

Киевское, Новгород-Северское, Стародубское и Черниговское княжества управлялись согласно древнерусскому праву, с той лишь разницей, что великие литовские князья посадили на удельные столы местных княжений своих родственников или наместников. Удельные

Литовские гербы «колюмны» и «кентавр»

Герб Великого княжества Литовского «погоня» (с луком и стрелой; с мечом)

князья, являвшиеся представителями литовской великокняжеской династии, осуществляли управление через своих наместников — местных феодалов. В частности, на украинских землях княжеские столы занимали литовские удельные князья: Владимир Ольгердович в Киеве (1362—1394), Константин Ольгердович в Чернигове, Патрикий Наримунтович в Стародубе, Корибут Дмитрий Ольгердович с 1381 г. в Новгород-Северске. Политическая децентрализация определяла государственное устройство Великого княжества Литовского. Связь в политических сферах удельных князей заключалась в их вассальной зависимости от великого князя литовского, закрепленной в договорах и присяжных записях.

Взаимосвязь исторического развития литовского, украинского, белорусского и частично русского народов обусловливалась многочисленными факторами, прежде всего одной государственной системой. В. И. Ленин писал, что разные народы, живущие в одном государстве, связывает множество нитей экономического, правового и бытового характера [3]. Это ленинское положение относится и к украинским землям, находившимся в составе Великого княжества Литовского.

Более высокий уровень экономики, социальных отношений, политического устройства, военной организации, культуры включенных в состав Литовского государства украинских, белорусских, частично русских земель оказывал большое влияние на политическую, социальную и культурную жизнь Литвы. В свою очередь украинский, белорусский, русский народы перенимали много полезного из различных сфер жизни литовского народа.

Эта взаимосвязь и взаимовлияние сказались и на развитии эмблематики в Великом княжестве Литовском. Основные тенденции ее развития были общими для литовского княжества в целом и для левобережных украинских земель в частности. Однако эмблематика Левобережья имела и свои местные особенности.

Существующий довольно ограниченный круг источников не дает возможности в полной мере осветить состояние тогдашней княжеской

и территориальной эмблематики как украинской, так и литовской. Гербовые эмблемы исследуемого периода значительно меньше изучены, чем более позднего времени. Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволил выделить в развитии княжеских и территориальных эмблем Великого княжества Литовского два этапа, поскольку их развитие тесно связано с развитием политической системы на левобережных украинских землях. Хронологические рамки первого этапа определяются периодом, когда юго-западные земли только вошли в состав суверенного княжества (с 40-х годов XIV в. до Кревской унии 1385 г.), и общественное развитие в них сохранило прямую преемственность от Древней Руси. Второй этап — период с 1385 г. до Люблинской унии 1569 г., когда в государственное управление землями Великого княжества Литовского постепенно вводятся элементы политического и административного устройства королевства Польского, в том числе и геральдические традиции.

В Литве в XIV в. существовали эмблемы, которые уже тогда назывались гербами. Главными и самыми древними из известных истории эмблем великих литовских князей были «колюмны», «кентавр» и «погоня». Первой литовской эмблемой была «колюмны», на которой изображены три белые башни в красном поле [4]. Изображение на эмблеме «колюмны» своими очертаниями напоминает древнерусский знак Рюриковичей — трезубец. Но проводить аналогию и искать общие корни этих двух древних эмблем невозможно из-за отсутствия достаточно веских доказательств.

В эмблеме «кентавр» изображена мифологическая фигура с головой, грудью, руками человека и туловищем лошади. Эта эмблема, одна из самых древних Великого княжества Литовского, отражает тотемную ступень развития религии на литовских землях.

Великий князь литовский Витень пользовался сначала эмблемой «колюмны» [5]. В Ипатьевской летописи под годом 1278 сказано, что Витень имел и другую эмблему: «Витенъ нача княжити над Литвою измысли себе герб и всему князеству Литовскому печать: рыцерь збройный на коне з мечем, еже ныне наричут погоня» [6]. Эмблема эта впоследствии стала гербом всего Великого княжества Литовского и не менялась в течение нескольких веков. На этой древней эмблеме изображен вооруженный рыцарь в шлеме на белом скачущем коне, держащий в левой руке щит с двумя золотыми крестами, соединенными в один, а в правой руке — поднятый меч. Конь показан в быстром беге, как бы в погоне. Отсюда и ее название.

В основе символики этой эмблемы воплощены определенные политические и идеологические тенденции великих литовских князей. Ее можно интерпретировать двояко. С одной стороны, в образе вооруженного рыцаря, столь популярного в средневековой эмблематике, можно усмотреть оборонительный мотив (воин с оружием в руках защищает свою землю от неприятеля), в данном случае — символ борьбы литовского народа с крестоносцами за свою национальную независимость. С другой стороны, эта эмблема могла отражать политику литовских великих князей, направленную на расширение своей территории и выражавшуюся в наступлении на западные русские земли.

Преемник Витеня Гедимин избрал для своей печати новый символ — ангела [7], который, однако, не прижился. Последующие литовские князья, в частности сын Гедимина Наримунт, возвратились

Печать литовского князя Корибута Ольгердовича

к прежней эмблеме — вооруженному рыцарю на коне, которая стала наследственной.

В Великом княжестве Литовском печати и монеты были наиболее распространенным и преимущественным местом изображения гербовой эмблемы.

По мнению польского ученого С. Кучиньского, печати типа гербовых стали появляться в литовской княжеской сфрагистике в конце XIV в.[8] Однако в то время еще мало были известны строгие геральдические правила (как это было на Западе), согласно которым князь мог иметь печать с изображением своего герба и ни одна деталь в нем не могла быть произвольно изменена. В литовских источниках встречаются разнообразие и бессистемность изображений на печатях литовских князей. Так, на печатях Гедимина можно увидеть ангела. На печати Корибута 1385 г. изображен всадник с копьем. Печати эти еще не переходили по наследству; иногда один и тот же князь при различных обстоятельствах пользовался разными печатями. Например, литовский князь Ягайло имел две печати с разными изображениями — «погоню» с мечом и «погоню» с копьем. На одной из печатей Витовта изображен всадник с мечом, на другой (1404) — ангелы. Витовт и некоторые другие Гедиминовичи помещали на своих печатях «колюмны». Известна печать Витовта 1413 г. с изображением литовской «погони» в центре, окруженной еще тремя эмблемами с изображением стоящего рыцаря с копьем, медведя и креста.

Следует отметить, что литовские князья часто пользовались печатями с надписями кириллицей. В частности, на печати князя Ольгерда, приложенной к транзакции, заключенной в 1366 г. ним и Кейстутом с польским королем Казимиром, имелась кириллическая надпись. Его сын Корибут также имел печать с надписью кириллицей: «Печать князя Корибута».

Не только великие литовские князья имели свои печати как символы княжеской власти и одновременно государственности. Наиболее крупные удельные князья Великого княжества Литовского также имели свои печати. Как говорилось, печать имел Корибут Ольгердович, владевший с 80-х годов XIV в. Новгород-Северским княжеством. На ней был изображен вооруженный копьем всадник.

По воспроизведенному в указанной выше книге А. Лакиера довольно условному рисунку корибутовой печати можно предположить,

что это один из вариантов литовской великокняжеской эмблемы «погоня», поскольку именно она в различных вариациях фигурировала на многих эмблемах литовских князей — потомков Гедимина. С этого времени «погоня» становится стабильной и переходит по наследству в пределах правящей династии вместе с владением.

Сведения об эмблемах можно почерпнуть, изучая киевские монеты, на которых обычно помещались княжеские знаки удельных князей. Из-за ограниченного количества источников по истории Киевской земли первой половины XIV в. до завоевания ее литовским князем Ольгердом в начале 60-х годов об этом периоде известно мало. В распоряжении исследователей имеются случайные упоминания, которые не дают достаточного представления о князьях, правивших в Киеве до Владимира Ольгердовича, и об их эмблемах.

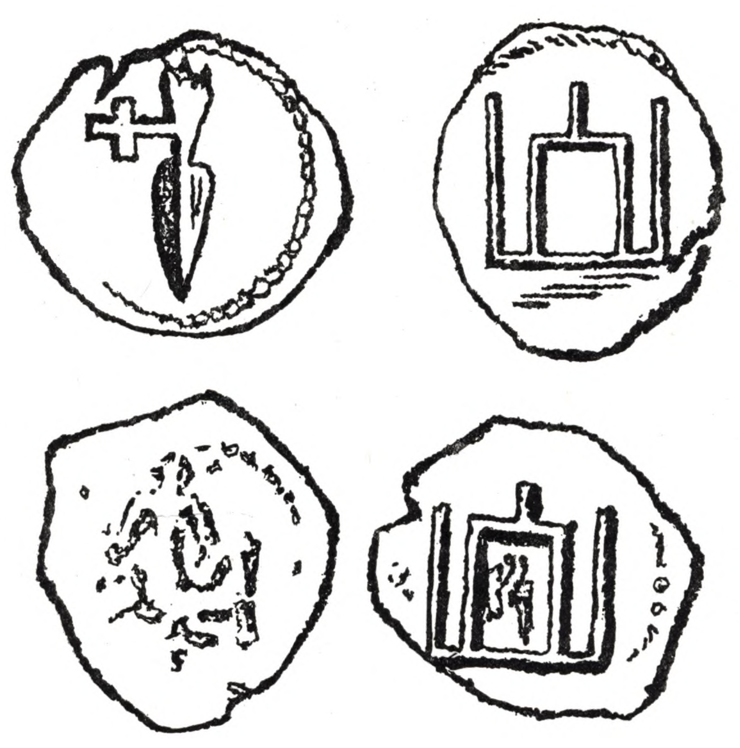
В 1362—1394 гг. киевский стол, как сказано, занимал Владимир Ольгердович, который на протяжении всего своего княжения чеканил собственную монету. До нашего времени дошли его монеты с княжеским знаком этой ветви Ольгердовичей. Н. Ф. Котляр, исследуя коллекции монет Великого княжества Литовского, пришел к выводу, что в тот период было выпущено пять типов монет, отличавшихся размером, массой, легендой, но на всех типах функционировал один княжеский знак [9].

Ученые дореволюционного времени по-разному интерпретировали изображение на монетах. Так, В. Б. Антонович видел в нем несколько измененную литовскую эмблему «колюмны» [10]. Это мнение не было поддержано позднейшими исследователями киевских монет XIV в. Действительно, изображение на монетах Владимира не похоже на «колюмны» и вряд ли могло трансформироваться из этого знака. И. И. Толстой считал, что загадочная фигура представляет собой «хоругвь», знамя предшественников Владимира на Киевском столе [11]. По мнению Н. И. Петрова, этот знак — схематическое изображение киевских Золотых ворот [12]. К. В. Болсуновский считал, что это княжеский знак, позаимствованный Владимиром Ольгердовичем у киевских и черниговских Рюриковичей вместе с захватом киевского удела [13]. Но ни Толстому, ни Болсуновскому не удалось аргументированно объяснить, почему это гербовое изображение прослеживается в нумизматике только со времени Владимира Ольгердовича и не встречалось в эмблемах его предшественников. Советский исследователь А. А. Ильин и польский специалист в области нумизматики М. Гумовский ограничились предположением, что на монетах помещен княжеский знак Владимира Ольгердовича [14].

Монета Кейстута с гербом «колюмны»

Н. Ф. Котляр считает гипотезы и предположения указанных выше исследователей достаточно уязвимыми, хотя бы потому, что Владимир Ольгердович не принадлежал к роду Рюриковичей и поэтому не имел основания унаследовать их родовой знак. Ученый выдвинул свою гипотезу расшифровки знака на киевских

Литовские монеты XIV в. с гербом «колюмны»

монетах XIV в. По его мнению, можно предположить, что указанный знак был специально создан для Владимира Ольгердовича и представляет собой не что иное, как монограмму из букв «К» и «В», т. е. начальных слов «Киев» и «Владимир». Вместе с тем Н. Ф. Котляр отметил, что расшифровка этого знака еще ждет своих исследователей [15].

Отсутствие единого мнения исследователей относительно изображения на монетах Владимира Ольгердовича в какой-то степени объясняется небольшим их количеством, дошедшим до наших дней. Имеющиеся же в наличии монеты с полустертыми изображениями не позволяют сделать окончательный вывод о символике этого знака.

На наш взгляд, трактовка Владимирового знака, которую предложил Н. Ф. Котляр, наиболее правильна и исторически объяснима. Действительно, литовский князь Владимир Ольгердович, правящий во второй половине XIV в. Киевской землей, вполне мог иметь свой княжеский знак, в котором лаконично сочетались его личный знак представителя литовской великокняжеской династии и символ его владения — Киева. Что же касается некоторого сходства в изображениях эмблемы литовского князя с эмблемой киевских князей, факты позднейшего времени показывают, что литовские князья, вокняжившись на древнерусских землях, могли заимствовать эмблемы бывших местных княжеских династий, несколько видоизменяя их и развивая.

На украинском денежном рынке второй половины XIV—XV в. в большом употреблении были и другие литовские монеты — денарии, на которых помещались эмблемы. По рисункам, изображенным на

них, эти монеты можно разделить на 4 типа: 1) с надписью печать» и изображением копья; 2) с изображением копья и литовской «колюмны»; 3) с изображением литовских эмблем «погоня» и «колюмны»; 4) с изображением «погони» и двойного креста [16]. Следует отметить, что на украинских землях (при археологических раскопках) встречаются преимущественно монеты второго типа.

Анализ изображений на монетах дает некоторое представление о гербовой символике Великого княжества Литовского того времени. Одним из первых начал чеканить монету литовский князь Кейстут (умер в 1382 г.). На одной из сторон монеты, приписываемой ему, было слово «печать», написанное кириллицей, на другой — были изображены наконечник копья и крест [17]. Такая эмблема могла быть помещена на монетах после принятия христианства в Литве (христианство в княжестве стало распространяться в первой половине XIV в.). Кейстут также первым начал ставить на своих монетах литовскую «погоню» и «колюмны» Гедиминовичей. После Кейстута монеты чеканил литовский князь Витовт (1392—1430).

На литовских монетах более позднего времени сохранились традиционные эмблемы Великого княжества Литовского — «погоня» и «колюмны». Такие монеты чеканились при Казимире Сигизмундовиче, ставшем великим князем литовским в 1444 г.

Исследуя эмблемы Великого княжества Литовского, нельзя не сказать об их местоположении на воинских территориальных знаменах — хоругвях.

В период зрелого средневековья войско в Великом княжестве Литовском * собиралось и организовывалось по феодально-иерархическому и территориальному принципу. Сюзерен в случае военной необходимости созывал под свое знамя живших на его земле вассалов и их слуг, которые собирались под свои местные знамена и составляли, таким образом, отдельные, разновеликие по численности подразделения. Их наименования в различных странах звучали по-разному, но организация всюду была однотипной. Отдельные отряды, из которых состояло войско, формировавшееся по владельческому и территориальному принципу, на Руси назывались «стягами», «знаменами», в Польше и Великом княжестве Литовском — «хоругвями». Каждое из этих тактических подразделений имело знамя (хоругвь) с эмблемами, по своим геральдическим начертаниям и цвету характерными только для данного подразделения.

Сведения об эмблемах, которые помещались на воинских хоругвях Великого княжества Литовского в начале XV в., мы почерпываем из сообщений польского писателя К. Несецкого [18] и польского средневекового хрониста Яна Длугоша [19], описавших знаменитую Грюнвальдскую битву 1410 г., в которой объединенные польские, литовские, русские, украинские и белорусские войска одержали блистательную победу над крестоносцами Тевтонского ордена, окончательно остановив немецкую экспансию на восток и показав всему миру воз-

* Как отмечалось выше, правило строить и выводить войско под своим знаменем (хоругвью) было распространено и в других странах. На Руси каждый военный отряд собирался под своим воинским стягом, в Польше и Великом княжестве Литовском — под хоругвью. Об этом определенном сходстве структурных воинских подразделений во многих европейских странах с учетом возможных различий, в частности в отношении эмблематики, сообщает А. Н. Кирпичников в работе «Куликовская битва» (Л., 1980).

росшую консолидацию славянских народов и укрепление дружбы с народами Прибалтики.

Литовский князь Александр, сообщает Длугош, построил свое войско, разделив его «по стародавнему обычаю предков по клиньям и хоругвям». (Здесь под словом «хоругвь» имеется в виду определенное воинское образование.) Достаточно подробные сведения о сборе войска перед битвой, сообщенные Длугошем *, указывают, что славяно-литовская армия состояла из 40 отрядов, каждый из которых имел самостоятельную хоругвь. На 30 из 40 хоругвей был изображен всадник на коне в доспехах, с мечом в правой руке, в красном поле. На хоругвях варьировалась только масть коня — белая, черная, пегая, гнедая. Изменение масти коня на хоругвях было сделано, чтобы отличить эмблему одной земли от другой. Хоругви именовались по названиям представленных ими земель. Среди них были хоругви Киевской и Стародубской земель, Новгород-Северского княжества и др.

На остальных 10 хоругвях были нарисованы знаки, которыми, отмечает Длугош, Витовт обыкновенно клеймил своих коней, т. е. упомянутые раньше «колюмны»,— стена с тремя башнями, или, как еще их называют, «Гедиминовы столпы».

Таким образом, судя по описанию Длугоша, славяно-литовская армия, в состав которой входили воины, представлявшие литовские, русские, белорусские и украинские земли, имела на своих военных хоругвях фактически только два изображения — вооруженного всадника на коне, т. е. «погоню» и «колюмну». Оба эти изображения, варьируясь, являлись известными уже нам великокняжескими эмблемами самого Литовского княжества. Подобные случаи употребления воинами разных земель эмблемы государства, интересы которого армия защищала, имели место в оформлении войск разных народов средневековья [20].

Кревская уния 1385 г. между Польшей и Великим княжеством Литовским положила начало социально-политическому, религиозному и культурному влиянию Польши на Литву. Согласно условиям унии, Великое княжество Литовское лишалось самостоятельности.

Специальной грамотой литовский князь Ягайло обязался принять католичество и сделать эту веру государственной для всего княжества. В 1387 г. Ягайло издал привилей литовским боярам-католикам на права и вольности по примеру тех, которыми пользовалась польская шляхта, выделив, таким образом, феодалов, принявших католичество, в высшую привилегированную группу. Как следствие уравнения феодалов княжества (среди которых были и украинские феодалы) с польской шляхтой явилось наделение их польскими гербами.

* С. Кучиньски, автор фундаментального труда о войне с крестоносцами, относится к сведениям, сообщенным Длугошем, несколько критически, поскольку хроника Длугоша сама по себе является исследованием, основанным на документах королевского архива, полемических письмах, которые зачитывались в соборах, на воспоминаниях живших еще во времена молодости Длугоша участников Грюнвальдской битвы, на летописях, утерянных впоследствии, и т. д., т. е. на документах, далеко не всегда объективных. Тем не менее, считает Кучиньски, там, «где отсутствует королевская особа или чувство „патриотизма“, хроника Длугоша является полноценным источником» (*Kuczyński S.* Wielka wojna z zakonem krzyżackim w latach 1409—1411.— Warszawa, 1960, s. 563).

В связи с тем влиянием, которое на определенном этапе имела польская геральдика на генезис некоторых украинских гербов, в частности городских, необходимо остановиться на ней подробней.

В Польше появление гербов связано с развитием отличительно-боевых знаков. Последние в свою очередь появились в связи с практической необходимостью внешне отличать воинские подразделения во время битвы.

В случае опасности нападения врагов польские феодалы, как и землевладельцы других стран (об этом сообщалось выше), живущие по соседству и первоначально, несомненно, находящиеся в родственных между собой связях, собирались под одной общей родовой хоругвью. Перед началом военных действий место нахождения хоругви служило пунктом сбора воинов.

Первые упоминания об использовании боевых знаков в Польше относятся к началу XII в.[21] Изображения, помещенные на хоругви, не являлись еще гербами в прямом значении этого слова. На них помещались лично-родовые знаки или знаки собственности феодалов одного рода.

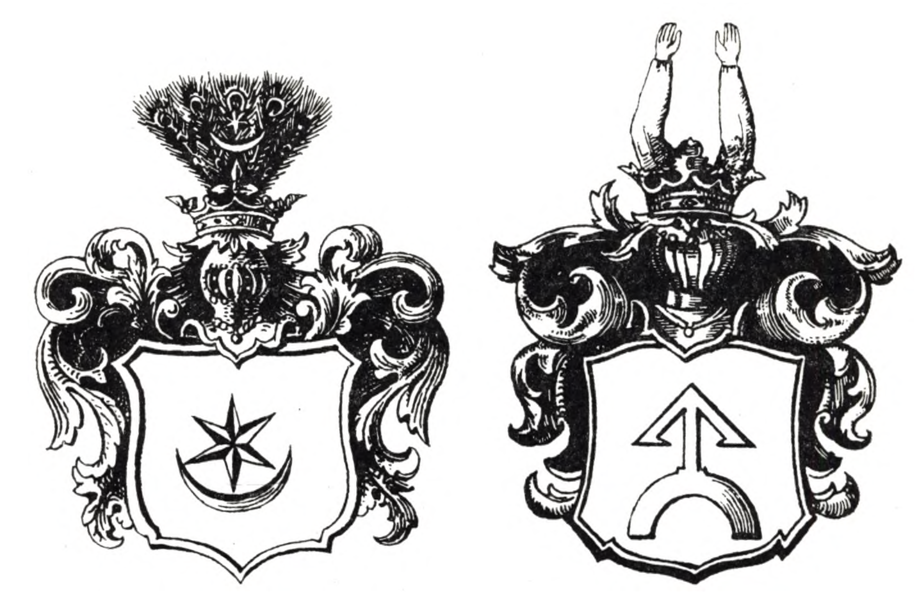
Со временем исчезла тесная родовая связь, объединявшая людей, и появилась общность территориальная. Хоругви родовые заменились территориальными, земельными. Замена хоругвей и забота о них входила в компетенцию земских чиновников [22]. С проникновением с Запада обычая герботворчества польские родовые, а затем территориальные эмблемы стали подчиняться строгим геральдическим правилам, получили свое название. В Польше сложилась своя геральдическая система *. По выражению К. Несецкого, «общность хоругвенная породила польские эмблемы и девизы» [23].

В Польше, чтобы считаться шляхтичем, не обязательно было иметь личную эмблему, как это было принято в Западной Европе. Достаточно было владеть землей и в случае войны выступить под общей территориальной хоругвью того хоругвенного объединения, к которому он был причислен. Крупный магнат, выводивший на войну свои войска под отдельной фамильной хоругвией, получал почетное звание: «князь хоругвенный» или «пан хоругвенный».

Хоругви с гербами становились символами территориальной земельной общности. Каждый шляхтич, относившийся к ней, имел право в точности повторить хоругвенную эмблему на своем щите;

---

* Истоки формирования комплекса эмблем, составляющих польские гербы, польский исследователь Т. Сулимирский, в частности, находит в наших причерноморских сарматских тамгах. Такую возможность он объясняет тем, что эти тамги в длительном процессе становления различных систем знаков могли быть заимствованы у соседних племен, стоявших на относительно одинаковой ступени развития (*Sulimirski T.* Sarmaci.— Warszawa, 1979). Выдвинутая Сулимирским теория миграции сарматских тамг подтверждается данными раскопок, проводимых советскими и зарубежными археологами, которые находили предметы с тамгами в разных районах Восточной Европы — в Румынии, Чехии, Словакии, средней и западной части Польши, на Западной Подолии. Говоря об их дальнейшей эволюции, ученый утверждает, что со временем эти тамги превратились в знаки собственности, а затем, в конце средневековья, вошли в польскую геральдику. В подтверждение этого положения Сулимирский обращает внимание на поразительное сходство преобладающей части польских гербов с сарматскими тамгами, их почти идентичную форму, в особенности в наиболее старых гербах. К сожалению, в работе исследователя не приводится конкретный материал о преемственности этих знаков и эмблем, зафиксированной в вещественных или письменных источниках.

Польские гербы «лелива» и «огоньчик»

таким образом эта эмблема становилась его гербом. Он мог пользоваться им, прибавляя к своей фамилии название герба *, т. е. с указанием своего имени указывал также, к какому гербу он относится. Иногда эмблемы на хоругвях менялись. С изменением хоругвенной эмблемы менялся и герб воина. Так сложилась шляхетская гербовая система в Польше, которая отличалась от системы западноевропейской тем, что в ней каждый герб, имея свое название, практически не менялся и употреблялся многими разными людьми, которых связывали соседство, территориальная близость и ленная зависимость.

Что касается земельной геральдики, то она складывалась в Польше следующим образом. Хоругвенные эмблемы, будучи символами территориальной общности, со временем переходили на гербы и печати городов, которые находились на территории, объединенной хоругвью [24].

Уже к концу XIV в. в Польше шляхетские гербы получили повсеместное распространение. С усилением влияния королевской Польши на Литву, с распространением католической веры стала распространяться и польская геральдическая система. Первое появление польских гербов в Великом княжестве Литовском относится к 1413 г. На Городельском сейме литовский князь Витовт и польский король Ягайло подписали договорную союзную грамоту, согласно которой литовско-русское дворянство католического вероисповедания получало целый ряд привилегий, которыми пользовалась польская шляхта, а вместе с ними и гербы [25]. В одном из пунктов Городельского договора говорилось: «Шляхта и бояре католического исповедания допускаются к гербам польской шляхты, делят с ней ее привилегии и вольности» [26].

* Польские гербы часто получали свои названия от военного клича или лозунга, помещенного на территориальной хоругви (*Белинский В.* Русский геральдический словарь. СПб., 1912, вып. 1, с. 53).

Принятие литовской знатью польских шляхетских гербов означало распространение на них сословных преимуществ, которых уже к тому времени от королевской власти добилась польская шляхта.

Поводом для уравнения в правах литовско-русской шляхты с польской послужила угроза нападения немецких рыцарей Тевтонского ордена на Польшу и Литву. Еще свежи были в памяти знаменитая Грюнвальдская битва и поражение крестоносцев в 1410 г. Перед лицом агрессии немецких рыцарей необходимо было сплотить феодалов

двух крупных государств — Польши и Литвы. А это можно было сделать только путем уравнения их в правах.

Городельский привилей 1413 г., изданный по случаю подтверждения унии 1385 г., обеспечивал имущественные, личные и сословно-политические права высшего слоя литовского боярства, оформлял и утверждал общественное и политическое значение, которое успела к тому времени приобрести литовская знать. На сейме в 1413 г. ей было роздано 47 польских гербов [27]. Таким образом, литовская шляхта была причислена к польским гербовым объединениям.

Следующий привилей польского короля Владислава II (Ягайла), изданный во Львове в октябре 1432 г., уравнял в правах с литовской украинскую, белорусскую и русскую знать. Она получала те же права и привилегии, которые уже имели литовские бояре, могла пользоваться шляхетскими польскими гербами, как и литовцы, получившие свои гербы от польской шляхты. В привилее, в частности, указывалась причина всех уступок русской, украинской и белорусской знати:

«...дабы на будущее время между обоими народами не было розни или какого-нибудь неравенства, коими может наноситься ущерб государству, чтобы все утешенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно с одинаковым рвением и постоянством радели о благе и преуспеянии государства, ревностно и верно исполняли повеления короля Ягайлы и брата его великого князя Сигизмунда» [28].

В королевском привилее, изданном в мае 1434 г. в Троках, уточнялось, что русским князьям и боярам нужно было получить разре-

Литовские монеты Сигизмунда Августа

шение на владение шляхетскими гербами [29]. В 1447 г. польский король признал равноправие бояр Великого княжества Литовского с польской шляхтой без различия вероисповедания.

Таким образом, гербы польских фамилий были розданы путем причисления к ним всех остальных бояр Великого княжества Литовского независимо от их вероисповедания. Получение польских гербов боярами Литвы должно было не только носить политический характер, но и служить наглядным доказательством сословных преимуществ, показателем равноправия с польским дворянством, к которому так стремилось боярство Великого княжества Литовского. Оно стремилось во чтобы то ни стало получить столь высоко чтимые в те времена атрибуты благородного звания; каждый хотел иметь герб, так как он означал шляхетство. Иногда приобретение польских гербов как бы перечеркивало древний род дворянина, ставилось в ущерб его родословной. Так, православный князь Константин Острожский, потомок Рюриковичей, отказался от своей древней княжеской эмбле-

мы и взял себе по принятому в то время в Польше обычаю польские гербы «лелива» и «огоньчик». Такие же гербы взяли себе князья Вишневецкие, что послужило примером для других помещать на своем щите по два и более гербов [30].

Наряду с польскими гербами, полученными литовскими, украинскими, белорусскими и русскими боярами путем названных выше привилеев, в Великом княжестве Литовском продолжали употребляться старые литовские, украинские и русские эмблемы. Это были эмблемы бывших княжеских владений. Еще до Городельского сейма 1413 г. насчитывались 90 литовских и 50 украинских, белорусских и русских таких эмблем [31]. А после Городельского сейма гербов, которые на нем не выдавались, насчитывалось уже около 200 [32]. Так, в привилеях, изданных на сеймах в Чарторыйске (1432), Гродно (1433) и Троках (1434), к документам был прикреплен целый ряд вислых печатей бояр литовского княжества с гербами, не упомянутыми в Городельском акте 1413 г. и вообще не известными в системе польских гербов [33]. На других документах, подтвержденных печатями украинских и русских бояр и относящихся ко времени до Городельского сейма, встречаются печати с их древними самобытными эмблемами.

Герб Киева и Киевского воеводства. Конец XV в.

К первой половине XV в. относятся подтвердительные грамоты польских королей на право пользования гербовыми печатями княжеским фамилиям, происходившим от литовского князя Гедимина и киевского князя Владимира Святославича.

В Литве гербовым печатям придавалось все бóльшее значение. Ни один документ, будь-то диплом, привилей, универсал и т. п., не выходил без печати. Как в Польше, так и в Великом княжестве Литовском государственные печати были двух типов — большие и малые.

Все документы, подписанные королем, в зависимости от их важности и значения скреплялись одной из двух печатей, в Польше — коронной печатью, в Литве — великокняжеской. Последняя представляла собой герб Великого княжества Литовского — «погоню» с митрой, под которой помещался орел с короной, на боковых щитах — герб польского короля, а вокруг были выписаны имя и полный королевский титул [34]. В этой печати наряду с традиционным литовским гербом присутствуют атрибуты польских королевских регалий. Эта печать — наглядное свидетельство ограничения власти великого князя литовского в пользу магнатской Польши.

За подделку великокняжеских печатей виновные строго наказывались вплоть до сожжения на костре. Это было зафиксировано в Первом Литовском Статуте 1529 г.— феодальном своде законов Великого княжества Литовского: «Коли бы хто листы або печати

наши фалшовал або их ведомо поживал (пользовался поддельными.— *В. Р.)*, таковый каждый фалшер мает каран быти огнем» [35].

В XV — первой половине XVI в. происходил процесс государственного слияния Польши и Литвы. В Литве и на подвластных ей землях продолжали внедряться элементы польской административной системы, что нашло отражение и в реорганизации военного дела.

В войсках Литовского княжества стали обязательными воинские хоругви, под которыми в случае воинской надобности должны были собираться феодалы. В Статуте 1529 г. зафиксировано положение о воинской хоругви как непременном атрибуте в военных походах и во время прохождения смотров. В одном из его параграфов говорится: «Все обязаны становиться под своей поветовой хоругвью и проходить смотр» [36]. В другом месте Статута сказано: «Желаем также и строго приказываем, чтобы все наши подданные, обязанные нести военную службу, лично являлись и проходили смотр не в каком-нибудь ином месте, а только под своей поветовой хоругвью того повета, в котором живут» [37].

Эмблема на хоругви Киевского воеводства. XVI в.

Как видно из указанных выше пунктов Статута, воинские хоругви являлись одновременно территориальными хоругвями. На них изображались территориальные эмблемы земель, входивших в состав княжества. Крупные княжеские и панские имения должны были выставлять свои ополчения под хоругвями даже тогда, когда были разделены между многими владельцами. В случае нарушения этого закона великий князь в качестве наказания мог отобрать у феодала его землю в свою пользу. «...Свое место под хоругвью как обязательное ни под каким видом не смел бы оставить и опоздать к нему под угрозой утраты своего имения» [38],— говорилось в Статуте.

В 1471 г. правящие круги Великого княжества Литовского преобразовали Киевское княжество в воеводство, которым стал управлять великокняжеский наместник ставленник Казимира IV литовский боярин-католик Мартин Гаштольд. С этого времени княжеский знак Ольгердовичей перестал употребляться в качестве территориальной эмблемы. В эмблеме Киевского воеводства вновь появилось изображение ангела [39], которое встречалось еще на великокняжеских печатях периода Киевской Руси [40]. Возвращение к традиционной эмблеме, по-видимому, было связано с политическими настроениями киевского боярства, недовольного усилением власти литовских магнатов в среднем Поднепровье и ставшего в оппозицию по отношению к политике литовской великокняжеской администрации. Судя по польским источникам, ангел изображен уже в несколько измененном виде — в крас-

ном поле, с нимбом, держащим в правой руке обнаженный меч, опущенный концом вниз, в левой — ножны, опущенные, как и меч, вниз. Согласно правилам геральдики, положение меча в гербе имеет определенное символическое значение. Меч, поднятый вверх, означал нападение. Широко известно выражение «поднять меч на кого-то», т. е. объявить войну. Меч, лежащий горизонтально,— это меч, находящийся как бы про запас, но готовый к обороне. Опущенный вниз — означал конец войне, битве. В новом гербе воеводства меч, опущенный острием вниз, имел определенную идейную направленность, являлся как бы символом покорности и повиновения польскому королю. В документах этот герб назывался «vir armatus» [41].

На хоругви Киевского воеводства этого времени также зафиксировано с одной стороны изображение ангела в красном поле, с другой — черного медведя в белом поле [42]. Изображение ангела становится стабильным и уже не меняется.

Что касается герба самого города и его печати, точнее, печати его магистрата, то появление их связано непосредственно с введением в городе самоуправления на основе магдебургского права * (по названию немецкого города Магдебурга, где это право было впервые введено).

Время введения магдебургского права в Киеве в исторической литературе определено периодом между 1494 и 1497 гг.[43] До этого времени, вплоть до середины 90-х годов XV в., городское управление в Киеве — окраинной княжеской вотчине — основывалось на нормах обычного права, генетически связанного с древнерусскими правовыми традициями. Введение магдебургии в Киеве явилось одной из мер великокняжеской администрации, направленной на усиление государственной централизации княжества. Чтобы найти себе опору и поддержку среди горожан такого крупного города, как Киев, в борьбе со все возрастающей властью местных феодалов, великий князь литовский Александр, провозглашая готовность пойти горожанам на уступки, специальной грамотой ввел в нем управление, регламентирующее нормы жизни киевского мещанства [44]. В это время город получает и свой герб с сюжетом, аналогичным изображению на гербе всего Киевского воеводства — «ангела белого в красном поле» [45].

Таким образом, герб Киева, полученный в результате наделения города магдебургским правом, явился первым зафиксированным королевской властью гербом среди левобережных городов Великого княжества Литовского.

С введением в Киеве магдебургского права был образован городской магистрат. Он находился в нижней части города, на Подоле, который, по сути, являлся в то время самостоятельной административно управляющейся единицей. В XV в. Киев состоял как-бы из трех отдельных городов: Верхнего, Печерска и Подола. Именно Подол являлся центром средневекового Киева. Роль его еще больше возросла после нашествия полчищ Батыя в 1240 г., когда Верхний, княжеский, город, где сосредоточивалось городское управление, был полностью разрушен и опустошен, а также в результате нашествия золотоордынцев в 1416 г., когда они сожгли Печерский монастырь с прилегающими к нему слободами. Жизнь города переместилась на

* Вопрос о введении магдебургского права в левобережных украинских городах и получении вместе с ним печатей и гербов рассматривается подробно в главе четвертой настоящей работы.

Подол, где сохранились многие жилые дома и укрепления. Название «Подол» на несколько веков становится синонимом самого Киева. Так, в документах того времени не случайно встречаются названия «Киево-Подол» или «Нижний Киев».

Ведением дел не только Подола, но и всего города стал заниматься Киево-Подольский магистрат, во главе которого стояли войт, бурмистр, радцы и лавники. Деятельность магистрата была разнообразна. В нем, в частности, работали две коллегии: одна являлась административным органом и исполняла обязанности суда по гражданским искам, другая рассматривала уголовные дела.

С образованием магистрата нужна была печать для подтверждения подлинности документов, выходящих из городской канцелярии. Печать Киева представляла собой изображение руки, держащей самострел, который назывался еще «куша». Это — лук, с деревянным прикладом, со взводом и спуском, предназначенный для бросания стрел или камней. Появление самострела на магистратской печати Киева имеет свое историческое обоснование [46]. Именно самострел, получивший распространение на Руси еще в X в., был основным оружием защиты горожан от врагов, нападениям которых Киев постоянно подвергался. Кроме известных в истории больших походов Золотой Орды на Киев 1399, 1416, 1482 гг., на город нередко нападали небольшие вражеские отряды, которые опустошали и грабили окраины города и держали население в постоянной тревоге.

Самострел — это «древней стрельбы орудие наподобие лука с тетивою», также, как и стрелы киевских лучников, славилось, как свидетельствуют источники, далеко за пределами города. Их искусно изготовляли ремесленники, жившие в «Нижнем Киеве» — на Подоле. Известно также, что горожане, городское ополчение чаще, чем профессиональные воины, пользовались этим оружием. Видимо, поэтому помещение самострела на печати магистрата должно было символизировать Киев как крепость, которой не раз приходилось отбивать нападения многочисленных врагов.

Юридически сущность герба Киева не отвечала в полной мере его прямому назначению как символа самоуправления города, поскольку право на самоуправление в Киеве было ограниченным и не соответствовало полному объему норм магдебургии. Введение его, тем не менее, существенно изменило положение горожан. Самоуправление в Киеве, игравшем важную роль в экономической и политической жизни княжества, ограничивало в какой-то степени власть местных феодалов, что способствовало дальнейшему экономическому росту города.

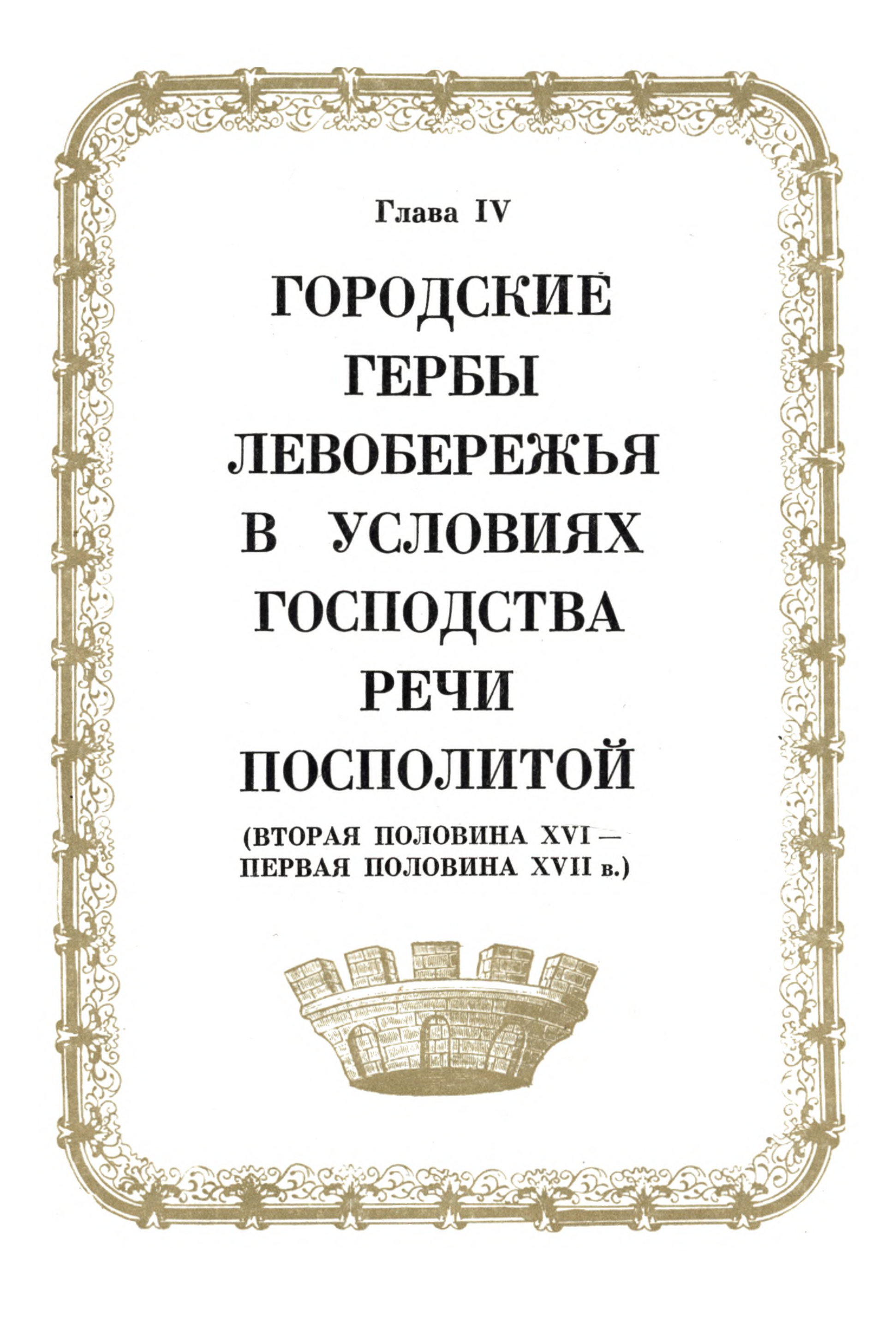
Менее крупные украинские города, находившиеся в составе Великого княжества Литовского, в это время были не в таком выгодном положении. О безграничной власти феодалов в управлении такими городами свидетельствует ряд великокняжеских привилеев шляхте и магнатам на огромные земельные владения, в том числе на города. Так, в привилее литовского князя Александра от 26 марта 1499 г., в котором он отдает «на вечность» Семену Ивановичу Можайскому Стародуб и Чернигов, сказано: «Волен то он продати и отдати, и заменити, и к своему вжиточному обернути, как сам нелепей разумеючи» [47]. Такой же привилей в том же году Александр выдал князю Жеславскому на владение левобережным городом Мглином «с правом полного распоряжения» [48].

Таким образом, появление и способ употребления эмблем, помещенных на княжеских печатях, монетах литовских удельных князей, на воинских хоругвях Великого княжества Литовского, были общими для всего княжества. Наряду с существовавшими особенностями и своеобразием украинской, белорусской, литовской и русской эмблематики, связанными с особенностями местных культурно-исторических условий, закономерности их развития были общими для всех территорий княжества. Этому способствовала тесная взаимосвязь общественного развития украинских, белорусских, литовских и части русских земель, объединенных в составе одного государства.

С распространением в Великом княжестве Литовском элементов государственного устройства королевской Польши происходил синтез литовского общественного строя с польским в форме укрепления прежде всего крупной феодальной наследственной собственности согласно польским юридическим нормам. Одним из мероприятий, направленных на укрепление позиций крупных феодалов Польши и Литвы, явилось уравнение их в правах и как следствие этого — раздача польских гербов феодалам Великого княжества Литовского.

Итак, в исследуемый период на левобережных украинских землях княжества были в употреблении одновременно старые эмблемы владений, земельные или княжеские, сохранившиеся с времен Древнерусского государства и феодальной раздробленности, а также литовские и польские шляхетские гербы.

Результатом введения в городах Великого княжества Литовского норм городского управления, принятого в Польше, явились появление и законодательное утверждение гербов для городов княжества, в том числе левобережных.

Глава IV

ГОРОДСКИЕ ГЕРБЫ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В УСЛОВИЯХ ГОСПОДСТВА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII в.)

Правящие круги Великого княжества Литовского стремились к дальнейшему сближению с Польшей *. В 1569 г. в Люблине был подписан унитарный акт, согласно которому Великое княжество Литовское и Польское королевство объединялись в единое государство — Речь Посполиту. Левобережные украинские земли попали под непосредственную власть Польши.

В отношении украинских городов польское королевское правительство продолжало проводить политику экспансии. Король раздавал польской шляхте и украинским боярам-католикам украинские земли, захватывал новые города, которые заселял поляками, предоставлял им различные льготы и привилегии.

Экспансия польских светских и духовных феодалов на украинских землях сопровождалась усилением социального и национально-религиозного гнета украинского населения. Свыше 80 % украинских городов составляли частную собственность украинских и польских магнатов. На украинские земли распространялась административная система Польши, что сказалось в первую очередь на положении городов.

Еще задолго до объединения Польши и Литвы в единое государство был издан привилей жителям Литвы, Жмуди и Руси об уравнении в правах городов Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Одним из путей такого уравнения было введение в украинских городах магдебургского права. Этому способствовали прежде всего экономическое и социальное развитие городов, их стремление к самоуправлению, а также пример городов Польши и других стран, где это право было действующим.

Речь Посполита как феодальное государство была заинтересована в развитии экономической базы городов, видя в них важный источник пополнения своих доходов. Поэтому предоставляла городам различные привилегии, которые стимулировали рост торговли, развитие ремесел, а также определяли сословное положение горожан как социальной группы феодального общества.

Экономический рост городов, как отмечал Ф. Энгельс, обусловил стремление их жителей ограничить власть феодалов [1]. Магдебургия в определенной степени ослабляла феодальную зависимость городов, предоставляя им право на самоуправление, собственный суд, право земельной собственности и освобождение от большей части феодальных повинностей.

В Польше организация городов на основе магдебургского права получила распространение в XIII—XIV вв.[2] На левобережных украинских землях оно начало распространяться путем выдачи грамот — привилеев в XV в.[3] Его появление сыграло в целом положительную роль. Оно способствовало развитию городской промышленности и торговли, заселению городов, увеличивая их численность за счет сельских жителей, экономическому подъему городов путем привлечения в них различными льготами купцов и ремесленников.

Королевское правительство, кроме того, было заинтересовано

* В 1561 г. начался второй этап Ливонской войны (1561—1570), на котором русские войска одержали ряд важных побед, в частности освободили Полоцк, что открыло путь к столице Великого княжества Литовского — Вильне (ныне Вильнюс). Очутившись перед лицом военной катастрофы, правящие круги княжества решили пойти на дальнейшее сближение с Польшей, чтобы использовать ее силы в борьбе с Россией.

создать из левобережных пограничных городов сильные фортификационные пункты без лишних затрат. В своих привилеях король вменял городу в обязанность укрепление его, строительство стен, т. е. возлагал на городские власти ответственность за оборону города. Такие же цели преследовались при введении магдебургского права в городах, находившихся в частной собственности.

Для реализации этих задач король предоставлял широкие полномочия феодалам, владеющим городами, и прежде всего тем, кто закладывал новые города и поселения на месте старых городищ.

Магдебургское право юридически закрепляло господство эксплуататоров, их права и особые преимущества. Власть феодалов над городами приносила многочисленные выгоды; города для них являлись источником дохода.

Таким образом, в магдебургском праве были заинтересованы как города, так и феодалы. С одной стороны, оно позволяло феодалам без особых затрат получать большие прибыли, с другой — города с магдебургией пользовались большей автономией, чем непривилегированные.

Магдебургские города делились на магистратские, с более развитой системой самоуправления, и ратушные, в которых самоуправление было довольно ограничено.

Введение в левобережных украинских городах норм магдебургского права стало заметной вехой на пути повсеместного появления и законодательного утверждения городских гербов. Органом власти в городах являлась привилегированная самоуправляющаяся община — совет, состоявшая из войта, бурмистров и членов совета — радцев и лавников. Для ведения городских дел нужна была печать — необходимый компонент делопроизводства того времени. Городская печать должна была наглядно констатировать законодательную власть города. Поэтому вместе с грамотой на магдебургское право город обязательно получал городские печать и герб. Кроме того, городской герб являлся символом самоуправления города, показателем нового, более прогрессивного по сравнению с предыдущей формой городского правления этапа его развития. Наличие у города герба свидетельствовало о развитой городской организации, предоставлении городу определенной автономии. Официальное признание герба оформлялось юридически, он утверждался королем, регламентировались его функции [4].

Гербовый привилей представлял собой пергаменный свиток, на котором среди текста был нарисован в красках герб города. Изображения, помещенные на гербе, повторялись в большинстве случаев в городской печати. С этого времени два понятия «городской герб» и «городская печать» становились идентичными, отождествлялись.

Городской герб являлся не только символом самоуправления города, он как знак представительства предназначался для практических целей. Герб ставился на предметах городской собственности, помещался на здании ратуши или магистрате, на городских воротах. Городской знак становился обязательным атрибутом и в торговле города. В документах того времени о порядке ведения городских дел по магдебургскому праву отмечалось: «...смотреть, чтобы корцы и другие меры имели на себе городской знак» [5], т. е. герб. Но наибольшее употребление герб получил в городской канцелярии, фигурируя на всех печатях.

Украинские городские гербы, так же, как литовские и польские, делились на произвольные и пожалованные. Гербы, полученные путем привилея от польского короля, назывались пожалованными. В привилеях пожалованный герб так и назывался «herb nadawany». Следует отметить, что до XV в. таких привилеев не было. В конце XV — первой половине XVII в., в классическую эпоху гербовых привилеев, наделение города гербом всегда сопровождалось вручением ему соответствующих документов на право пользования городским гербом [6]. Гербы, пожалованные при определенном участии городской администрации, создавались по правилам геральдики, принятым в то время в Польше. В основном на них изображались несколько стандартные и схематические геральдические фигуры, часто не связанные ни с историей города, ни с местными особенностями. На гербах, полученных украинскими городами путем раздачи жалованных привилеев, преимущественно изображались кресты, звезды, полумесяцы; предметы вооружения — лук со стрелами; архитектурные детали — городские ворота, стены, башни. Редко встречаются мотивы, почерпнутые из мира реальной флоры и фауны конкретной местности.

Существовала, как сказано, и другая группа городских гербов — произвольных. Этими эмблемами издавна пользовались города, но они не были подтверждены ни одним правовым актом. При герботворчестве, которое особенно большое развитие получило в Речи Посполитой во второй половине XVI — первой половине XVII в., произвольные эмблемы получили статус гербов и были утверждены государственной властью. Это касается прежде всего эмблем, которые стали помещаться в городских гербах и на печатях древнерусских городов, бывших центрами удельных княжеств (Киева, Чернигова и др.). В этих эмблемах как в художественном, так и в смысловом отношении сохранились без изменений общерусские эмблематические, знаковые традиции.

Иногда польские власти пытались изменить изображения на старых печатях украинских городов. Так было с киевской магистратской печатью. Как отмечалось раньше, в Киеве со времени получения им магдебургского права существовал магистрат, и все документы, выходившие из его канцелярии, скреплялись печатью с изображением самострела. Польские власти делали попытки заменить самобытную киевскую эмблему на другую, с атрибутами польской королевской власти.

В 1595 г. киевский католический епископ Ю. Верещинский предложил польскому сейму свой проект создания обороны Киева от врагов «без особых затрат для короны польской». Киев, по его плану, в административном отношении на основе магдебургского права должен был состоять из трех отдельных самоуправляющихся городов. Бискуп предлагал, чтобы каждый из трех городов — нижний, королевский и бискупский — получил свой особый утвержденный герб. Нижняя часть города — Подол — уже имела свой герб, но Верещинский предложил заменить его новым, на котором должна была изображаться вытянутая из облака рука, держащая королевский скипетр вместо существующего «варварского» лука с двумя стрелами. Другой новый, нагорный город должен был подчиняться непосредственно королю, в знак чего иметь в гербе вытянутую из облака руку, держащую королевский венец. Территорию Кудрявской горы предлагалось превратить в замок киевского бискупа и наделить его

гербом, состоящим из двух частей: верхней, с изображением бискупской митры, и нижней — с гербом Верещинских.

Униатские попытки католической церкви навязать Киеву бискупские эмблемы, как известно, не увенчались успехом, и на печати киевского магистрата в течение нескольких веков сохранялось прежнее изображение самострела.

Эмблема Черниговского воеводства. 1633 г.

В результате Деулинского соглашения, заключенного в 1618 г. между Россией и Речью Посполитой, за последней временно оставались Смоленская и Чернигово-Северская земли. Таким образом, северная часть Левобережной Украины оказалась в социально-политической и экономической орбите Речи Посполитой. Чернигово-Северщина для польского правительства имела важное стратегическое значение. Поэтому оно стремилось закрепить ее за собой. В 1633 г. на сейме польский король Владислав IV наделил правами и статутом Черниговскую землю. Было образовано воеводство с двумя поветами — Черниговским и Новгород-Северским. На этом же сейме Черниговскому воеводству был утвержден герб — черный орел. Как видим, древняя эмблема Черниговского княжества оказалась настолько стойкой, что спустя несколько веков перешла и была официально закреплена в качестве основной эмблемы в герб воеводства, правда, с небольшими изменениями. Судя по его изображениям в польских гербовниках того времени, герб Черниговского воеводства представлял собой, как и раньше, фигуру черного двуглавого орла с распущенными крыльями, увенчанного одной короной. На груди орла, как отмечал К. Несецкий[7], стал помещаться вензель польского короля Владислава IV.

В соответствии с целями городской политики городам, вошедшим в состав Черниговского воеводства,— Чернигову, Новгороду-Северскому, Нежину, Стародубу * — в первой четверти XVII в. было пожаловано магдебургское право. В первой половине XVII в. магдебургией стали пользоваться также Почеп *, Погар *, Мглин *, Полтава, Лубны, Миргород, Борзна, Короп, Гадяч, Глухов, Пирятин, Кролевец, Остер, Козелец и др. Магдебургское право заметно повлияло на внутреннюю жизнь этих городов.

Исследование печатей и гербов левобережных украинских городов в составе Речи Посполитой показывает, что в ряде случаев они могут служить важным источником для установления времени возникновения города, изучения его общественного положения, его самоуправления и других сторон городской жизни.

---

* В настоящее время города, отмеченные «звездочкой», входят в состав РСФСР.

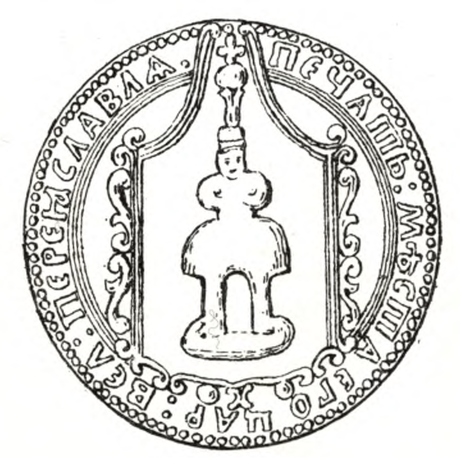
Раньше других городов Левобережной Украины магдебургское право получил Переяслав. В 1585 г., став собственностью киевского воеводы князя Константина Острожского, Переяслав был наделен магдебургией польским королем Стефаном Баторием. Ряд последующих привилеев польских королей подтверждали переяславским жителям «стародавние права магдебургские». Так, в привилее Сигизмунда III от 1606 г. говорится: «...ознакомили тым нашим листом мещан наших переяславских о выданье з метрики нашое великое коронное привилье ниже менованого от предка нашего короля Стефана мещанам нашим переяславским: жаданьем ясновельможного Константина, князя Острозского, воеводы киевского на ярмарки, токи и на право магдебургское...» [8]

В другой подтвердительной грамоте Сигизмунда III от 1620 г. дается описание городского герба: «...позволяем подданным нашим мещанам иметь... печать мескую до исправления печатования всяких дел их с таким гербом, каков в том месте нашем есть начертан: на озере башня с крестом» [9]. Следующие два привилея польского короля Владислава IV от 1633 и 1636 гг. подтверждают Переяславу «прежние стародавние вольности» [10].

По-видимому, «башня с крестом», о которой говорится в польских королевских привилеях, не что иное как церковь. А изображение церкви в переяславском гербе закономерно. Она символизирует церковную политику Переяслава как центра православного епископства. Символика переяславского герба не менялась на протяжении веков.

На городской печати Переяслава 1698 г. имеется изображение «каменной бабы с короной» [11]. Такую трактовку рисунка дал Ф. Бюлер. Этот ошибочный, на наш взгляд, вывод был сделан из-за плохой сохранности печати: на ней было нечеткое, полустертое изображение. Однако при внимательном рассмотрении печати можно убедиться, что по своим очертаниям изображение на ней имеет определенное сходство с упомянутой вы-

Герб Переяслава. 1620 г.
Печать Переяслава. 1698 г.
Герб Стародуба. 1620 г.
Печать Чернигова. 1698 г.
Печать Нежина. 1691 г.

ше башней, помещенной в городской герб. В данном случае нет оснований говорить о двух разных сюжетах и символике в городских гербе и печати Переяслава.

Стародуб получил магдебургское право в 1620 г. от польского короля Сигизмунда III как город, имевший важное промышленно-торговое значение и как фортификационный пункт на границе Речи Посполитой. В королевском привилее, в частности, обосновывается наделение города этим правом: «...поскольку Стародуб — пограничный город, чтобы заохотить к нему людей, особенно купцов и ремесленников различных, право магдебургское прикладать наших нашею милостию у привилигированных тем всем, которые теперь в месте нашем Стародубе живут, на вечные и потомные часы утверждаем». В этом же привилее указывается, каким гербом следует пользоваться стародубским мещанам: «За герб меский дуба с гнездом орлым» [12]. Из этой королевской грамоты видно, что жители города получили свою прежнюю старинную эмблему, которая издавна, с времен существования удельных княжеств, находилась на печати Стародубского княжества [13]. На княжеской печати и в гербе города помещена эмблема, прямо передающая его название. Стародубский герб можно отнести к категории так называемых гласных или говорящих гербов, которых в период наделения городов королевскими гербовыми привилеями было немного.

В королевском привилее, выданном в Варшаве в 1625 г., в котором определялись функции Стародубского городского магистрата, упоминалась и го-

родская печать. В привилее говорилось, что все постановления должны записываться в книги по-польски и запечатываться печатью, на которой изображен городской герб: «...а до печатования городских дел Стародубских уряду бурмистровского и лавничего за герб городской назначаем святого Георгия» [14].

Как видим, городская печать и герб Стародуба имели различные изображения. Существовала еще одна эмблема города — стародубская казацкая хоругвь. Польский король для несения государственной военной службы в Речи Посполитой использовал казачество. Защита Стародубского замка была поручена сотне казаков, которая получила особое знамя (хоругвь) — красное с голубым крестом. Оно должно было находиться под наблюдением коменданта замка. В привилее Сигизмунда III Стародубской казацкой сотне (хоругви) от 1626 г. указывалось: «Позволяем им иметь хоругвь особую красную с крестом голубым, которая должна быть в дозоре...» [15]

В Чернигове сначала было образовано замковое управление во главе с комендантом. Но вскоре польское правительство, стремясь закрепить за собой права на город, наделило население льготами и привилегиями, которые давались магдебургским правом. В 1623 г. Чернигов получил его от польского короля Сигизмунда III. В соответствующем привилее, в частности, говорилось, что: «...сей город пограничный Чернигов находится на месте, выгодном к обороне, положением и стенами не только сам нападения неприятельские отражать, но и границам коронным защитою быть может, желаем того, дабы как наибольшее оной укреплялся, расширялся и украшался... а дабы в нем люди особливо купечественные и мастеровые и всякие собирались, право магдебургское по примеру других городов наших упривилигированных всем тем, которые в городе нашем Чернигове или в предместьи города живут и впредь жить будут, надаем, призволяем и сею привилегиею нашею вечною утверждаем». В привилее упоминалась городская печать: «...и для печати же дел городских Черниговского уряду бурмистерского и лавничего в герб городской назначаем: святой Владислав в збруи с красной хорогвою» [16].

Последующие привилеи Владислава IV (1634) и сына Сигизмунда III польского короля Яна Казимира (1650) [17] подтверждали Чернигову права, данные Сигизмундом III.

Итак, магистратская печать Чернигова, учрежденная в 1623 г., изображала святого Владислава, одетого в латы и держащего в правой руке красное знамя. Она употреблялась в качестве печати магистрата и после окончательного воссоединения Черниговской земли в составе Российского государства (1654) вплоть до образования Черниговского наместничества в 1782 г.[18] Гербом же города, как и всего Черниговского воеводства, начиная с 1633 г. считалось изображение черного двуглавого орла.

Для охраны пограничного Чернигова была создана так называемая сотня «рыцарства казацкой службы» — городовая казацкая хоругвь, имевшая свое особое синее знамя с красным крестом посредине [19].

В первой половине XVII в. Нежин, как и ряд других украинских городов, был коронным городом Речи Посполитой. Привилеем от 1620 г. Сигизмунд III пожаловал Нежину магдебургское право и другие вольности, а также городской герб. На гербе был изображен вооруженный всадник, пронзающий копьем змия. В привилее указы-

валась цель наделения города магдебургским правом: «...чтоб заселялся и был способен к обороне против врагов как город пограничный» [20]. Далее перечислялись льготы городу, определялись в общих чертах городское устройство и обязанности жителей перед государством. Этот привилей лег в основу всех последующих королевских привилеев Нежину. Привилеи Владислава IV (1633) и Яна Казимира (1659) лишь подтверждали права, данные Сигизмундом III [21]. Грамота Яна Казимира написана на пергамене на польском языке; на ней имеются собственноручная подпись короля и коронная печать, привешенная на шелковом шнуре. На грамоте, в середине текста, нарисован герб Нежина — вооруженный всадник на коне.

Печать с изображением всадника долгое время употреблялась на документах нежинского магистрата и сохранилась после воссоединения Украины с Россией, о чем свидетельствует документ с оттиском такой печати, датируемый 1691 г.[22] А. Шафонский считает, что на нежинской печати изображен не кто иной, как «святой великомученик и победоносец Георгий» [23]. Не располагая достаточно вескими доказательствами, нет возможности конкретизировать изображение всадника на городской печати Нежина. Всадник с мечом или копьем, поражающий змия, был очень распространенным сюжетом в польской, литовской, русской и украинской средневековой геральдике. Достаточно вспомнить литовский герб «погоня», эмблему Великого княжества Московского — всадника в воинском снаряжении, колющего дракона, изображения вооруженных всадников на монетах удельных князей и т. д. Такое изображение всадника часто встречается на древних архитектурных памятниках Украины, в частности на рельефе Михайловского монастыря на Черниговщине, построенного еще в XII в. Образ вооруженного всадника характерен и для княжеских печатей Западной Европы периода средневековья. Это делает указанную эмблему типичной в общеевропейском масштабе.

Тенденция изображения всадника на русских княжеских печатях наблюдается с XIII в. Оно постепенно вытесняло патрональное изображение, свойственное византийским печатям [24]. Возможно, вооруженный всадник на печати города Нежина продолжал древнерусскую традицию предшествующих ей княжеских печатей периода Киевской Руси и феодальной раздробленности как традиционный символ защиты страны, княжества, города от чужеземных нашествий.

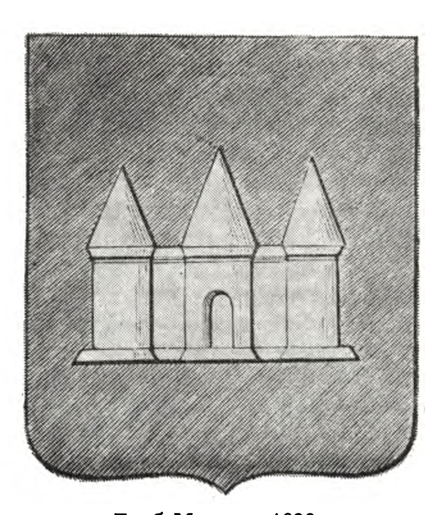
В 1620 г. Сигизмунд III даровал магдебургское право и все привилегии, связанные с ним, Новгороду-Северскому [25], находившемуся во владении польского наместника А. Пясочинского. Тогда же город получил герб, на котором изображались городская стена с башней, а по бокам — золотые копье и сабля. Новгород-Северский, как известно, принадлежит к самым древним поселениям Северщины. Он был крепостью и состоял из самого города и острога, соединявшихся между собой знаменитой «острожной брамой» — воротами. Кроме того, в городе были еще Черниговские ворота, ведшие на запад, и Курские, ведшие на юг. По-видимому, эти старинные, некогда существовавшие крепостные сооружения и были зафиксированы в городском гербе Новгорода-Северского.

Бывали и другие причины включения подобных архитектурных сооружений в городской герб. Они нередко символизировали оборону города от неприятеля. Старинный способ защиты города с помощью сооруженных вокруг него крепостных стен, башен, наблюдательных

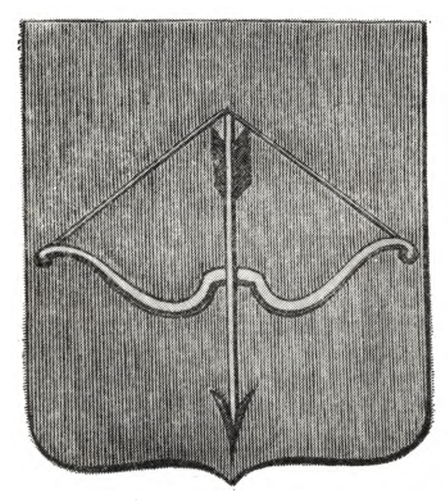
Герб Новгорода-Северского. 1620 г.

Герб Мглина. 1626 г.

постов, вышек и т. п. получал отражение в эмблемах городских гербов. Жителям Новгорода-Северского не раз приходилось оборонять свой город от нападения врагов. Еще в 1152 г., когда войска соседнего Черниговского княжества пытались захватить город, его жители отстояли Новгород-Северский благодаря надежным укреплениям. Осенью 1604 г. жители Новгорода-Северского дали отпор войскам Лжедмитрия, выдержали продолжительную осаду неприятельских войск. Возможно, это событие послужило поводом для создания городского герба с описанным выше сюжетом. Сохранился интересный рассказ неизвестного автора XVIII в. об этом же событии, в котором, в частности, говорится: «От сего происшествия городу пожалован герб с изображением городской стены с башней, на ней звезды, по сторонам же копье и сабля золотые» [26].

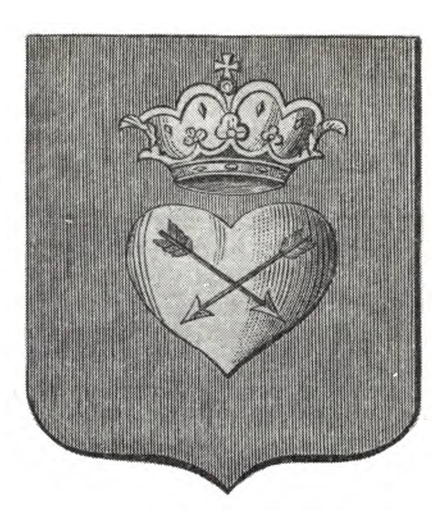
В 1626 г. один из городов Смоленского воеводства — Мглин — также получил магдебургское право, вместе с которым ему были

Герб Пирятина. 1592 г.

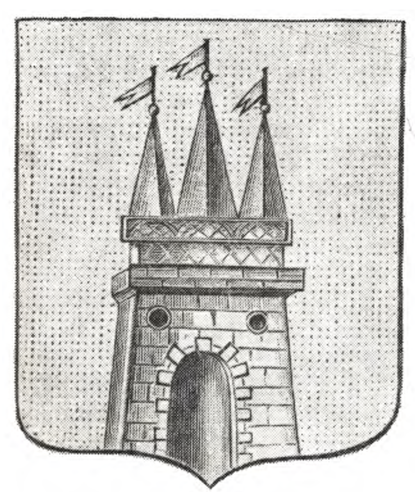
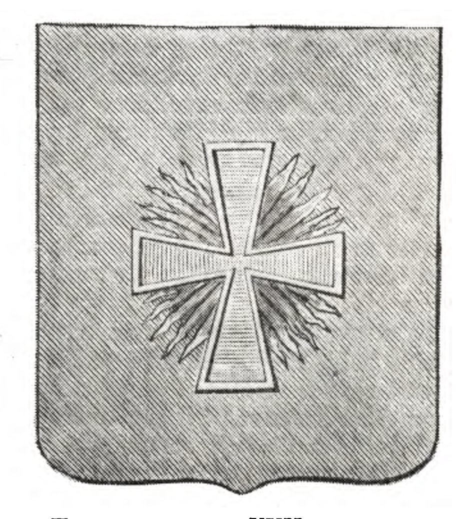
Герб Ромен. Первая половина XVII в.

Гербы Прилук (1582) и Глинска (первая половина XVII в.)

пожалованы герб с изображением крепостной стены с тремя башнями и воротами и городская печать, на которой изображался святой Флориан с копьем [27].

В XVI—XVII вв. в Речи Посполитой часто за предоставленный заем магнатам и крупным феодалам передавались под залог государственные земли. Под залог отдавались города и даже целые поветы. Раздача земель под залог особенно распространилась при Сигизмунде I и продолжалась при его потомках. Под давлением феодалов, стремившихся расширить и закрепить свои права, земли, полученные таким образом, стали отдаваться в пользование «до живота», а то и до трех «животов», т. е. до смерти внука держателя земли. В результате таких пожалований ряд магнатских родов на Украине сосредоточил в своих руках огромные земельные богатства. Самыми крупными феодалами-землевладельцами на Украине были князья Острожские, Потоцкие и Вишневецкие. Первые имели владения на Волыни, Киев-

Гербы Лохвицы и Золотоноши. Первая половина XVII в.

щине, в Белоруссии и Литве. Обширная территория, включавшая Нежин, Кременчуг и другие города, была собственностью Потоцких. Магнатам Вишневецким принадлежали огромные земельные владения на Левобережной Украине. По реестру 1641 г. за Вишневецкими числилось 54 города и крупных села, среди них такие города, как Лубны, Хорол, Пирятин, Золотоноша, Миргород, Прилуки, Полтава, Глинск, Лохвица, Ромны, Городня [28].

Получение магдебургского права, а вместе с ним и символов самоуправления — гербов — мы рассмотрим на примере городов, принадлежавших князьям Вишневецким.

Еще в 1590 г., согласно постановлению Варшавского сейма, все Левобережье Днепра было отдано старосте черкасскому и каневскому князю Александру Корибуту, получившему прозвище «Вишневецкий» по названию главного города его родовых поместий на Волыни — Вишневцу. А. Вишневецкий начал осваивать малозаселенные земли по рекам Суле, Солонице, Удаю. (Закончил освоение этих земель Иеремия Вишневецкий.) О неограниченности феодальных льгот магнатам свидетельствует жалованная грамота 1590 г., в которой Сигизмунд III разрешил А. Вишневецкому строить на указанных землях замки и города, а также собирать подати в свою пользу. «Имеет,— говорится в привилее,— князь Александр Вишневецкий сам, его жена, дети и потомки те земли около реки Сулы, реки Удай, реки Солоницы и Уход, Лужок со всеми прилегающими к ним землями... спокойно держать, закладывать замки, города и села на этих землях людьми заселять, костелы и церкви строить» [29].

В 1590 г. А. Вишневецкий получил разрешение на строительство замка около старого Лубенского городища, «над рекою Сулою лежачого», которое также входило в его собственность. Одновременно со строительством замка отстраивался город на месте старого городища, которому вместо прежнего летописного названия «Лубны» дали наименование «Александров» в честь его нового владельца. Однако старое название города тоже сохранилось, и одно время он носил сразу несколько названий — Stare i Nowe Lubnie, Alexandrow zwane [30].

Как уже отмечалось, магдебургское право с его системой охранительных мер и свобод было в интересах как мещан, так и прежде всего владельцев города. Поэтому нередко сами владельцы ходатайствовали о предоставлении городу магдебургского права. Не составлял исключения и А. Вишневецкий, по просьбе которого отстроенному городу под названием «Александров» в 1591 г. предоставлено было магдебургское право. Тогда же город получил печать, на которой изображалась рука, держащая обнаженный кинжал, а под ней — медвежья голова. Вокруг рисунка надпись по-латыни гласила: Sigillum civitatis Alexandr, т. е. печать города Александрова [31]. Изображения на печати и на гербе города были идентичны. С точки зрения юридических функций лубенского герба он в данном случае не может быть показателем предоставленных городу определенных правовых привилегий, так как самоуправление в нем носило формальный характер. Вишневецкий, добившись для города привилея на магдебургию, сам назначал городскую администрацию — войта, бурмистров, радцев и других чиновников, т. е. практически держал в своих руках всю административную и судебную власть и оставался неограниченным хозяином города. Такое же несоответствие символа городской

административно-правовой автономии — герба — реальному, зависимому от феодала положению города имело место и в других частновладельческих городах магната Вишневецкого.

При А. Вишневецком был заново построен городок на месте древнего Пирятина. Вишневецкий в честь своего отца переименовал город в Михайлов, но это название не прижилось. В 1592 г. польский король Сигизмунд III дал Вишневецкому привилей на магдебургское право для Пирятина, установившего городское самоуправление. При этом город получил герб — натянутый лук со стрелой [32].

В 1616 г. владения унаследовал Иеремия Вишневецкий, с именем которого связана дальнейшая феодальная эксплуатация украинских земель на Левобережье. В гербе И. Вишневецкого наряду с традиционным литовским гербом «погоней», указывавшим на его родство с одной из ветвей литовской великокняжеской династии, с двумя польскими гербами — «огоньчиком» и «леливой» *, которые еще предки Иеремии получили в первой половине XV в. во время массового наделения литовских и украинских дворян польскими шляхетскими гербами, имелись (как составная часть фамильного герба) эмблемы наследственных магнатских владений — городов Глинска, Прилук и Пирятина.

Сейчас трудно с уверенностью утверждать, давал ли город свой герб владельцу или же владелец города передавал часть изображения своего фамильного герба городу, который стал ему принадлежать. В Польше на выбор городского герба определенное влияние имели крупные магнаты, шляхта и церковные феодалы, в чьем владении находился город. Об этом свидетельствуют часто встречающиеся в польских городских гербах княжеские, епископские или рыцарские эмблемы и символы, которые в большинстве случаев составляли часть городского герба или даже являлись его основным и единственным знаком.

Нередко, составляя гербы городов, их владельцы принимали во внимание географические или природные особенности, историю. Так, при утверждении герба г. Ромен Вишневецкий «...дозволил своей ратуше иметь печать, где крест на могиле означен, в знак погребенных под Ромном многих людей и в знак храбрости, которую жители против неприятеля оказали, ибо в прежние времена все жители должны были от татарских набегов себя защищать» [33]. Но не только от частых набегов татар должны были защищать жители свой город. Еще в Лаврентьевской летописи Ромны упоминаются под 1096 г. как один из городов-крепостей посульской оборонной линии Киевской Руси, которые защищали восточные границы государства от нападения половцев. Недаром в летописях за два столетия более 20 раз упоминается р. Сула, на берегах которой бились русичи с печенегами и половцами, защищая свою землю. Возможно, изображение на ромен-

* Кроме указанных гербов в сложном гербе князей Вишневецких был польский герб Корибут (Korybut) — в красном поле золотой полумесяц, рогами обращенный вниз; под ним — золотая шестиугольная звезда, а над полумесяцем — крест с перекрещенными концами. Этим гербом пользовался сын великого литовского князя Ольгерда Гедиминовича Корибут, прямыми потомками которого были князья Корибуты-Вишневецкие. Первый представитель этого рода, упоминаемый в гербовниках и генеалогических книгах, был Дмитрий Корибут-Вишневецкий, который храбро сражался в битве с турками, но был захвачен в плен и казнен (*Kojalowicz W.* Op. cit., s. 95—97; *Лакиер А.* Указ. соч., с. 435, табл. XX).

ском гербе означает, что город издавна служил защитой для земель Киевской Руси, а защитники города всегда стояли против врагов до самой смерти, т. е. до могилы.

А. Шафонский попытался более конкретно «привязать» изображение на городском гербе к предместью Ромен, называемому Могилками. Он пишет, что там «от бывшего в древности сражения или от другого какого случая многие могилы были насыпаны, на которых по обычаю, позднее существующему, кресты врываны были» [34]. Предположение Шафонского, не подтвержденное другими источниками и документами, остается гипотетичным.

Первыми владельцами Прилук — одного из самых старых городов, известных еще со времен Киевской Руси,— были князья Збаражские [35]. Они укрепили город и построили там замок. Грамотой 1582 г. Сигизмунд III город и прилукские земли закрепил в собственность А. Вишневецкого. Причем магдебургское право Прилукам так же, как и Лубнам, судя по тексту привилея, было предоставлено в таком объеме, каким оно было в главных городах королевства,— Кракове и Львове. Гербом города являлась часть изображения на княжеском гербе Вишневецких. Это было изображение бычьей головы, пронзенной саблей. Такое изображение было и на печати Прилукской ратуши. И. Вишневецкий, к которому вскоре перешли Прилуки, сделал город одним из центров своих владений на Левобережной Украине, построил здесь большой дворец и имел намерение перенести сюда из Лубен свою резиденцию.

Глинск в Речи Посполитой, как и многие другие города, находился в частном владении польских шляхтичей. В 1632 г. Сигизмунд III пожаловал город скарбовому писарю Ф. Миравицкому. Позже городом владел коронный хорунжий А. Конецпольский. В 1646 г. И. Вишневецкий «способом гвалтовным и военным» овладел Глинском, и он стал его собственностью [36].

И. Вишневецкий, как отмечалось, включил в свой родовой герб эмблему города Глинска, но с небольшими изменениями — в красном поле золотое сердце, увенчанное золотой короной. Сердце пронзают две черные стрелы. Разница в изображении городского герба и фамильного княжеского клейнода состояла в том, что в гербе города и ратушной печати две стрелы не пронзают сердце, а крестообразно лежат на нем, остриями вниз. Печатью с таким изображением в Глинской ратуше пользовались и некоторое время спустя после бегства князя Вишневецкого в Польшу во время освободительной войны 1648—1654 гг.

Еще М. Вишневецкий ходатайствовал «о вольности от податков до скарбу коронного для своих дедичных городов», среди которых была названа Лохвица. О том, что город получил магдебургское право, а вместе с ним и герб еще при князях Вишневецких, свидетельствует тот факт, что в 1644 г. в Лохвице уже существовала цеховая организация ремесленников [37], а объединение последних в цехи, как известно, происходило с получением городом магдебургского права.

В гербе г. Лохвицы изображены каменные ворота, а на них — три остроконечные башни с флюгерами [38] — характерные архитектурные детали, которые часто использовались в городских гербах как основные изображения или в качестве фона для других предметов.

В 1635 г. И. Вишневецкий, вооружив 1 тыс. человек, «с знаками военными, с ротмистрами над хоругвями, с стрельбою огнистою гвал-

товне наехал на городки Домонтов, Песчаное, Золотоношу и их опановали с ужасами непередаваемыми» [39]. Сразу же после захвата новых владений Вишневецкий обратился к королю, чтобы их юридически закрепить. Одним из видов такого закрепления являлась грамота короля с подтверждением прав магната на его новые владения и предоставлением захваченным городам магдебургского права. Возможно, г. Золотоноша получил магдебургское право и герб несколько раньше 1635 г., так как еще в 1627 г. по требованию горожан предыдущий владелец Золотоноши освободил их от гужевой повинности и шарварков и дал гражданам право создать ремесленное братство (признак наличия магдебургии.— *В. Р.)* в составе шевского, портняжного и кушнирского цехов [40].

Выданные королем гербы для новых владений Вишневецких (Золотоноши, Зенькова, Миргорода, Борзны) в своих изображениях имели кресты, шестиугольные звезды, полумесяцы — наиболее распространенные геральдические элементы городских гербов.

Сведений о том, когда именно эти города от польского правительства получили свои гербы и печати, у нас нет. Но в гербовнике П. П. Винклера при описании каждого из них подчеркивается «старый герб» [41], т. е. полученный раньше общероссийского официального утверждения гербов во второй половине XVIII в. Исследователь XVIII в. А. Шафонский также подчеркивал, что ратушные печати этих городов «изстари употребляемы были» [42].

Вишневецкие все время стремились к расширению своих и без того огромных левобережных владений, причем нередко применяли силу там, где права их были сомнительны. Показательны в этом случае попытки захвата ими Гадяча, который принадлежал польскому магнату Станиславу Конецпольскому. Перед своей смертью Конецпольский исходатай-

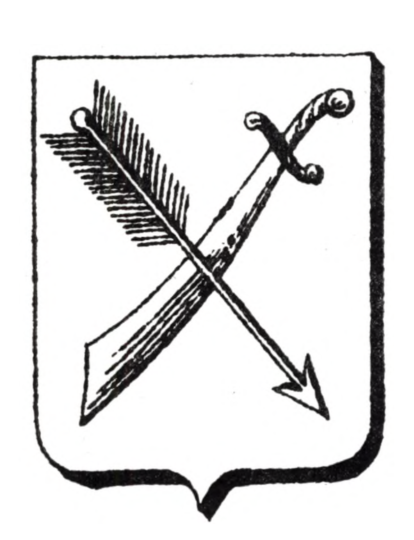

Гербы Зенькова, Миргорода, Борзны. Первая половина XVII в.

ствовал привилей от короля на это владение для своего сына Александра, коронного хорунжего. В свою очередь И. Вишневецкий сразу после смерти Конецпольского начал хлопотать о присоединении Гадяча к своим владениям. В 1646 г. он получил от короля привилей на Гадяч «со всеми селами, местечками и слободами» [43], а заодно и на не принадлежавший ему Хорол и вступил во владение ими. В 1647 г. сеймовый суд в Варшаве рассмотрел жалобу молодого Конецпольского на князя Вишневецкого и постановил вернуть Гадяч вместе

Гербы Хорола (первая половина XVII в.) и Гадяча (1782)

с Хоролом их прежнему владельцу. В гербе Хорола помещены традиционные предметы вооружения — скрещенные сабля и стрела.

На ратушной печати Гадяча изображен воин, пронзающий копьем змия [44]. Это изображение оставалось стабильным долгие годы. Сохранилась печать Гадяча на письме Андрея Дорошенко с товарищами к князю Г. С. Куракину от 1669 г. На ней имеется такое же изображение воина. Впоследствии воин, изображенный на печати Гадяча, получил имя архангела Михаила, поражающего копьем черного дьявола.

Герб Полтавы, полученный в период польско-шляхетского господства, представлял «в щите белого поля лук напряженный со стрелою, пронзающий сердце, имеющее три поперешника» [45].

Посульские владения Вишневецких после освободительной войны 1648—1654 гг. стали войсковой собственностью, образовав военно-территориальные полки: Лубенский, Миргородский, Прилукский, Гадячский, Переяславский и, отчасти, Нежинский и Полтавский.

Некоторые города Левобережной Украины находились в частной собственности других, менее крупных, магнатов Речи Посполитой. Например, украинский город Козелец по приказу польского короля Яна Казимира в 1633 г. был передан старосте С. Аксаку «для разных случаев, особливо для защиты от набегов неприятельских». В 1663 г. Козелец получил от польского правительства печать и герб, на которых был изображен козел с крестом на спине [46].

К группе гласных гербов принадлежал герб Березны, находившейся во владении гетмана Потоцкого. Геральдический рисунок березы в гербе имеет прямую связь с названием города, образно его представляя.

Кролевец был основан в 1601 г., а в 1646 г. Ян Казимир для укрепления стоявшего на торговом пути города приказал построить в нем крепость «...с тем, чтобы купечество малороссийское соединить с Шлезиею для способности торгов» [47]. В его гербе (1644) было изображение архангела Михаила, так же как и в киевском и гадячском гербах, но кролевецкий архангел держит в левой руке золотые весы, выступающие здесь как символ торговли.

Печать Гадяча. 1669 г.

Конотоп был заложен еще до 1635 г. шляхтичем Подковой, и тогда он назывался Новоселицей. С постройкой в 1640 г. в городе крепости новым его владельцем князем Пясочинским было изменено и его название на «Конотоп», по р. Конотопке, протекавшей поблизости города [48]. Атрибуты герба типичны для многих городских гербов, утвержденных королями,— золотой крест, под ним серебряный полумесяц, вверху — звезда.

В частном владении Пясочинского был еще город Погар (летописный Радегощ) — один из древнейших городов в Северской земле. В его гербе было помещено изображение креста, а под ним — продолговатый ромбовидный камень. Приведенные примеры являются лишним доказательством того, что во вновь основанных городах в это время утверждались гербы с атрибутами, наиболее распространенными в городских гербах Речи Посполитой.

Некоторые левобережные украинские города получали герб как необходимый атрибут предоставленной магдебургии после освободительной войны 1648—1654 гг. Как известно, шляхетская Польша даже после 1654 г. продолжала свою агрессивную политику по отношению к Украине. Неоднократно польско-шляхетские войска вторгались на территорию Левобережной Украины, с боями захватывали города и села. Стремясь склонить на свою сторону население захваченных городов, королевское правительство поспешно раздавало городам и местечкам привилеи на магдебургию.

К этому времени относится, в частности, получение городского герба Остром. Так, в 1660 г. отряды Выговского перешли Днепр и захватили ряд левобережных городов, в том числе Остер. Вскоре город был освобожден от польских войск, но в 1663 г. Ян II Казимир организовал еще один поход на левобережные украинские земли, и снова Остер оказался в руках поляков. Но не надолго. Поход польского короля закончился полным поражением, и Остер, как и другие лево-

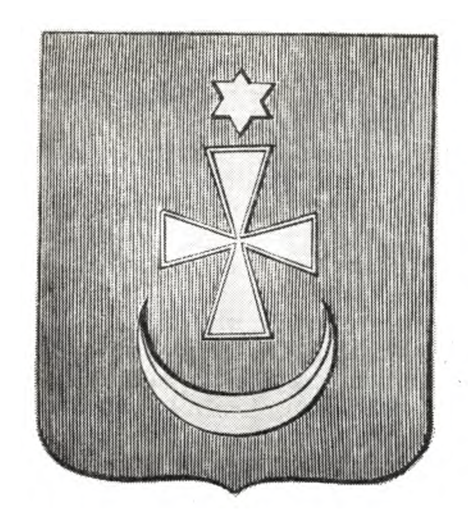
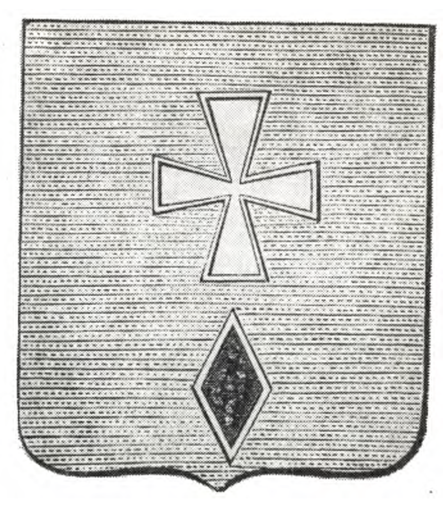

Гербы Козельца и Кролевца. Первая половина XVII в.

бережные города, был освобожден. В одно из пребываний короля в Остре (по одним источникам в 1660 г., по другим — в 1663 г.) город получил привилей на магдебургское право, а вместе с ним и герб, на котором изображены городские ворота с тремя башнями и крестом.

Это изображение, лишь слегка отличающееся от мглинского герба,— наиболее популярное в городских гербах. Как отмечалось, города, бывшие в свое время крепостями, оборонительными пунктами, часто пользовались гербами с символами, относящимися к оборонительным укреплениям (это были стены, ворота, башни и т. п.). Возможно, построенный в 1639 г. на Остерской горе замок нашел свое воплощение в стилизованной символике герба.

Целый комплекс эмблем, разнообразных по своему характеру и смысловому наполнению, представлен на знаменах левобережных полков периода освободительной войны 1648—1654 гг. Так, на обнаруженных в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде рисунках, датированных 1651 г., изображены 24 казацких знамени: 12 — Черниговского и 12 — Киевского полков. Опубликовавший эти редкие рисунки Я. Д. Исаевич пришел к выводу, что их создатели при составлении рисунков знамен пользовались общепринятыми в то время в феодальной Европе образцами, геральдических эмблем и широко использовали мотивы украинского народного декоративного искусства [49]. Действительно, на многих знаменах изображены солнце, луна, звезды, что очень характерно для символики украинского народного искусства.

На трех из 12 сотенных знамен Киевского полка имеется нашитое или нарисованное изображение лука. Исаевич считает, что автор описания и рисунков знамен из-за недосмотра или же незнания дела нарисовал обыкновенный лук, а не самострел, очень на него подобный. Эти знамена, отмечает исследователь, судя по изображенной на них эмблеме, могли принадлежать не казакам, а магистратской страже или киевским цехам. Вероятно, этим можно объяснить нетрадиционное помещение на воинских знаменах эмблемы с киевской магистратской печатью вместо эмблемы городского герба.

Гербы Конотопа и Погара. Первая половина XVII в.

На 9 из 12 знамен Черниговского полка имеется изображение креста. Аналогичное изображение креста, как отмечалось раньше, было зафиксировано на черниговской городской казацкой хоругви, полученной в 1623 г. сотней «рыцарства казацкой службы», созданной специально для охраны пограничного города.

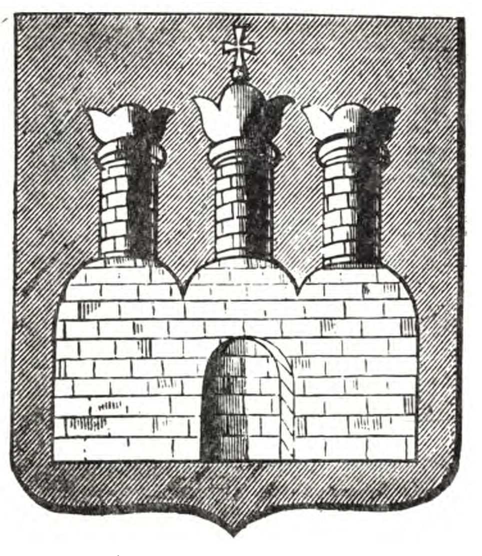
Во второй половине XVI в. появляется и первая казацкая печать с изображением вооруженного казака, которое стало впоследствии традиционным символом всего украинского казачества.

Для охраны юго-восточных границ государства от агрессии Турции и Крымского ханства, а также для подавления выступлений народных масс универсалом польского короля Сигизмунда II Августа от 1572 г. был сформирован отряд казаков. Принятые на государственную службу казаки вписывались в реестр, откуда получили название реестровых. Реестровые казаки должны были принять присягу королю и Речи Посполитой. В свою очередь они получали от короля ряд привилеев: войско размещалось на определенной территории, имело собственный суд, пользовалось самоуправлением, т. е. определенной ограниченной административно-территориальной автономией.

Гетман, возглавлявший казацкое войско, получил от короля традиционные знаки гетманской власти — войсковое знамя, бунчук, булаву и печать с гербом «за мужество великое из татари на бранех». На печати изображался «воин в колпаку перекривленном, на плечах мушкет, а при боку шабля и козацкий рог с порохом кули меючий». Такое живописное описание печати привел в своей летописи Григорий Грабянка [50]. Гетманская печать с изображением казака впоследствии стала считаться гербом всего украинского казачества *. Два столетия

---

* Сохранилось интересное свидетельство о дальнейшей судьбе казацкой печати, описанной в 1710 г. Г. И. Грабянкой. Печать эта, отмечал летописец, употреблялась в запорожской войсковой канцелярии до 1708 г., пока предатель украинского народа Мазепа не забрал ее с собой, убегая к шведскому королю. После измены Мазепы Петр I, передавая в торжественной обстановке новому гетману И. Скоропадскому гетманские регалии, велел вырезать печать с прежним гербом, но уже новой надписью: «Печать Малой России войска его царского пресветлого величества Запорожского».

Герб Остра. 60-е годы XVII в.

казак с ружьем не сходил с печатей гетманских, а также канцелярских учреждений, генеральной старшины.

И. П. Крипьякевич собрал и рассмотрел целый ряд гетманских печатей с изображением казака, привел их детальное описание [51]. Фигура казака на всех этих печатях оставалась традиционно неизменной, но постоянно менялась изображенная на нем одежда. На ранних войсковых печатях видно простого воина, в небогатой экипировке; на печатях позднего времени — это уже знатный казак в дорогом расшитом убранстве. Такие изменения наглядно показывают процесс социального расслоения украинского казачества, возросшее значение казацкой старшины.

Изменения же в надписях отражают политическое положение казачества и свидетельствуют о характере исторических событий, происходивших на протяжении двух веков на Украине. Они указывают на ориентацию, к которой принадлежал тот или иной гетман.

1

Образцы украинских казацких знамен периода освободительной войны 1648—1654 гг.:
1 — Черниговского полка; *2* — Киевского полка

На основании изложенного в этой главе материала можно сделать такие выводы.

Печать Войска Запорожского. 70-е годы XVI в.

Появление гербов у левобережных украинских городов связано с введением в них магдебургского права, которое получило широкое распространение в XVI — первой половине XVII в. Каждому привилегированному городу полагалось иметь свой герб — символ самоуправления. Герб в это время получил правовое положение, утверждался верховной властью, определились его функции.

Символика гербов, полученных левобережными городами, очень разнообразна. Известно, что выбор символов для гербов находился в зависимости от окружающей человека действительности. Эта закономерность — общая для всех народов. Но в разных странах при введении гербов принимались во внимание различные аспекты действительности. Это зависело от ряда факторов — топографических, культурных, хозяйственных и общественных [52]. Такое положение в полной мере применимо к символике городских гербов Левобережья.

Типологический анализ эмблем, составляющих гербы исследуемой территории, позволил выделить главные принципы, положенные в основу их создания, и разделить их на несколько групп.

Прежде всего это гербы, в эмблемах которых сохранились древнерусские эмблематические традиции.

Большую группу составляют гербы, эмблемы которых графически условно или аллегорически выражают определенные идеи: борьбу добра со злом, защиту отечества, победу над врагом, победу христианства и т. д. Для символизации этих идей и понятий использовались общепринятые условные геральдические обозначения.

Эти условные знаки, впитавшие в себя употреблявшиеся феодальным обществом символы и сформированные, как сказано, согласно общепринятым геральдическим канонам, были характерны для геральдики многих народов. Как отмечал, например, А. Лакиер, «во всех славянских землях знамена в гербах, различаясь в некоторых подробностях, в сущности одни и те же» [53].

Общепринятая средневековая символика посредством условных знаков отражала объективную реальность, утверждала определенные социальные идеи, понятия, верования народов, графически выражала некоторые общеисторические процессы. Так, наличие предметов вооружения — сабель, стрел, мечей и т. д.— свидетельствовало о многочисленных войнах, которые вели народы на протяжении веков.

Христианские эмблемы — фигуры святых, кресты и т. п., помещенные в гербах,— являлись символами христианской религии — главенствующей в мировоззрении многих народов. Полумесяц и звез-

ды, часто в сочетании с крестом, отображали войны с татарами и турками, а также победу христианства над язычеством и магометанством, и т. д.

Выбор эмблем, обозначавших определенные понятия и некоторые культурно-исторические процессы, для гербов левобережных украинских городов нельзя считать простым заимствованием из польской геральдики, как утверждают некоторые исследователи. Идентичность символов, помещенных в польских и украинских городских гербах, объясняется близким характером социально-экономического развития, материальной культуры и мировоззрения народов Украины и Польши на определенном этапе общественного развития.

Следующую группу составляют гербы, архитектурные сюжеты которых представляют стилизованное изображение самого города.

Еще одна группа — гербы частновладельческих городов, эмблемы которых частично заимствованы или полностью представляют сюжеты гербов владельцев городов.

Среди гербов левобережных городов были гласные, или «говорящие», в которых основной элемент выражал название города.

В отдельную группу можно отнести гербы и печати городов, в изображениях которых имелись фигуры святых (св. Георгий — в гербе Нежина и на печати Стародуба; св. Владислав — на черниговской печати; св. Флориан — в гербе Мглина; архангел Михаил — в гербах Гадяча и Киева).

Предназначенные служить опознавательно-отличительным знаком каждого города, гербы не всегда выполняли данную функцию, поскольку их символика часто носила формальный характер: в эмблемах, составлявших гербы, отсутствовал принцип отражения реального города. В этом состояла особенность гербов, получаемых левобережными городами, находившимися в составе Речи Посполитой.

Общественно-правовые функции герба, призванного служить символом независимости и самоуправления города, не всегда отвечали своему названию. Специфика городов Польши и ее владений, в которые входили левобережные украинские города, заключалась в том, что, несмотря на предоставленные «вольности», они в большинстве случаев не пользовались самостоятельностью управления.

Слабая централизация политической власти Речи Посполитой, все более возраставшая система феодальных льгот шляхте способствовали упадку городской организации, превращая ее в органы власти феодалов. Традиционные слова, постоянно фигурировавшие во всех королевских привилеях городу при наделении его магдебургским правом: «...наместникам нашим, урядникам и судьям запрещаем навсегда в это право вмешиваться и мещан к своему суду привлекать»,— часто были пустой формальностью. В этих условиях наличие у города герба вовсе не свидетельствовало о его независимости.

Это положение не распространялось на крупные левобережные украинские города, где самоуправление было ограничено не в такой степени, как в небольших городах. В крупных административных центрах, как Киев, Чернигов, городской герб отвечал своему первоначальному значению как символ привилегированного положения города, его самоуправления.

Традиции городского герботворчества, сложившиеся в это время, нашли свое развитие в последующий исторический период.

Глава V

ГЕРБЫ ГОРОДОВ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией — важнейшие исторические события, ставшие поворотным этапом в истории украинского народа,— были обусловлены всем ходом его социально-экономического, политического и культурного развития. В ходе освободительной войны все отчетливей становилось стремление украинского народа к единению с русским народом. В. И. Ленин подчеркивал, что украинский и русский народы столь близки «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории» [1].

Воссоединение Украины с Россией благотворно повлияло на развитие городов Левобережной Украины, которые были включены в единую систему управления Русского государства. Внутреннее устройство России с ее развитой политической централизацией, политикой укрепления государственной власти разительно отличалось от децентрализованной и ослабленной Речи Посполитой, что сказалось и на положении городов Левобережной Украины, вошедших в состав Русского государства. Они освободились от феодальной зависимости украинских и польских магнатов и шляхты, перестали быть их собственностью. В документах того времени они назывались «государевыми» городами, хотя фактически подчинялись как царской, так и гетманской власти. Несмотря на то что царское правительство проводило политику постепенного ограничения феодализации городов, некоторые города Левобережья попали в частное владение казацкой старшины.

Не останавливаясь подробно на вопросах общественно-политического устройства городов Левобережной Украины и их управления во второй половине XVII — начале XVIII в., следует отметить, что украинские города в административно-политическом отношении испытывали на себе двойную власть — казацко-старшинской администрации и царского правительства.

Во второй половине XVII и даже в начале XVIII в. царское правительство сравнительно мало вмешивалось во внутренние дела Левобережной Украины. Ее автономное положение выражалось в гетманском управлении, административно-территориальном делении, военных и финансовых делах.

Города, как и прежде, делились на магистратские и ратушные. В первых было магистратское управление, во вторых — ратушное. Магистратские города имели гораздо больше самостоятельности, чем ратушные. 25 городов Левобережной Украины пользовались магдебургским правом. Царское правительство, исходя из интересов государства, не только сохранило это право за городами, получившими его от польских властей, но и предоставило магдебургию нескольким другим городам.

Такие левобережные города, как Нежин, Переяслав, Стародуб, Чернигов, Новгород-Северский, Почеп, Погар, Мглин, Козелец, Остер, Полтава, пользовавшиеся магдебургским правом еще до воссоединения, получили подтверждение своих прав в ряде соответствующих царских грамот. Подтверждение российским правительством прав и привилеев украинским городам имело большое значение для их дальнейшего развития, защищало население от феодальной анархии.

В грамотах с некоторыми коррективами и изменениями узаконивалось существующее городское самоуправление. Однако лишь в од-

ной из обнаруженных нами грамот упоминался городской герб, которым разрешалось пользоваться. Так, в жалованной грамоте царя Алексея Михайловича, данной по прошению гетмана Богдана Хмельницкого переяславским мещанам в 1654 г., говорится: «...велеть прежние их права и вольности войсковые как издавна бывали при королях польских и великих князей литовских и при княжатах русских и вольности свои имели в добрах и судах и чтоб в те их войсковые суды их не вступаться и от своих бы старых судились подтвердити и прежних бы их прав каковы даны доходного и мирского чину людей от королей польских и от князей русских не нарушать и на тех их прав дать нашу государскую жалованную грамоту за нашею государскою печатью», а в конце документа подчеркивается: «и герб свой держать им прежний» [2].

В апреле 1654 г. Богдан Хмельницкий обратился к царю с просьбой о подтверждении городу Киеву прежних прав его и вольностей: «...пожаловать милостиво и права и привилея и вольности их (киевлян.— *В. Р.)* древние, за веков им от благочестивых княжат и панов Российских и от королей польских данные утвердить, и при всех тех судах и вольностях права Магдебургского оставить как и сперва и за короля польского имели» [3].

В ответ на «просительный лист» Хмельницкого 16 июля 1654 г. была дана царская жалованная грамота жителям Киева, подтверждавшая права и вольности, дарованные им прежними королями польскими и великими князьями литовскими: «...и тех прав и привилеев ничем нарушивати не велели» [4]. Основанием для составления грамоты городу послужили два королевских привилея Яна Казимира и его сына Владислава IV.

Аналогичную грамоту царя Алексея Михайловича «...о подтверждении прав, привилей и свобод от польских королей» [5] получил Чернигов (1655). В последующие годы магдебургское право подтверждалось царскими грамотами украинским городам: Киеву (1660, 1665): «...города Киева мещанам пожаловали велели им на их магдебургское право и вольности на подтверждение прежней нашего царского величества жалованной грамоты, какова им дана в прошлом в 1660 г., дати сию нашу... жалованную грамоту. В правах и вольностях мещанам быть по прежней и по сей грамоте. 21 ноября 1665 г.» [6]; Переяславу (1660) [7]; Нежину (1660, 1666) [8]; Остру (1666) [9]; а также — Мглину (1665) [10]; Козельцу (1666) [11]; Погару (1666) [12]; Стародубу (1666): «...против нежинских и черниговских и переяславских мещан, а прежние нашего царского величества жалованные грамоты от разорения литовских людей утерялись и мы стародубовских мещан пожаловали на стародавнее их право и вольности жалованную грамоту» [13].

Время от времени права и привилегии украинских городов подтверждались царскими грамотами при вступлении на престол нового царя, при утрате оригинала грамоты и т. д. Так, в 1698 г. Петр I дал Нежину вместо сгоревшей во время пожара грамоты новую «на право майдебургское, и на вольности, и на всякие приходы, к ратуши нежинской надлежащие» [14], которая подтверждала городу права и привилегии, данные предыдущими царскими грамотами.

Как уже отмечалось, почти во всех царских грамотах этого периода на подтверждение «прежних прав и вольностей» украинским городам, полученных от польских королей, нет упоминаний о городском гербе.

Государственная печать Ивана IV

По мнению Н. А. Соболевой [15], такое нарочитое умалчивание было сделано умышленно, ввиду отсутствия в то время гербов у русских городов.

Некоторые украинские города, не пользовавшиеся ранее магдебургией, после воссоединения получили царские грамоты на городское самоуправление. Такие универсалы выдавались только тем крупным городам, которые имели финансовую возможность отстаивать экономические интересы и защищать свои права от войсковой казацкой старшины, православной духовной иерархии и местных властей. Но и в этих царских универсалах также не ставился вопрос о городском символе — гербе.

В связи с усилением феодально-крепостнических отношений отдельные украинские города, ранее пользовавшиеся магдебургским правом (например, Лубны, Миргород, Пирятин, Кролевец, Борзна), не получили подтвердительных грамот русского царя. Тем не менее городские учреждения продолжали пользоваться своими старыми печатями, о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся документы, на которых имеются оттиски печатей городов, не получивших официального подтверждения права на самоуправление, а значит, и на пользование печатью и гербом.

Украинские города, вошедшие в состав Русского государства, стали крупным элементом, определяющим направление административного развития страны, но со своими традиционными специфическими чертами. На их правовое положение определенное влияние имело законодательство России. В этой связи представляется необходимым остановиться на состоянии территориальной эмблематики Русского государства во второй половине XVII в. В России в это время городских гербов как таковых, в общепринятом смысле, установленных и узаконенных, не существовало. Что касается печатей, то они в это время уже получили значительное распространение. Прежде всего это касается государственных или царских печатей. Согласно требованиям этикета царь мог брать в руки лишь скипетр или меч, но никогда — перо. Печать заменяла подпись царя, а дьяк своей подписью скреплял документ.

Когда международные связи России получили широкое развитие, для подтверждения различных международных соглашений возникла необходимость в государственной печати. Ее носил на шее, на золотой цепи, оберегатель царской большой печати, или, как его еще называли, печатник, пользовавшийся особым доверием царя. Такая печать в просторечии называлась орловскою, или воротною, потому что на одной из ее сторон был изображен орел, а висела она на шее, т. е. по вороту. Так, при Иване IV уже существовала большая государственная печать, на которой было помещено изображение двугла-

Эмблемы Киевской и Черниговской земель. Из Титулярника 1672 г.

вого орла и всадника, а вокруг — эмблемы земель, областей, княжеств и царств, входивших в состав Русского государства. Эта общегосударственная эмблема символизировала территориальное единство земель, объединенных под властью московского царя.

Впервые она была помещена в Большой государственной книге, известной также под названием «Царский Титулярник» [16], составленной в царствование Алексея Михайловича. В Титулярнике наряду с портретами русских царей, начиная от Рюрика, и портретами, гербами и печатями иностранных государей были помещены эмблемы 33 городов и областей, названия которых входили в полный государев титул. В исторически сложившемся комплексе русских областных эмблем появились вновь эмблемы киевской и черниговской земель [17], однако несколько модифицированные. Эмблема Киевской земли представляла собой изображение ангела с крыльями и нимбом над головой. В правой руке у него меч, в левой — овальный щит. Ангел изображен идущим по земле. Эмблема Черниговской земли представлялась черным коронованным, теперь уже одноглавым орлом, с крестом в левой лапе. В этих эмблемах еще не было необходимых деталей и атрибутов, которых требуют геральдические правила, но Титулярник уже можно считать первым, хоть еще и не совершенным, русским гербовником. Эмблемы, помещенные в нем, должны были наглядно отражать единство земель, объединенных в Русском централизованном государстве.

В конце XVII в. областные эмблемы становятся одновременно городскими и официально называются гербами. Территориальные эмблемы получают свое дальнейшее развитие в годы правления Петра I. Его реформаторская деятельность, направленная на упорядочение государственного и местного аппарата, улучшение делопроизводства, а вместе с ним обязательное использование печатей, объективно способствовала развитию территориальной геральдики.

В то время в России в канцеляриях местного управления почти не было специальных гербовых печатей. Нередко чиновники для удостоверения официальных документов из-за отсутствия канцеляр-

ских использовали свои личные печати. По собственной инициативе изготовлялись печати без гербового изображения, с одной только надписью, свидетельствующей о ее принадлежности тому или иному городу или канцелярии [18]. Иногда в делопроизводстве городской канцелярии использовалось несколько разных печатей одновременно. Такое явление можно объяснить отсутствием у города его постоянного символа.

В указе Петра I об изготовлении гербовых печатей для местных судебных органов, в частности, говорилось: «В губерниях и провинциях, в городах, которые имеют герб, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь» [19]. Из приведенного текста видно, что уже в то время каждому городу необходимо было иметь свои герб и печать.

Магистратские и ратушные города Левобережной Украины продолжали пользоваться печатями и гербами, данными им еще во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Изображения на них оставались прежними, но появилась новая атрибутика, фиксировавшая принадлежность этих городов к Российской империи, их новое подчинение. В качестве примера могут служить старые

Рисунок русской государственной печати с эмблемами Киевской и Черниговской земель. Из дневника И. Г. Корба. Конец XVII в.

Печать Петра I

печати городов: Гадяча — на документе 1669 г., Нежина — 1691 г., Стародуба — 1696 г., Чернигова, Козельца, Переяслава, Киева — 1698 г.[20]

Так, магистрат Козельца получил городскую печать еще от польского короля Яна Казимира, на которой был изображен козел с крестом на спине. В составе Русского государства магистрат Козельца продолжал пользоваться печатью с прежним изображением[21]. Надпись по кругу печати гласила: «Пєчать магистрату мєст[а]... Козєлц[а]...», т. е. печать магистрата города Козельца. На магистратской печати Гадяча с изображением архангела Михаила, поражающего копьем змия, появилась новая надпись: «Верного царскому пресветлому величеству города Гадяча магистратовая печать». На печати Нежина, приложенной к документу 1691 г., сохранилось прежнее изображение всадника с копьем, поражающего змия, зафиксированное еще в 1620 г., но появилась новая надпись: «Печать мѣста украин[ск]ого его ц[а]рского пресв. величества Нѣжина», свидетельствующая о том, что Нежин, как и другие города Левобережной Украины, вошедшие в состав России, стал владением русского царя, так называемым государевым городом.

На печати киевского магистрата изображена рука, держащая самострел. После воссоединения Украины с Россией на магистратской печати сохранилось изображение руки с самострелом, но была добавлена надпись: «Пєчат[ь] мєская ма[г]істрату его ц. в. кієвскія отчін[а]...», т. е. «Печать городская магистрата его царского вели-

чества Киевской отчины». Эта надпись имеет свое объяснение. Уже с конца XV — начала XVI в. Киев в официальных документах стал называться отчиной русского царя; этой надписью по кругу печати подчеркивалось, что старинная «отчина» вернулась к своим законным владельцам.

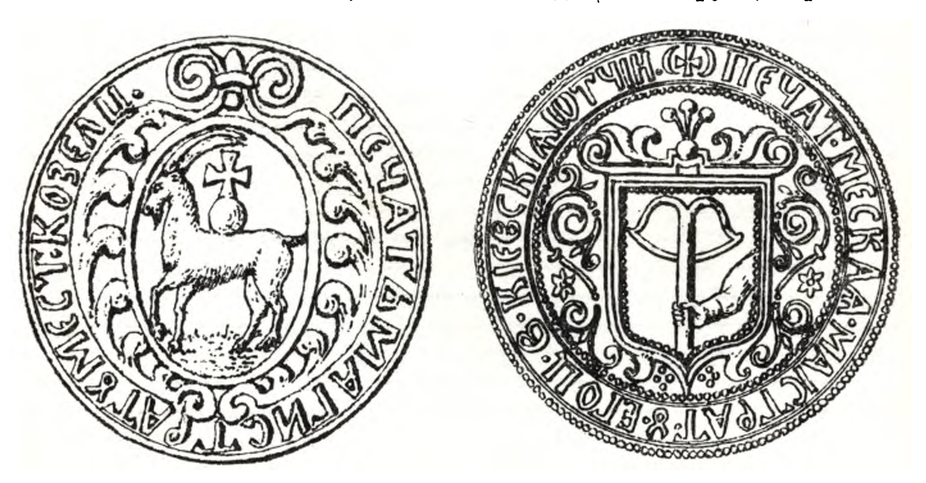

Печать Малороссийского приказа. XVII в.

Печать ратуши Чернигова, приложенная к свидетельству, выданному в 1698 г. подъячему Малороссийского приказа, имеет круглую форму, по краю надпись: «Печать его ц[а]рск[о]го пресветл[о]го величест. Черниговскаго ратуши магистрата». В середине ее изображен попрежнему держащий в правой руке знамя вооруженный воин, который в польских документах назван святым Владиславом «в збруи с красной хорогвою».

Сопоставляя эти изображения с рисунками на старых печатях некоторых украинских городов, можно сделать вывод, что в них полностью или частично сохранились сюжеты, полученные еще при польских королях, но прибавлена атрибутика, свидетельствовавшая о самодержавной власти царя, централизации управления государством.

Рисунок на печати Стародуба несколько отличается от изображения на его гербе. Оттиск печати стародубского магистрата на документе конца XVII в. представляет собой овал, по краю которого расположена надпись: «Печать места его царского пресвет. велич. магистрата Стародубского». В середине, на щите, обрамленном намётом, изображена рука, держащая дерево (дуб). Различие между гербом и печатью состоит в том, что в печати добавлена рука, держащая

Магистратские печати Козельца и Киева. 1698 г.

Магистратская печать Стародуба. 1696 г.

Печать князя М. Г. Ромодановского-Стародубского. 1689 г.

дерево, и отсутствует орлиное гнездо, известное из описания герба в польском привилее.

Интересно отметить, что сходное изображение было также на личной печати киевского воеводы князя Михаила Григорьевича Ромодановского-Стародубского (1689). Несмотря на то что он управлял Киевским воеводством, на его печати были изображены старый дуб, желудь и рядом медведь [22]. Эту эмблему воевода сохранил как свой родовой герб. Генеалогические разведки указывают, что род Ромодановских ведет свое начало от великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, потомки которого были в свое время стародубскими удельными князьями и имели особое знамя Стародубского княжества с изображенным на нем старым дубом.

Дальнейшему развитию городских гербов объективно способствовали военно-административные реформы Петра I, направленные на повышение роли городов. В 1708 г. Россия была разделена на восемь губерний, в городах которых размещались полки русской армии. Они получали наименования городов, к которым были приписаны.

На Левобережной Украине было 10 полков, каждый из них имел свое постоянное местопребывание и получил название, как сказано, от полкового города — Стародубский, Черниговский, Нежинский, Прилуцкий, Киевский *, Переяславский, Лубенский, Гадячский, Полтавский, Миргородский. Эти города являлись военными и административными центрами.

Полки в свою очередь делились на сотни, которые также находились в городах и местечках Левобережной Украины. Так, в состав Стародубского полка входили один полковой город Стародуб и четыре сотенных — Новгород-Северский, Погар, Почеп и Мглин. Остальные сотни Стародубского полка размещались в небольших местечках и селениях.

Каждое воинское формирование (полк, сотня), расположенное в городе, имело свое боевое знамя, роль и значение которого особенно

* В 60-е годы XVII в., после Андрусовского перемирия, правление Киевского полка было переведено в Козелец.

возросли во время правления Петра I. Знамена стали приобретать не только военное, но и государственное значение. В 1712 г. был издан указ, согласно которому знамена для полков русской армии должны были изготовляться только в Оружейной палате Кремля.

Новые знамена потеряли строго религиозную символику, какую имели в допетровскую эпоху. Изречения из Священного писания сменились краткими боевыми призывами, девизами, вселявшими уверенность в победе, например; «Сим знаменем победиши», «Никого не устрашусь». Наряду с идеями прославления побед русской армии в знаменной символике начинают появляться эмблемы отдельных областей, перешедшие затем в городские. Таким образом, территориальные эмблемы, включаясь в общий процесс утилизации символики в идеологической политике правительства, получают широкое распространение при Петре I [23]. По его распоряжению полки обязаны были помещать на своих знаменах гербы городов, в которых они создавались или дислоцировались. Так, на полотнищах знамен пехотных полков в верхнем углу у древка стали помещать гербы полковых городов.

С 20-х годов XVIII в. начинается систематическая работа по изготовлению гербов для городов Российской империи. Она связана с именем пьемонтского графа Ф. Санти, который разработал принцип составления гербов, ставший единым правилом для общероссийского герботворчества. Создание городских гербов велось централизованным порядком.

В 1722 г. по указанию Петра I была учреждена Герольдмейстерская контора *. Первым герольдмейстером был назначен С. А. Колычев. Ф. Санти был определен товарищем герольдмейстера «для отправления геральдического художества» [24].

В. К. Лукомский сообщает о нем: «Пьемонтский дворянин, воспитанный в Париже, бывший гофмаршалом дворца герцога Гессен-Гамбургского, призванный к настоящей деятельности лишь благодаря изящному таланту рисования, Санти, конечно, не имел времени и возможности понять русские формы гербов. Он должен был оказать сильное влияние на молодую русскую геральдику, внося готовые формы „французских регулов", которыми он руководствовался сам, и сообщая ей, таким образом, новый, западноевропейский стиль» [25].

Действительно, будучи большим знатоком западноевропейской геральдики, Санти представлял в Герольдию свои замечания по созданию городских гербов в соответствии с геральдическими правилами, принятыми в то время в Западной Европе. В 1722 г. он подал на утверждение семь гербов для городов, среди которых был герб Киева. Гербы эти, сохраняя старые изображения, были оформлены и описаны по правилам западноевропейской геральдики, окружены необходимыми внешними геральдическими атрибутами.

В 1723 г. были созданы еще 24 герба городов и областей, названия которых входили в царский титул. Среди них упоминается черниговский герб. Источником и ориентиром для составления гербов Санти послужил Титулярник 1672 г. Однако к тому времени Титулярник

* Подробно деятельность Герольдмейстерской конторы освещена в работах А. Лакиера (указ. соч.), В. К. Лукомского (О геральдическом художестве в России), Н. Ф. Демидовой (Русские городские печати XVIII в.), Е. И. Каменцевой, В. Н. Устюгова (указ. соч.), Н. А. Соболевой (Российская городская геральдика; Становление института городского герба в России XVIII века; Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.).

Генеральная карта Левобережной Украины. (Деление по полкам)

уже не соответствовал новым требованиям и принципам западноевропейской геральдики, на которую ориентировались создатели российских городских гербов. В связи с этим Санти и его помощникам предстояла большая работа по созданию новых гербов для городов, которые их еще не имели. Главная цель, которую преследовали авторы будущих городских гербов, заключалась в том, чтобы подобрать эмблемы, иллюстрирующие ту или иную отличительную особенность города. Для этого было решено собрать сведения с мест и на их основе создать гербы с символами, наиболее полно отражающими особенность каждого города.

Санти лично составил анкету, пункты которой касались таких важных вопросов, как географическое положение города, природные условия, особенности местной истории, экономика, были даны запросы о состоянии каждого города, о доминирующих в нем сооружениях, укреплениях, а также о соответствии будущего герба его названию. В анкете необходимо было дать также сведения о наличии старых городских гербов или печатей и времени их возникновения. После получения из городов необходимых сведений и составления гербов предполагалось «сделать с теми изображениями печати, которыми губернаторам и воеводам отписки, доношения и прочие отправляемые письма, кроме партикулярных, печатать» [26].

Рассылка анкет-вопросников по городам и получение с мест нужных сведений должны были занять довольно много времени. Ф. Санти, не дожидаясь ответов, составил гербы для городов, которые он знал сам или знал их печати. По мере поступления сведений из городов Ф. Санти вместе с художниками И. Чернавским и П. Гусятниковым составлял эскизы гербов. Однако присылаемые материалы не всегда содержали необходимые сведения. Большинство местных учреждений не смогли ответить на все пункты анкеты [27]. Что касается запросов о наличии гербов и печатей, то многие города Левобережной Украины выслали оттиски своих печатей и рисунки гербов. На основе полученных данных были изготовлены эскизы для 137 гербов провинциальных городов [28]. Но к 1727 г., ко времени ареста Санти по обвинению в дворцовом заговоре с целью государственного переворота, работа не была закончена, что видно из сообщения Герольдмейстерской конторы кабинету министров: «Санти в бытность свою в той конторе сочинял Российской империи провинциям и городам, на полковые знамена и разным фамилиям гербы и был в той конторе до июня 1727 г. И за отбытием его многим провинциям и городам гербов не сочинено, а которые из них и сочинены и те не опробованы, и в котором какая фигура изображена, какого ради случая, тому описания не учинено» [29].

С этим трудно согласиться. Напротив, документы свидетельствуют о том, что Санти изготовил около ста рисунков гербов для воинских знамен, был даже составлен своего рода городской гербовник, изготовлены отдельные гербы для областей, провинций и городов.

Гербы, изготовленные Санти и его помощниками, не были утверждены официально, и администрация городов рисунки этих гербов не получила. Не выполнен был и заказ Военной коллегии на изготовление гербов на полковые знамена. Поэтому дальнейшая работа по составлению городских гербов перешла под надзор военного ведомства. В 1727 г. Военной коллегии было приказано все полки царской армии переименовать по названию городов, а на полковые знамена по-

местить гербы этих городов. В случае, если города не имели еще гербов, «те учинить вновь Герольдмейстеру и передать для апробации в Верховный тайный Совет» [30]. С 1728 г. под непосредственным руководством члена Военной коллегии графа В. Х. Миниха художник А. Баранов, используя заготовки Ф. Санти, составил 88 гербов провинциальных городов, которые были утверждены в 1730 г. Сенат сообщил Военной коллегии, что гербы эти «отчасти заимствованные из прежних гербовников, отчасти вновь по приличеству городов составленные, утверждены, и по ним следует изготовить для полков знамена, а для губернаторов печати» [31].

Гербы, составленные под руководством Миниха, не были самостоятельным творчеством, они являлись, по существу, копиями гербов, подготовленных Ф. Санти. К ним относятся гербы Киева и левобережных городов — Чернигова, Полтавы, Стародуба, Глухова, Нежина [32].

Составители гербовника, создавая гербы Киеву, Чернигову и Стародубу, руководствовались их старыми гербами и печатями, зафиксированными еще в польских гербовниках и Титулярнике. Были лишь прибавлены «обстоятельства», требуемые геральдическими правилами, а также использован цвет, избранный для знамен полков, расквартированных в этих городах. Реестр гербов с их описанием впервые опубликовал А. Лакиер. В описании герба Киева, в частности, прямо указывается, что Киев получил свой старый герб: «Киевский, по старому, в средине ангел в белом одеянии с мечом, сияние желтое, поле лазоревое» [33].

Интересно, что в описании киевского герба сказано, что на нем изображен просто ангел. Указания на то, что это именно архангел Михаил, пока еще нет. Дальнейшую конкретизацию старинная киевская эмблема как символ победы христианской религии над древнерусской языческой верой под влиянием и нажимом церкви получила, как мы увидим, позже.

В гербе Чернигова был изображен «черный одноглавый орел под короной, в левой лапе крест желтый, а корона, нос и когти желтые же». Следует отметить, что эмблема Чернигова долгое время не была стойкой, изображение ее часто менялось. Так, на государственной печати Ивана Грозного черниговская печать состоит из обнаженного меча восточного типа. На тарелке царя Алексея Михайловича черниговский герб представлен уже в виде обращенной в правую геральдическую сторону фигуры белого оленя в зеленом поле. Подобные изображения меча и оленя мы не встречаем больше ни на одном предмете, носящем на себе рисунок черниговского герба. Никаких указаний на наличие на гербе такого изображения нет также ни в одном из сохранившихся описаний черниговских печатей и герба. Такое единичное появление упомянутых изображений до сих пор представляет загадку для исследователей.

Иначе обстоит дело с эмблемой орла в черниговском гербе. Она имеет наиболее устойчивый характер. Это древнее изображение орла существовало еще в X в. в качестве эмблемы Черниговского княжества и составило впоследствии основу герба города. Гербовый орел в различных вариациях функционировал вплоть до начала XX в. Действительно, если в польских гербовниках указывался двуглавый орел, то в Титулярнике и в дневнике И. Г. Корба — орел одноглавый [34]. Такое различие имеет свое логическое объяснение. Государ-

ственный герб Русского государства со второй половины XV в. в своем изображении имел черного двуглавого орла *. Естественно, сложная монархическая символика государственного герба, по мнению герольдмейстеров, занимавшихся созданием новых и пересмотром старых городских гербов, была неприемлемой для герба провинциального города. Видимо, поэтому изображение двуглавого орла в гербе Чернигова было заменено на одноглавого.

В гербе Стародуба изображен по-прежнему «дуб старый, стоящий на зеленой земле, поле белое». Как видим, постоянный отличительный

Гербы Киева и Чернигова. 1730 г.

знак Стародубской земли оказался настолько стойким, что, сохранившись в течение ряда веков, составил основу герба города Стародуба.

Совсем иная символика нового герба Нежина. Прежняя печать города имела в своем изображении всадника на коне, копьем пора-

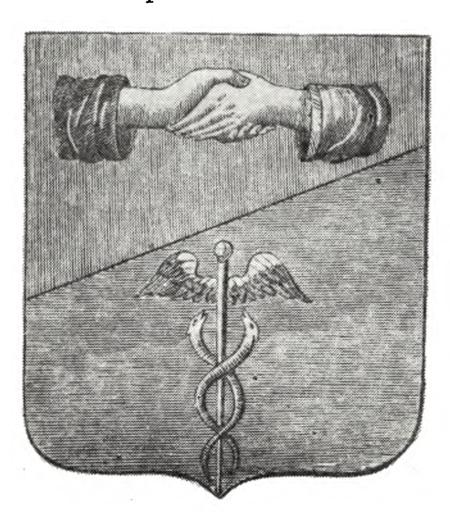
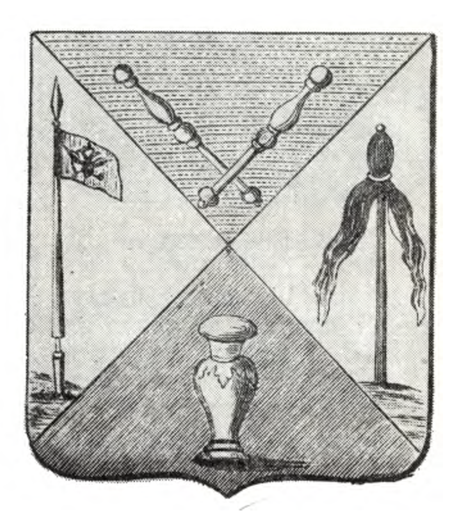
---

* Сложнейший вопрос о его происхождении заслуживает отдельного рассмотрения. Вопрос о начальном появлении эмблемы двуглавого орла на русской государственной печати до сих пор является проблематичным и привлекает внимание советских и зарубежных историков. В исторической литературе существуют несколько версий о причинах помещения двуглавого орла на печати Ивана III: 1. Эмблема двуглавого орла унаследована из Византии в результате брака Ивана III с племянницей последнего византийского императора Константина Палеолога Софьей в 1472 г. 2. Как результат знакомства Ивана III с западноевропейскими традициями оформления императорской власти, в частности благодаря контактам с императорским домом Габсбургов. 3. Повторение опыта Сербии, Болгарии, Румынии и Албании, где эмблема двуглавого орла приобрела широкую популярность.

Существуют несколько вариантов объяснения символики этой эмблемы: 1) знак одновременности правления двух императоров; 2) знак претензий на императорский трон; 3) знак притязания на два государства; 4) символ, объединяющий под одним скипетром, в одном государстве две части света — Европу и Азию; 5) символ, олицетворяющий идею всемирной империи.

Не вдаваясь в разбор толкования этой эмблемы, отметим лишь, что появление ее на русской государственной печати XV в. было не случайно и находилось в полном соответствии с идейной направленностью царской политики, стремящейся выразить таким образом древность происхождения власти, поднять политический престиж Русского государства на международной арене, показать равенство с западными империями.

жающего змия. На новом гербе Нежина на щите, разделенном на две части, изображены: в верхней — в красном поле две руки, соединенные в рукопожатии, в нижней — «в лазоревом поле две змеи под шляпою с крыльями». Символика этого герба проста и легко объяснима. Две руки, соединенные в рукопожатии, символизируют давние связи России с Украиной. А. Шафонский указывает, что этот герб «вошел в бывшую полковую нежинскую канцелярию в печать в употребление в нынешнем столетии * по случаю бывших в Нежине из великороссиян нежинских полковников. Он был бывшего нежин-

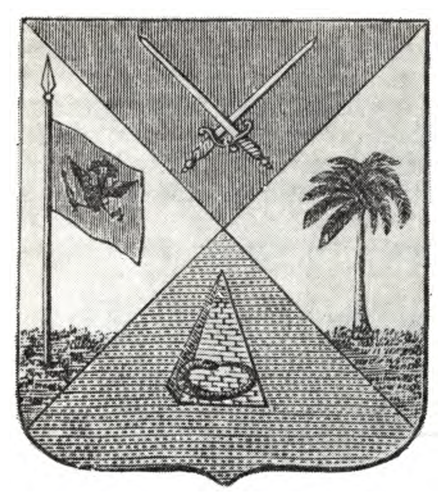

Гербы Нежина и Глухова. 1730 г.

ского гарнизонного полку, и означенные полковники, желая себя от нежинского магистрата отличить, ввели оный из нежинской комендантской канцелярии в нежинскую полковую казацкую канцелярию» [35]. А помещенные в нижней части герба «две змеи под шляпой с крыльями» — не что иное, как кадуцей — жезл бога Меркурия, который в древнеримской мифологии считался покровителем купцов, богом торговли и прибыли [36]. Кадуцей имел вид крылатой палки из оливкового или лаврового дерева, обвитой двумя змеями. С развитием торговых отношений кадуцей становится символом торговли. Он помещен в герб города не случайно. Известно, что начиная со второй половины XVII в. Нежин приобретает большое значение как торговый город с широкими экономическими связями. Он на долгое время становится одним из самых крупных торговых центров Левобережной Украины. Его роль еще больше возросла в XVIII в. «Нежин не только в Черниговском наместничестве, но и во всей Малой России один такой город, который торговым называться может и который многим великорусским городам в своем торговом состоянии не уступает» [37],— сообщает А. Шафонский. Действительно, более столетия нежинские ярмарки были одними из самых главных на всей Украине, «особенно по торговле с иностранцами» [38]. Этот новый аспект в торгово-экономическом значении Нежина и отражен в гербе города.

---

* Исследование Афанасия Шафонского было написано в 1786 г., а опубликовано в 1851 г.

Герб Полтавы. 1730 г.

В реестре гербов, опубликованных Лакиером, описание герба Глухова краткое и малопонятное: «Глуховский против вновь учиненного, токмо сделать яблоки покруглее» [39]. По-видимому, в книге допущена типографская ошибка, а именно пропущены слова «у булавы», что и вводит в заблуждение исследователей. Действительно, в списке городских гербов с их описаниями, присланном из Военной коллегии в комиссариат при указе для составления по нему воинских знамен, о гербе Глухова сообщается так: «Глуховский, против вновь учиненного, токмо у булавы сделать яблоки круглые» [40]. Теперь смысл этого описания стал понятным. Поскольку булава — разновидность оружия в виде дубинки с шишкой на конце или с наглухо приделанной гирей, ядром (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1, с. 139), составители глуховского герба под выражением «сделать яблоки покруглее» имели в виду показать на рисунке округло это своеобразное утолщение на конце палицы. Полное описание герба Глухова такое: «Щит разделен на четыре части, из них в синем поле — две золотые булавы; в зеленом — точеный золотой постамент; в серебряном — красное знамя с государственным российским гербом; в золотом — на красном древке бунчук» [41].

Изображение российского государственного знамени, а также булавы и бунчука — знаков гетманской власти — указывает на то, что Глухов долгое время, официально с 1708 г., являлся гетманской резиденцией, а с 1722 г. в нем находилась Малороссийская коллегия. С пребыванием в городе гетмана, генеральной старшины, размещением канцелярии, суда и других учреждений гетманского управления, а затем Малороссийской коллегии возросло его политическое значение, о чем свидетельствуют эмблемы герба, носящие строго официальный характер.

В описании герба Полтавы из реестра гербов, представленного Минихом в Военную коллегию, имеется пометка «против новоучиненного». Она должна была свидетельствовать о том, что герб этот не был вновь сочинен, а просто повторял рисунок герба, составленного ранее *.

---

* По поводу авторства полтавского герба в исторической литературе имеются несколько мнений. Сложность в определении его создателя вызвана тем, что сведения о городе и его особенностях были получены Герольдмейстерской конторой после ареста Ф. Санти, а герб Полтавы фигурирует в реестре городских гербов, сочиненных им. А. Лакиер, например, считает, что герб Полтавы был составлен под руководством Миниха по описаниям достопримечательностей города, полученным в ответ на анкету, составленную в свое время Санти (*Лакиер А.* Указ. соч., с. 299—300). Н. Ф. Демидова полагает, что «по существу гербы 1730 г. (в том числе полтавский.— *В. Р.)* являются копиями гербов, составленных Санти и его подручными» *(Демидова Н. Ф.* Русские городские печати XVIII в., с. 524). Н. А. Соболева по поводу авторства герба Полтавы

Эмблемы полтавского герба напоминают о Северной войне 1700—1721 гг., прежде всего о знаменитой Полтавской битве и победе над шведами в июне 1709 г. Победа под Полтавой, означавшая важный рубеж между двумя стратегическими периодами Северной войны, явилась образцом русского военного искусства. В ней проявились замечательные боевые качества русских солдат и офицеров, высокое тактическое мастерство полководцев, мощь отечественного оружия. Создатель герба Ф. Санти стремился символически изобразить важное в истории России сражение в таких идейно-художественных образах: щит герба разделен на четыре части, «внизу поле лазоревое, вверху красное, а кругом по две стороны белыя, на лазоревом поле пирамида золотая, на красном вверху две шпаги по сторонам, по правую сторону на зеленой земле знамя, на нем государственный герб, в середине имя императора Петра Великого, по другую сторону дерево зеленое пальм» [42].

Герб Березны. 1782 г.

Эмблемы, вошедшие в Полтавский герб, по своему содержанию просты, лаконичны и глубоко символичны. В их символике органически сочетаются аллегорические изображения с реальными. Под российским флагом с именем Петра I храбро сражались русские воины. Каменная пирамида и лежащая на ней кольцом змея, которая держит в пасти свой хвост,— символ вечности и вечной славы русских воинов, погибших на поле брани. Экзотическое тропическое растение пальма, казалось бы, случайно попавшая в этот герб, тоже имеет свое объяснение: она символизирует первенство в битве (пальма первенства), а также то, что впервые под Полтавой были разгромлены шведы, считавшиеся до тех пор непобедимыми.

Имеет свой реальный прототип и изображенная в гербе пирамида. Еще в 1723 г. Петр I приказал построить на полтавском поле пирамиду в память победы, одержанной над шведами русским войском [43].

Несет смысловую нагрузку и цветовое решение полтавского герба. Красный цвет, использованный в нем, символизирует храбрость, мужество, непобедимость, а голубой — красоту, величие события. Таким образом, изображения на эмблеме ярко символизируют славу отечественного оружия, стойкость, мужество воинов и жителей города, их готовность всегда встать на защиту родины.

Рассмотрев выше названные эмблемы в гербах украинских городов, помещенных в гербовнике Миниха 1730 г., можно сделать вывод, что их символика проста и одновременно разнообразна, основана на реальных исторических событиях, непосредственно связанных с жизнью города и его жителей. В отличие от западноевропейских

сделала два предположения: либо он был включен в список гербов, сделанных Санти, не будучи составленным им, либо Санти составил его, не дождавшись ответа на посланный запрос (*Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 51, 52, 58).

и польских гербов русским гербам присущи простота и реальность эмблем, выбор которых для того или иного города закономерен и легко объясним.

Городские гербы, вошедшие в гербовник Миниха, были представлены в Военную коллегию «для изображения оных на полковых знаменах» [44]. А все рисунки гербов, созданные со времени образования Герольдмейстерской конторы (1722—1730), стали основой для дальнейшей работы над городскими гербами Российской империи.

После смерти Петра I, со второй четверти XVIII в., интерес к городскому гербу как символу самоуправления города на некоторое время несколько угас. Это имело свои причины. Преемники Петра I ликвидировали права самоуправления, предоставленные ранее городам, и они вновь попали в подчинение местной царской администрации. Усиление феодально-крепостнической и бюрократической политики царского правительства сказалось и на положении украинских городов, которые в правовом и экономическом отношении стали еще более зависимыми от местной власти полковника или сотника. Возобладание указанных тенденций дало возможность местным представителям казацко-старшинской верхушки полностью подчинить себе городскую организацию, не считаться с установленными положениями магдебургского права.

В безнадежном положении относительно отстаивания своих прав оказались небольшие города, столь многочисленные на Украине. В них городское управление полностью находилось в руках территориально-сотнического правления. Но и в таких крупных в экономическом отношении городах, как Чернигов, Новгород-Северский, Стародуб, Переяслав, Погар, местные казацкие власти фактически совсем не считались с магдебургским правом. В Остре, Козельце, Лубнах казацкая старшина полностью отстранила городскую организацию от правительственных и судебных дел.

Естественно, что в таких условиях вопрос о городских гербах как символах самоуправления города мог показаться по меньшей мере наивным. Казалось бы, и создание городских гербов должно было приостановиться или же совсем прекратиться. Тем не менее это было не так. В момент обострения политической борьбы внутри государства городской герб был использован царизмом как идеологическое средство для прикрытия консерватизма общего характера городского законодательства [45], завуалирования подлинного его смысла.

В Герольдмейстерской конторе продолжалась практическая работа по составлению городских гербов, в связи с чем сбор сведений о городах не прекращался. Определенную помощь в сборе сведений об украинских городах, о наличии у них гербов оказало произведенное в 1729—1730 гг. «Генеральное следствие о маетностях». Оно проводилось в условиях роста крупного феодально-старшинского и монастырского землевладения с целью узаконения передачи в наследство временных владений. Для этого в каждый полк были направлены чиновники-канцеляристы, которые собирали у местных старожилов «сказки» о том, когда город или село были основаны, у кого находились во владении при польских шляхтичах и после их изгнания. В то же время владельцам приказано было представить в полковые канцелярии все грамоты, универсалы, привилеи, на основании которых они владели поместьями. Тогда же были собраны сведения о наличии у городов гербов и печатей.

В 1737 г. по приказу правительствующего Сената «велено российским городам и на полковых знаменах гербы, которые сочинил граф Санти, срисовав, отослать в Академию наук и для того рисования определен при Герольдмейстерской конторе живописный мастер Чернавский попрежнему. В помощь ему Иван Токарев» [46]. В указе также отмечалось, что подлинники гербов должны храниться «в собрании» в Герольдмейстерской конторе. При составлении городских гербов Герольдмейстерская контора пыталась использовать геральдические правила, разработанные в Западной Европе. Специально для этой цели в Академию наук была отослана для перевода книга геральдических правил, написанная на немецком языке. Сенат напоминал Академии наук, что книгу эту нужно срочно перевести и немедленно отослать обратно в контору [47].

В это же время составляется гербовник знамен Российской империи с реестром гербов. В него вошли и рисунки гербов на знаменах Киевского, Черниговского, Полтавского, Стародубского, Глуховского и Нежинского полков [48]. Гербы на этих знаменах в точности повторили гербы, составленные в 1730 г. Минихом.

Изготовление гербов продвигалось крайне медленно. Было составлено лишь небольшое количество гербов для полковых городов. Создалось такое положение, когда, с одной стороны, Герольдмейстерская контора запрещала местным административным органам пользоваться их старыми, несовершенными печатями, с другой — она не успевала обеспечить все города Российской империи новыми гербовыми печатями. Необходимо

Печать сотенного правления Пирятина. 1747 г.

Печать ратуши Лохвицы. 1725 г.

Печать полковой канцелярии Лубен. 1746 г.

Печать сотенной канцелярии Глухова. 1762 г.

Печать полкового суда Прилук. 1774 г.

было активизировать работу Герольдмейстерской конторы. В феврале 1743 г. ассесор В. Ададуров сообщил, что для «нарисования 300 гербов для лейб-полков нужны мастера, а у них в конторе только один мастер» [49].

В последующие два года штат художников Герольдмейстерской конторы увеличился. Сохранился документ от марта 1745 г., в котором перечисляются все виды работ, исполненных художниками, среди них «Гербовник славных провинциальных городов» [50], приготовленный для отправления в Академию наук. Под руководством В. Ададурова началась работа по организованному и планомерному составлению городских гербов и изготовлению печатей для присутственных мест.

Результатом деятельности Герольдмейстерской конторы стало появление гербов украинских городов на городских печатях, в частности Коропа — на печати, скрепляющей официальный документ 1739 г., Лохвицы — на ратушной печати 1725—1728 гг., Нежина — 1736, Мглина — 1740, Ромен — 1743, Чернигова — 1746, Сосницы — 1747, Городни — 1748, Миргорода — 1749 г.[51]

Кроме того, встречаются печати с изображениями гербов Переяслава, Гадяча, Глинска, Золотоноши, Лубен, Полтавы, Березны, Пирятина и Глухова за 60—70-е годы XVIII в.

Городские гербы можно было встретить не только на городских печатях, но и на печатях полковых и сотенных канцелярий и судов. Еще во второй половине XVII в. были учреждены казацкие суды: в сотнях — сотенные, в полковых городах — полковые, а в качестве высшей апелляционной инстанции при гетманском управлении — суд генеральный. Однако эти суды в большинстве своем не имели определенного устава и, по-видимому, по этой причине с первых же лет своей деятельности примкнули к городским судебным учреждениям, т. е. к судам «мейским» [52]. Сотенные суды действовали всегда совместно с членами местной ратуши,

Печать полковой канцелярии Киева. 1738 г.

а полковые — с местным магистратом. Поэтому они не вели отдельных актовых книг, а пользовались для записи своих решений книгами магистратскими или ратушными и нередко скрепляли свои решения «звыклою мескою» печатью. Об этом свидетельствуют сохранившиеся ратушные и магистратские книги Лубен, Стародуба, Переяслава, Сосницы, Полтавы, Нежина, Зенькова второй половины XVII и начала XVIII в.

Печать полкового правления Гадяча. 1738 г.

Но и сами полковые и сотенные печати своим происхождением нередко обязаны городским печатям. Примером может служить печать Стародубской полковой канцелярии, на которой изображен дуб; Сосницкой и Березнянской сотенных канцелярий — соответственно сосна и береза, т. е. сюжеты, аналогичные изображениям на их городских гербах. На отдельных печатях изображены предметы, имеющие непосредственное отношение к компетенции или специализации данного учреждения (так, судейский жезл на печати Генерального войскового судьи, киевского полкового судьи, нежинской судебной канцелярии, символы правосудия на печати Лубенского полкового суда и др.), отражающие наиболее характерную черту в экономике города (например, Меркуриев жезл на печати Нежинской полковой канцелярии). Нередко помещены изображения воина или святого (Киевская, Гадячская, Миргородская полковые канцелярии, Черниговский, Нежинский магистраты), зверей (медведя — Сосницкая сотенная канцелярия; льва — Пирятинская сотенная канцелярия), насекомых (пчелы — Сосницкая сотенная канцелярия).

Печать полкового правления Миргорода. 1754 г.

В сотенных канцеляриях сотники пользовались собственными печатями или выбирали их по своему усмотрению. Нередко сотники изображения старой городской печати и своей собственной объединяли. Так было, например, с печатью Березны. В 1767 г. березнянский

сотник Я. Сахновский заменил изображение на городской печати. Рисунок собственной печати, состоящий из скрещенных сабли и стрелы, звезд и полумесяца, объединил с рисунком печати городской сотенной канцелярии, на которой, как отмечалось, была изображена береза. Таким образом, новая городская печать в своем изображении стала иметь березу, за ней — крестообразно сложенные саблю и стрелу, а также звезды и два полумесяца. Такое же изображение было на гербе Березны, утвержденном в 1782 г.

Не всегда изображение городского герба полностью совпадало с изображением на печати. Иногда символы, помещенные на печати, лишь частично переходили в герб города. Порой же его рисунок не имел с печатью ничего общего. Это прежде всего относится к гербу и печати Глинска. Глинская ратуша имела свою «особливую» печать, отличавшуюся от городского герба, полученного во времена Речи Посполитой. На ней были изображены крест на щите, а под ним — маленький крестик. Вокруг него аббревиатурная надпись: «П. М. Г. Г.», т. е. «Печать меская города Глинска». Такое же изображение с прибавлением на щите луны и звезды имел в своем гербе глинский сотник М. Жуковский [53]. В то же время печать глинской сотенной канцелярии еще в 40-е годы XVIII в. имела иное изображение — башню с надписью «вежа», а вокруг башни буквы «П. П. С. Г.», т. е. «Печать правления сотенного глинского» [54]. Этой печатью нередко скрепляла документы и ратушная канцелярия. Только после 1782 г., когда был официально утвержден герб города с прежним изображением сердца с лежащими на нем крестообразно двумя стрелами, новая символика герба закрепилась на городской печати.

В годы правления Екатерины II усилилась централизаторская направленность в политике царского самодержавия, что нашло определенное отражение в атрибутике административного и военного ведомств Левобережной Украины. Так, в 1763 г. встал вопрос о переделке печати запорожского войска, на которой издавна, со времен Стефана Батория, была эмблема казака с ружьем и надписью вокруг: «Печать славного Войска Запорожского низового». Екатерина II приказала заменить на печати надпись, чтобы она стала подобна надписи, помещенной на малороссийской войсковой печати, долженствующей прямо указывать на принадлежность территории Российскому государству, а именно: «Печать войска ее императорского величества Запорожского низового» [55].

После ликвидации гетманского управления на Украине внутренними делами края руководила Малороссийская коллегия, и тогда встал вопрос о замене традиционной казацкой печати с эмблемой казака. Инициатором этого был генерал-губернатор Малороссии П. В. Румянцев-Задунайский, который в 1765 г. писал Екатерине II: «В Малороссийской коллегии иногда нужда бывает под титулом Вашего императорского величества давать универсалы и другие повеления, а печать употребляется и поныне запорожская». Генерал-губернатор считал, что в коллегии «печать бывшая казацкая вовсе не приличествует», и предложил сделать другую. Главной ее эмблемой должен был стать двуглавый орел, по бокам его — эмблемы пяти украинских княжеств. «Под нумером первым по всей Малой России двоеглавый черный орел в золотом поле, в грудиях вензелевое имя Вашего императорского величества имеющий; под нумером вторым, по княжению киевскому, серебряный ангел в голубом поле; под ну-

мером третьим, по переяславскому, серебряная башня в красном поле; под нумером четвертым, по стародубовскому, зеленый дуб в красном поле; под нумером пятым, по северскому, золотая стена в красном поле, под нумером шестым, по черниговскому, единоглавый орел в голубом поле» [56],— так описал Румянцев будущую печать.

Екатерина II дала указание Сенату рассмотреть предложение Румянцева. Сенат передал его Герольдмейстерской конторе, где рисунок печати был изготовлен, уточнен, государственный герб являлся главным изображением, а пять гербов украинских княжеств получили место «в приличных им полях» [57]. Этот рисунок печати был утвержден в 1766 г. В отказе от существовавшего ранее изображения на печати проявилась общая тенденция внутренней политики царизма, направленная на ограничение и постепенную ликвидацию особенностей административного и военного устройства окраинных территорий государства, в частности Левобережной Украины.

Административное управление городов являлось элементом политико-административной и правовой системы страны. Городское законодательство первых лет правления Екатерины II отражало возрастание роли города в общественной жизни империи. В наказе, данном комиссии по составлению проекта нового Уложения (1767), глава 17 посвящена городам Российского государства. В одном из ее пунктов, касающихся общего положения о городах, говорится: «Сколько ни есть разных положений городам, только в том они все вообще сходствуют, что им всем нужно иметь одинакий закон, который бы определил, что есть город» [58]. Комиссии необходимо было определить положение и значение каждого города в отдельности и, исходя из этого, рассмотреть, «какие выгоды которому роду городов без ущерба общей пользы иметь можно» [59].

Для решения этой и ряда других задач, касающихся городов, вновь встал вопрос о необходимости сбора подробных сведений о каждом из них. В результате работы комиссии по составлению нового Уложения в 1768 г. были составлены и разосланы городам анкеты для выяснения, «кто в оном почитается жителем, кто составляет общество того города и кому пользоваться выгодами по свойству естественного положения того места» [60].

Особое внимание правительства к истории городов отражено в пунктах анкеты, в которых запрашивались сведения о географическом положении города: «...сколь далеко земля того города простирается многами оной... выгонах или по хлебопашеству, сухие или болотные, равнина или гористая; на какой реке или при каком озере оная стоит и та река через какие места течет и в которые реки или озера впадает и по оной какими судами водяной ходе есть или быть может, а из озера какие куда реки истекают; в каком расстоянии от Москвы, Санктпетербурга, губернского, провинциального и других именной городок; есть ли город пограничный и в каком расстоянии от рубежа»; о времени его основания; «есть ли известия, когда и кем город построен»; о составе городского населения: «сколько мужского полу душ и купцов, и цеховых да и всяких разночинцев, показав поелику возможно каждого рода людей порознь, також сколько чужестранных купцов, художников и ремесленных людей»; об основном занятии населения, торговле, ярмарках, промыслах и ремеслах: «какие производятся в городе ремесла и рукоделия; чем заимствует город для своих нужд у других городов, и напротив, чем снабжает

оные от себя; в чем состоят торги главные и иные промыслы жителей городских; когда бывают годовые ярмонки и недельные торги и на каком основании, также бывают ли в уезде ярмонки, торги и во скольких местах; есть ли какой заграничный торг, куда и зачем; есть и какие именно фабрики и заводы; есть ли и сколько мельниц; есть ли городская рыбная ловля» [61] и т. д.

Городские власти должны были дать точный и обстоятельный ответ на вопросы, «не имеет ли город от государей жалованных грамот или привилегий или других каких особых учреждений и буде есть то сообщить точные сведения» и «имеет ли город особый герб городской, когда и кем пожалован» [62].

Многие левобережные города подробно ответили на вопросы анкеты. Так, из Погара в 1767 г. екатерининская комиссия получила такие сведения об истории одного из древнейших городов в Северской земле: «Город Погар имеет у себя жалованную на стародавнее магдебургское право и вольности мещанские против нежинских, черниговских и переяславских мещан грамоту... Погар имеет у себя особый герб Успения пресветые Богоматери, о чем доказательство у себя магистрат погарской держит; кем именно тот герб за королей польских пожалован, о том за древность годов знать не почем» [63].

В своем сообщении городские власти Погара привели описание не герба, а печати. Как известно, эмблемы на городских печатях и гербах часто имели совершенно различные сюжеты. Так было и в данном случае. На гербе же Погара еще со времен польско-шляхетского господства было изображение креста с четырехугольным камнем под ним. Эта эмблема в гербе города не менялась. Данных о причине появления религиозной символики на городской печати Погара обнаружить не удалось. Можно только предположить связь религиозного сюжета с тем, что именно в день Успения богоматери в течение многих лет начиналась самая крупная ежегодная ярмарка Погара.

Однако не все левобережные города могли дать исчерпывающие сведения о гербе города «за древность годов» и из-за отсутствия надлежащего порядка в городских канцеляриях.

Одновременно со сбором сведений о ранее сочиненных гербах Герольдмейстерская контора по распоряжению Военной коллегии занималась составлением гербовника для учрежденных в 1775 г. полков Российской империи. В это время контору возглавлял назначенный Сенатом на должность герольдмейстера князь М. Щербатов. Он является автором гербовника, в который вошли 35 рисунков и описаний гербов, предназначенных для знамен и «прочих полковых вещей» [64]. Среди них фигурировал герб, созданный для Украинского гусарского полка: «Щит разрезанный горизонтальною чертою; верхняя часть, содержащая треть щита, златая, на которой виден до половины выходящий императорский двоеглавый орел, увенчанный тремя обыкновенными златыми коронами. В нижней части на голубом поле видны златые клейноды прежде бывших начальников Украины, т. е.: златая булава и на златом древке с серебряным хвостом бунчук, представляя знаки власти над сею областью, и что все ныне под покровительством и властью Российской империи находятся» [65].

Как видим из описания герба Украинского гусарского полка, такое сочетание символов бывшей гетманской власти — бунчука, булавы (как известно, должность гетмана Левобережной Украины была

Карта Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств

упразднена в 1764 г.) — и возвышающейся над ними самодержавной эмблемы двуглавого орла становится характерным для символики земельных эмблем и еще раз подчеркивает главенствующую роль царя по отношению к этой области России.

М. Щербатов для сочинения гербов использовал также эмблемы, существовавшие ранее. В этих случаях он делал пометку типа: «Сей герб есть тот, который город употребляет». С пометкой: «Сей герб найден уже сделанный в Герольдмейстерской конторе» находим описание герба для Полтавского полка [66]. Он во многом повторяет герб Полтавы, составленный Ф. Санти и вошедший в гербовник Миниха 1730 г. Элементы герба «показывают бывшую битву близ сего города» и олицетворяют победу русских воинов над шведами в 1709 г.: «Наподобие андреевского креста разрезанный щит; в верхней части на червленом поле на крест же положенные два меча серебряные оправлены золотом; два поля боковые серебряные показывают бывшую битву близ сего города, в первом на зеленой земле изображен поставленный червленный стандарт с российским гербом, на древке натурального цвета, с копьем серебряным, изъявляющей одержаную победу. Во втором на зеленом же поле пальмовое же зеленое дерево, знаменующее надежду, приобретенную сею победою, и наконец в нижней части на голубом поле златый мурованый черным обелиск, на котором видна черная свернувшись кольцом змея, изъявляющая, что победа сия вечные памяти достойна» [67].

Некоторые из гербов, составленные Щербатовым, были использованы впоследствии для создания городских гербов *.

В начале 1776 г. гербы, вошедшие в гербовник Щербатова, были разосланы Военной коллегией в полки и батальоны для помещения на воинских знаменах и штандартах.

В 70—80-е годы XVIII в. проводится ряд правительственных мероприятий, связанных с подготовкой и осуществлением нового административного деления России. Предпринимаются попытки преобразовать городские управления, изменить функции магистратов, создать судебные палаты криминальных и гражданских дел, верхний земский суд, нижнюю и верхнюю расправы и т. д. на основе общероссийского Учреждения для управления губерниями (1775).

Царским указом от 1781 г. Левобережная Украина была разделена на три наместничества — Киевское, Черниговское и Новгород-Северское. Каждое из них делилось на 11 уездов. Киевское наместничество состояло из уездов: Киевского, Остерского, Козелецкого, Переяславского, Пирятинского, Лубенского, Миргородского, Хорольского, Голтвянского, Городищенского и Золотоношского [68]. Черниговское наместничество включало Черниговский, Городнянский, Березнянский, Борзнянский, Нежинский, Прилукский, Глинский, Роменский, Лохвицкий, Гадячский и Зеньковский уезды [69]. В состав Новгород-Северского наместничества входили Новгород-Северский, Стародубский **, Погарский **, Мглинский **, Глуховский, Кролевецкий, Коропский, Сосницкий, Конотопский, Новоместский ** и Суражский ** уезды [70]. В результате все эти украинские местечки, по

* Это, в частности, гербы слободских полков — Харьковского, Сумского, Изюмского и Ахтырского.

** В настоящее время города, отмеченные двумя «звездочками», входят в состав РСФСР.

которым названы уезды, должны были получить статус городов *. В указе, в частности, приказывалось генерал-губернатору Румянцеву-Задунайскому в 1782 г. «...исполнить по учреждениям нашим от 7 ноября 1775 г. в Новгород-Северском наместничестве, составя оное из одиннадцати уездов... вследствии чего местечки, по коим названы уезды, так как село Засуху под названием Новое Место, а и деревню Суражичи под названием Сураж на Ипути переименовать городами» [71].

Реформа областного и городского управления привела к массовому созданию гербов для всех городов России в качестве отличительного знака такой самостоятельной административно-территориальной единицы, каким являлся город.

В связи с проведением административно-территориального деления страны наместникам и губернаторам рекомендовалось составить топографическое описание вверенных им губерний. Собирались также материалы из истории имеющихся городских гербов. Эта задача возлагалась на уездных землемеров. Городским думам, магистратам, полиции поручалось, «...чтобы оные в немедленном времени учинили доставление, какие в каком городе имеются привилегии и высочайшие пожалованные грамоты» [72].

В 70—80-е годы XVIII в. в Герольдмейстерской конторе рисованием городских гербов занимались И. Шаврин и А. Шерстнев, в обязанность которых входило «делание по поводу учреждения наместничеств разным городам гербов» [73].

На Левобережной Украине гербы городов каждого наместничества утверждались на следующий год после его образования. К созданию гербов этого региона Герольдмейстерская контора отнеслась особенно внимательно: тщательно было проверено, имел ли город герб ранее, кем пожалован; если его раньше не было, обязательно запрашивались сведения о городе, на основании которых и составлялся новый герб [74].

В июне 1782 г. был издан указ Екатерины II о наделении гербами городов Черниговского наместничества: «...поелику они прежде были собраны и представлены с описанием их Сенату». Представленные на утверждение гербы городов получили резолюцию императрицы: «Быть по сему» [75].

В указе также говорилось: «В подчиненные места при указах приложив при оных в каждое присутственное место что у каждого города Черниговского наместничества принадлежит описание гербов оных городов» [76]. 11 городов Черниговского наместничества — Чернигов, Городня, Березна, Борзна, Нежин, Прилуки, Глинск, Ромны, Лохвица, Гадяч и Зеньков — получили гербы [77]. Все они, за исключением Нежина (о нем говорилось выше), были наделены своими гербами, утвержденными еще польским королевским правительством. К ним были сделаны только небольшие прибавления и внесены в них незначительные изменения в соответствии с геральдическими правилами.

Интерес вызывает герб Городни, в котором помещен как основной символ черный якорь. Его присутствие в гербе города, расположенного вдали от каких-либо водных путей, представляется необычным, и ему до сего времени не найдено удовлетворительного объяснения.

---

* В результате нового административного деления 1781 г. ряд левобережных украинских городов не вошел в состав указанных наместничеств.

Изображение якоря находилось на печати бывшей сотенной канцелярии еще до переименования местечка Городни в город. Учитывая то, что некоторые сотники, как отмечалось, произвольно пользовались своими собственными печатями или случайными, порой же, в меру своей фантазии, сами придумывали изображения для канцелярских печатей, возможно, эмблема якоря попала в герб Городни одним из таких путей.

Предположив, что изображение якоря появилось в гербе или на печати города еще в период польского господства, мы попытались найти разгадку этого символа в польских гербовниках. Примечательно, что совершенно аналогичное изображение якоря имеется в польском гербе Радзиц (Radzic), который, по мнению польских средневековых геральдистов, попал в Польшу из Германии в XIV в. и был пожалован лицу, отличившемуся в морской битве. Однако выводить происхождение городского герба Городни из этого польского герба пока нет никаких оснований.

Гербы Городни и Коропа. 1782 г.

В июне же 1782 г. были утверждены гербы и городам Новгород-Северского наместничества — Новгороду-Северскому, Стародубу, Погару, Мглину, Глухову, Кролевцу, Коропу, Соснице, Конотопу, Новому Месту, Суражу [78]. Некоторые из них получили новые гербы, символы которых отражали наиболее характерные особенности города. Так, гербы городов Коропа и Сосницы относятся к так называемым гласным гербам, эмблемы которых — рыба (карп) и растение (сосна) — образно передают информацию о тех или иных особенностях местной фауны и флоры, содержащихся в их названиях.

«Новоучиненный» город Новое Место получил герб с изображением шести золотых ульев, поставленных пирамидой один на другой, окруженных золотыми пчелами на зеленом поле, «означающие великое изобилие оными, от которых страна сия и набогащается» [79]. Сураж также получил герб с простыми и понятными символами, характерными для русской городской геральдики: «...куст созревшего конопля в золотом поле в знак изобилия сего растения, которым жители и производят торг» [80]. Старая печать Суража, наделенная городу вместе

с магдебургским правом в первой половине XVII в., имела иную, традиционную для городских гербов того времени символику — изображение городской стены с тремя башнями [81].

В июне 1782 г. были утверждены также гербы 11 городам Киевского наместничества — Киеву, Остру, Козельцу, Переяславу, Пирятину, Лубнам, Миргороду, Хоролу, Голтве, Городищу, Золотоноше [82].

Герб Киева сохранил изображение ангела, которое зафиксировано в польских гербовниках. Модификация герба заключалась в несколько измененном положении ангела. В прежнем изображении ангел был представлен держащим в правой руке опущенный вниз меч, а в ле-

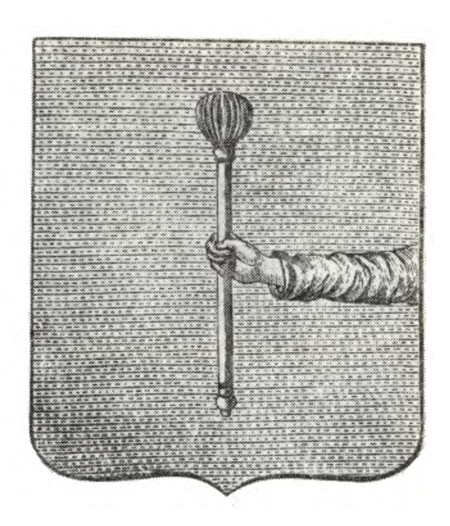

Гербы Сосницы и Нового Места. 1782 г.

вой — ножны. В новом гербе он стоит с поднятым «пламенеющим», или «пламенным», мечом и овальным щитом, облаченный в древние доспехи [83]. В описании киевского герба ангел, изображенный со щитом, назван уже архангелом, или архистратигом, Михаилом [84]. Возможно, при «приведении в систему» городских и областных эмблем и гербов старое истолкование киевского герба на новое, «архангела Михаила», было сделано герольдмейстерами произвольно. Скорей всего, однако, подобная конкретизация древней киевской эмблемы ангела в архангела Михаила была осуществлена под давлением церковников-клерикалов и должна была служить символом победы христианства над древнерусской языческой верой — «посланием дьявола». Поскольку, по церковному учению, дьявола победил именно Михаил, он и стал покровителем Киева — города, в котором впервые в 988 г. было принято христианство.

Трактовка изображения архангела Михаила на киевском гербе как «знамение» победы христианства над язычеством было одобрено церковными деятелями, которые прилагали много усилий, чтобы обосновать и доказать древность этой религиозной эмблемы.

Впоследствии, по мере укрепления позиций православной церкви, культ архангела Михаила получил широкое распространение по всей Украине. В его честь стали называть монастыри, воздвигать церкви, с его изображением писать иконы. Образ архангела Михаила встречался на некоторых казацких знаменах, гетманских хоругвях и т. д.

Гербы Суража и Лубен. 1782 г.

Эта церковная эмблема в различных композициях вошла как составная часть в гербы некоторых городов Левобережья (Гадяча, Кролевца) и Правобережья (Канева, Чигирина, Таращи, Овруча, Звенигородки).

Большинство городов Киевского наместничества также получили свои старые гербы с прежними эмблемами. Исключение составлял герб Лубен с изображением руки, держащей золотую булаву. Эта символика совсем отлична от прежней — руки, держащей обнаженный кинжал, под которой нарисована отрубленная медвежья голова.

Особый интерес представляют гербы Хорола, Голтвы и Городища. Эмблемы, составляющие их,— это в основном предметы вооружения, к тому же композиционно почти не отличающиеся друг от друга. Для сравнения приведем описание гербов Хорола и Голтвы: «В красном поле крестообразно положенные золотая сабля и стрела острыми концами вниз» [85] (Хорол); «В красном поле положенные крестообразно серебряная сабля и стрела острыми концами вверх» [86] (Голтва). Герб Городища отличается от вышеназванных цветом поля (голубой), стрела на нем заменена ключом и добавлена звезда [87].

Со времени официального утверждения гербов символ города должен был фигурировать на всех документах, исходящих из городских канцелярий. Согласно генеральному регламенту на основе утвержденных гербов необходимо было изготовить печати для наместнических правлений, городских магистратов, уездных и нижних земских судов, дворянской опеки и т. д.[88]

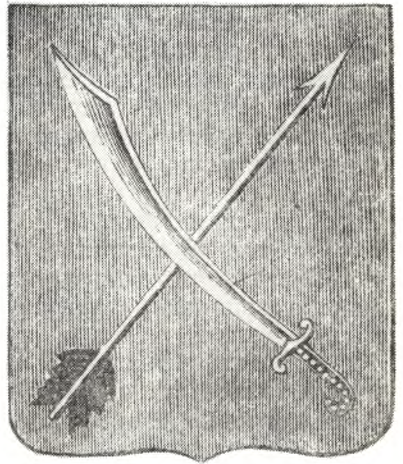
Сохранился контракт, заключенный Черниговским наместническим управлением и варшавскими «печатными мастерами», по которому мастера обязались «...в оном наместническом правлении для присутственных Черниговского наместничества губернских и уездных мест вырезать печатей. А именно: в наместническое правление две, в приказ общественного призрения одну, в верхний земский суд две, в верхнюю расправу две, в губернский магистрат две, в уездные суды 11, в дворянские опеки 11, в городничества — 11, в нижние расправы 6, в нижние земские суды 11. Да особо того губернских

больших граничных две, да уездных больших граничных 10. Всего 71» [89].

В январе 1783 г. граф А. Милорадович из Черниговского управления сообщил генерал-губернатору Румянцеву, что с полученных гербов уже скопированы рисунки и сделаны печати. «В губернские и уездные некоторые присутственные места, также и межевые граничные по сделании разосланы, а по окончании работ и в прочие уездные присутственные места в непродолжительном времени отправлены будут» [90].

Гербы украинских городов, составленные Герольдмейстерской конторой и утвержденные централизованным порядком в 1782 г., по своему содержанию были более простыми и конкретными, чем жалованные польскими королями. В них вносились предметы, характеризующие географическое положение города, особенности природных условий, экономики, быта. Нередко в этих гербах помещались атрибуты или продукты труда. Однако иногда герботворчество того периода носило отпечаток некоторой формальности, что можно объяснить вынужденной спешкой и массовостью изготовления гербов, а также отсутствием необходимых данных для характеристики отдельных городов. Герольдмейстеру екатерининских времен Волкову приходилось проявлять необычайную фантазию, чтобы подобрать характерные символы. Он пытался находить, но не всегда это ему удавалось, материал для своей работы в названии города. (Действительно, наиболее часто сочинители гербов черпали материал для своих творений из названий местности.) Поэтому в гербах некоторых украинских городов наблюдается чисто внешнее, поверхностное осмысление их названий, выраженное в виде символов, которые не всегда в достаточной мере или же совсем не отражали наиболее характерные черты городов. Примером могут служить гербы украинских городов Березны, на котором изображена береза, Сос-

Гербы Хорола, Голтвы и Городища. 1782 г.

ницы — сосна, Коропа — рыба. Создатели этих гербов, очевидно, руководствовались соображениями, носящими бытовой оттенок, что нередко приводило к выбору неконкретного символа.

В 1785 г. была издана «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», в которой, в частности, указывалось «каждому городу иметь герб, утвержденный рукою императорского величества, и оный герб употреблять во всех городовых делах» [91]. Герб становится обязательным атрибутом каждого города. Его изображают в красках, на специальной жалованной грамоте, которая выдается городу. Городским гербам все больше уделяется внимания. Составляются отдельные о них гербовники, пишутся научные статьи, ведутся исследования *.

Герб должен был помещаться на печатях присутственных мест, городских канцелярий и магистратов, уездных и земских судов. Герб города продолжал фигурировать на воинских знаменах. Правило помещать городской герб на полковом знамени было узаконено еще в петровские времена. В последующие десятилетия был издан ряд законов, устанавливавших определенный цвет, размер, форму знамени и изображение на нем. В 1763 г. военная комиссия предложила установить для полевых пехотных полков разноцветные знамена: «...по причине той, что прежде полковым знаменам непременных цветов не было, необходимо было положить знаменам особые цвета по дивизиям для различия одной от другой». Киевский полк получил зеленое знамя с красным наугольником, Черниговский — синее с красным наугольником [92].

Украинский корпус должен был иметь, кроме обязательного белого знамени с государственным гербом, также красное знамя с белыми наугольниками, «какими цветами во всех оных полковым знаменам быть, а притом с такими гербами, какие оные полки имеют» [93]. Для гарнизонных батальонов Украинского корпуса были установлены зеленые знамена с черными наугольниками и «с гербами того города, в которых те батальоны комиссией полагаются» [94].

В 1775 г. в результате полковой реформы Севская дивизия была объединена с Украинской, а цвета знамен в ней стали разными. Чтобы унифицировать цветовую символику во вновь созданной дивизии, Военная комиссия в 1780 г. обратилась к императрице с предложением установить одинаковые знамена в полевых пехотных полках: «...на одной стороне с двоеглавым орлом, а на другой — с вензелем императорского имени. На середине орла с накладным щитом поместить герб того города или провинции, имя которой носит полк» [95].

В последней четверти XVIII в. постепенно сокращается использование городских гербов военным ведомством, а с 1780 г. практически прекращается создание новых городских гербов для полковых знамен. Вместо них на воинских знаменах помещается вензель императорского имени или московский герб — всадник, поражающий змия.

Политика царского правительства по отношению к городам была направлена на дальнейшее ограничение их автономии, самоуправления. Начиная с 1785 г. городские магистраты некоторых небольших

---

* В музейном собрании рукописного отдела Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится иллюстрированный «Гербовник державы Российской и уездов, в ней содержимых», составленный в последней четверти XVIII в. (ф. 616, на 274 с.).

украинских городов заменяются ратушными. Ограничиваются функции ратушного правления. По жалованной грамоте городам 1785 г. ратуши стали выполнять только судебные функции, административные же были переданы думам.

В годы правления Павла I происходят новые изменения в административно-территориальном устройстве Левобережной Украины. Царским указом от декабря 1796 г. из Черниговского, Новгород-Северского, большей части Киевского * и Новороссийского наместничеств была создана одна Малороссийская губерния. В нее входили 20 уездов: Полтавский, Зеньковский, Кременчугский, Хорольский, Гадячский, Роменский, Лубенский, Золотоношский, Переяславский, Пирятинский, Прилукский, Козелецкий, Нежинский, Черниговский, Сосницкий, Конотопский, Глуховский, Новгород-Северский, Стародубский, Мглинский [96]. Центром Малороссийской губернии стал Чернигов. Часть украинских городов, находившихся на территории, не вошедшей в состав губернии, была приписана к другим уездам. Это так называемые упраздненные города: Лохвица, Глинск, Березна, Борзна, Городня, Короп, Кролевец, Новое Место, Сураж, Остер, Миргород.

В 1798 г. был издан указ правительствующего Сената об учреждении в упраздненных городах магистратов и ратуш [97]. Таким образом, в Миргороде была учреждена ратуша, в остальных названных упраздненных городах — магистраты [98].

К этому времени почти все уездные города Левобережья имели свои гербы. Они постоянно фигурировали в многочисленных географических и топографических описаниях наместничеств и губерний России, в которых, как правило, сообщалось о гербах, пожалованных городам в ходе областной реформы. Герб города постоянно упоминался в печатных изданиях, посвященных истории того или иного города, в специальных работах исторического характера, в географических справочниках и т. д.

Обязательность наличия герба у каждого города заставляла губернские и городские власти обращаться в Герольдмейстерскую контору с просьбой создать недостающие гербы. Так, губернские власти обратились с просьбой создать герб для Кременчуга. Герольдмейстерская контора выполнила заказ. В апреле 1798 г. был утвержден кременчугский герб с простой и выразительной символикой, иллюстрирующей географическое положение города: «...в голубом поле серебряная полоса, означающая реку Днепр, протекающую через сей город» [99]. Днепр играл важную экономическую роль в жизни города. Повышение его экономического и торгового значения, расположенного на водном днепровском пути, было отражено в его гербе.

Кроме сочинения гербов для новых городов Герольдмейстерская контора производила новую компоновку изображений на гербах уездных городов. В верхней половине щита стал изображаться герб губернского города, в нижней — эмблема самого города.

В годы правления Павла I был издан целый ряд указов, направленных на укрепление абсолютистской монархии, усиление централизации и бюрократизации государственного аппарата. Дальнейшее

---

* В связи с тем что Правобережная Украина была воссоединена с Россией, Киев стал центром новообразовавшейся Киевской губернии, расположенной на Правобережье.

развитие самодержавия нашло отражение в различных проявлениях, в том числе в изменениях государственного герба. С этой целью Павел I приказал переделать государственный герб: поместить на грудь двуглавого орла мальтийский крест [100] (в 1799 г. Павел I принял титул великого магистра Ордена святого Иоанна Иерусалимского). Этим новым гербом должны были пользоваться в городских канцеляриях и других присутственных местах вместо прежних городских [101].

В августе 1799 г. во все губернские правления России был разослан царский указ, в котором приказывалось новый государственный герб «вместо нынешних поставить во всех тех местах, где должно», изображать его «и на печатях (городских), кои сообразно сему и переделать» [102]. Выполняя царский указ, Сенат разослал изображение нового российского герба во все губернские правления и присутственные места. Малороссийское губернское правление дало указание переделать в соответствии с приложенным рисунком печать правления, размножить и разослать в губернскую казенную палату, Генеральный суд, Приказ общественного призрения, Дворянское собрание, уездным маршалам, городничим, в уездные земские, подкоморские и нижние суды, казначеям, в городские магистраты, ратуши и городские думы [103].

Герб Кременчуга. 1798 г.

В декабре того же года Малороссийское губернское правление разослало в городские думы и присутственные места еще одно распоряжение о замене старых городских печатей на печати с изображением российского императорского герба: «...видя из входящих от поветовых присутственных мест и городничих бумаг, что оные запечатываются старыми печатями с изображениями на них городских гербов», правление приказало «незамедлительно для всех поветовых присутственных мест и городничих сделать печати по новому образцу» [104].

Однако, несмотря на неоднократные строгие распоряжения о замене изображений на печатях, губернские и уездные канцелярии продолжали пользоваться печатями с городскими гербами. Так, на документах Черниговской казенной палаты спустя много времени после того, как приказ вошел в силу, встречались оттиски печатей с изображениями городского герба — одноглавого орла [105].

В 1800 г. Герольдмейстерская контора была переименована в Герольдию. На протяжении первой половины XIX в. Герольдия занималась преимущественно ведением дел о дворянстве, сочинением дворянских гербов. Эта целенаправленная деятельность Герольдии объяснялась возросшей ролью дворянства, его удельного веса в жизни Российского государства.

Следующим шагом в укреплении самодержавия, единоначалия и централизации управления государством явился указ Павла I от

августа 1800 г. о составлении общего гербовника городов Российской империи [106]. В нем, в частности, говорилось, чтобы вместо предложенных к выдаче городам грамот составить городской гербовник. Подлинник его должен храниться в Сенате, «городам же каждому выдавая копии их за надлежащею скрепою со взносом за каждую по 100 рублей» [107].

По мнению Н. А. Соболевой, составление гербовника преследовало одну цель — уничтожить даже мысль о самостоятельности города, которую последнему давала жалованная грамота, и герб как символ этой самостоятельности. Только по воле монарха, считает исследователь, город мог теперь иметь те или иные привилегии [108]. Не отрицая этого безусловно верного положения, следует однако добавить, что составление гербовника было вызвано также практической необходимостью иметь в наличии рисунок каждого городского герба. В Герольдию нередко обращались различные ведомства с просьбой прислать рисунки городских и провинциальных гербов. Особенно много запросов поступало с мест из-за необходимости делать с этих гербов печати для городских канцелярий, гарнизонов и т. д.

Печать губернского правления Чернигова. 1861 г.

В Герольдии оттиски, рисунки и копии этих гербов почему-то не сохранялись. По установленному правилу сразу же после изготовления очередного герба и его утверждения жалованная грамота с красочным рисунком герба и его описанием выдавалась городу. Копия герба должна была передаваться в сенатский архив. Однако это правило не всегда соблюдалось, и нередко в Герольдии и в архиве Сената нельзя было найти рисунки уже созданных и отосланных в города гербов. Для того чтобы всегда иметь в наличии образцы всех городских гербов, очередной указ от июня 1801 г. предписывал Герольдии приостановить рассылку по городам гербов, а вместо них приступить к изготовлению и выдаче городам грамот, «не останавливая между тем и сочинения из всех городов общего городского гербовника для хранения оного в Сенате» [109].

Герольдии приписывалось также собрать воедино изображения всех городских гербов, ранее составленных, чтобы, в случае обращения к ней за справками присутственных мест, она могла дать удовлетворительный ответ. С этой целью было дано указание всем дворянским собраниям «точные копии ныне употребляемых гербов дабы были доставлены в Герольдию» [110].

Было дано также распоряжение доставить в Герольдию вместе с описаниями рисунки гербов городов Левобережной Украины, «которые ныне употребляются на печатях присутственных мест или в других случаях для распоряжений об утверждении их установленным порядком» [111].

Из-за бюрократизма местных губернских канцелярий не все губернские дворянские собрания Левобережной Украины дали исчерпывающие сведения о наличии существующих городских гербов. В частности, из Полтавской губернии было получено сообщение, что «за неимением в оном собрании гербов и описаний их кроме некоторых оттисков тех гербов на грамотах, дворянское собрание отнеслось до составления оных в Полтавское губернское правление, и что по получении из сего правления... немедленно доставит (их.— *В. Р.)* в Герольдию» [112]. Такой же ответ был получен из Киевского дворянского собрания [113]. Только Черниговское дворянское собрание «во исполнение указа Герольдии» сняло и представило копии 15 гербов
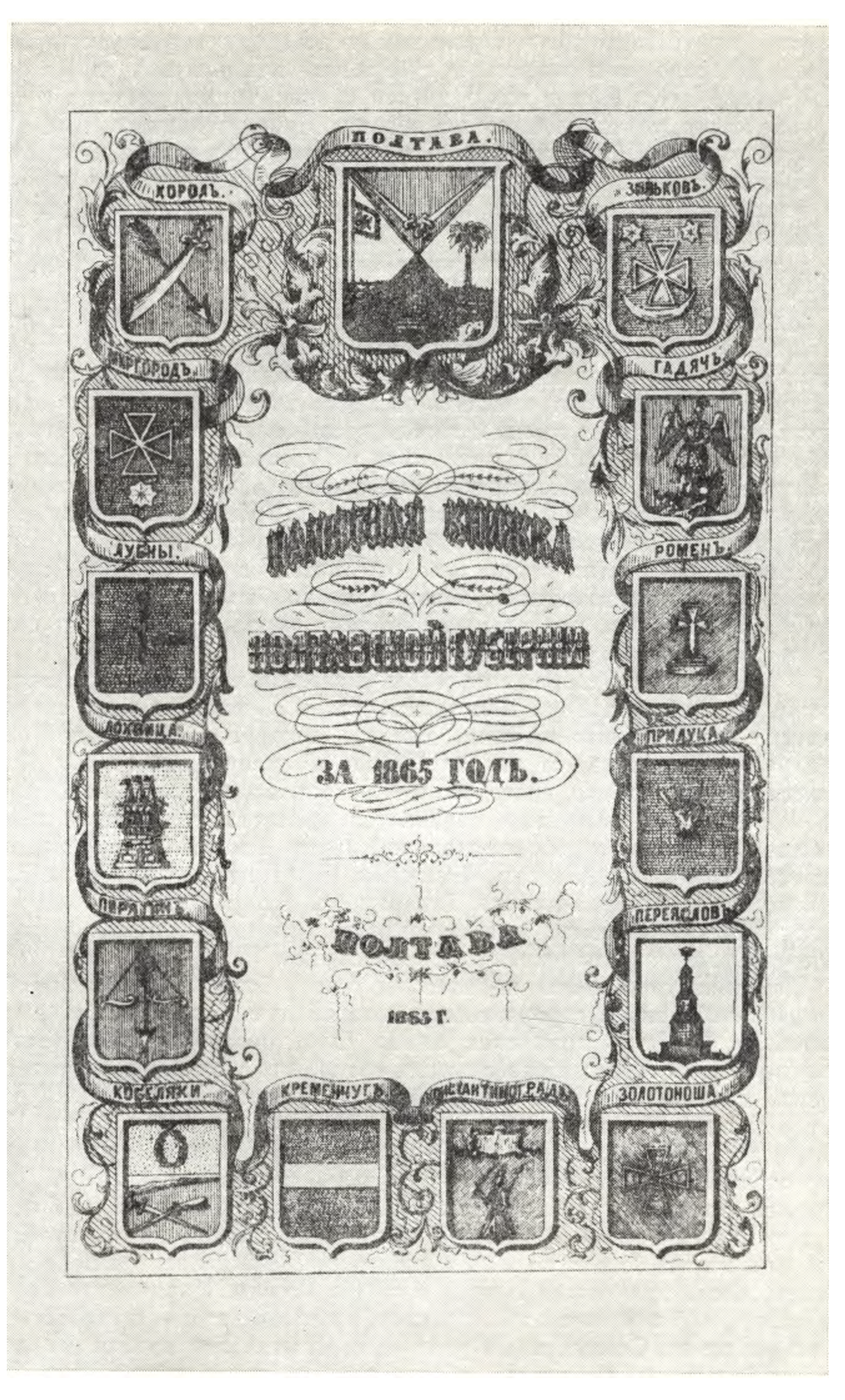

Гербы Константинограда и Кобеляк. 1842 г.

«как губернского, так и всех уездных городов с описаниями оных», утвержденные в июне 1782 г. При этом оно высказывало сомнение в отношении времени утверждения герба для одного из уездных городов Черниговской губернии — Новозыбкова [114], превратившегося в течение XVIII в. из слободы Зыбкой в значительный промышленный центр.

В результате административно-территориального деления Левобережной Украины 1796 г. Полтава вновь вошла в состав Малороссийской губернии как уездный город. В мае 1803 г. был официально утвержден герб города с уже известными эмблемами, знаменующими Полтавскую битву 1709 г. и фигурирующими на воинском знамени Полтавского полка с 1730 г. Старый герб Полтавы получил лишь юридическое подтверждение.

В первой четверти XIX в. создание городских гербов проходило децентрализованно. Ответственность за представление к утверждению городских гербов несло статистическое отделение Министерства внутренних дел. К нему обращались за справками о городских гербах. В его обязанности входило также давать Герольдии рекомендации по составлению последних, их учету и контролю.

С 40-х годов XIX в. наблюдается оживление деятельности Мини-

ПОЛТАВА.

ХОРОЛЪ. ЗЕНЬКОВЪ.

МИРГОРОДЪ. ГАДЯЧЪ.

ЛУБНЫ. РОМЕНЪ.

ЛОХВИЦА. ПРИЛУКА.

ПИРЯТИНЪ. ПЕРЕЯСЛАВЪ.

КОБЕЛЯКИ. КРЕМЕНЧУГЪ. КОНСТАНТИНОГРАДЪ. ЗОЛОТОНОША.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

ЗА 1865 ГОДЪ.

ПОЛТАВА

1865 Г.

Титульный лист «Памятной книжки Полтавской губернии за 1865 г.»

стерства внутренних дел и Герольдии по созданию городских гербов. Герольдия разослала запросы в губернские канцелярии, «дабы они немедленно доставили в оную вместе с описаниями рисунки с тех гербов, какие употребляются на печатях присутственных мест или в других случаях. Буде же города те вовсе никаких гербов не имеют, то сочинили бы и доставили в Герольдию новые рисунки гербов, на основании исторических о каждом городе воспоминаний и других каких-либо местных сведений» [115]. Был составлен подробный реестр всех городов Российской империи с тем, чтобы выяснить, какие из них еще не имели гербов [116].

Министерство внутренних дел из-за недостатка сведений, поступавших из городов, было заинтересовано в том, чтобы проекты городских гербов создавали местные власти. С этой целью оно предлагало губернскому начальству сочинять на месте проекты гербов «на основании исторических о каждом городе воспоминаний и других каких-либо местных сведений» и присылать в Герольдию [117]. Так, Полтавскому губернатору неоднократно напоминалось о необходимости составить гербы городов Константинограда и Кобеляк, находившихся на территории вверенной ему губернии. В свое оправдание губернатор писал, что в этих городах не отыскивается каких-либо фактов и дел, достойных внимания, которые могли бы лечь в основу гербов [118]. Не получив проектов гербов этих городов, Герольдия сама приступила к их изготовлению.

В 1842 г. были утверждены гербы украинских городов Константинограда и Кобеляк. Герб Константинограда состоял из двух частей: наверху изображалась крепость, внизу — татарин с обнаженной саблей. В царском указе от апреля 1842 г. об утверждении герба Константинограда дается своеобразное историческое толкование этой эмблемы: «В верхнем поле означается крепость, служившая центральною защитою по оборонительной линии России от стороны кочующих татар, называемая Белевскою и устроенная в 1731 г. под руководством генерал-майора Тараканова, в царствование императрицы Анны Иоановны; в нижнем поле означается нация народа, существовавшего в то время в виде татарина» [119].

Действительно, своим появлением город обязан Украинской оборонительной линии, строительство которой началось в 1731 и закончилось в 1736 г. Украинская линия была построена для защиты государства от нападения крымских татар, для укрепления стратегических позиций России в этом районе [120]. Протяженность ее 400 км; через каждые 15 верст находились земляные крепости (всех 17). Среди них Белевская крепость — грандиозное земляное сооружение, окруженное рвом глубиной в 2—3 м, валом высотой от 4 до 7 м. Длительное время эта крепость являлась опорным пунктом в борьбе с турецко-татарской агрессией. Линейные поселения и слободы сыграли также большую роль в экономической жизни края. Со временем, после включения Крыма в состав России, Украинская линия утратила свой пограничный характер, а следовательно, и стратегическое значение. Специальный указ предписывал эти пункты «крепостями больше не почитать... обращая их во внутренние города или посады» [121]. Из поселения Белевской крепости вырос торговый город — Константиноград (современный Красноград). Поэтому помещение плана Белевской крепости с оборонной линией в гербе города закономерно и исторически легко объяснимо.

Важная для всего государства военная победа над шведами в ходе Северной войны, состоявшаяся вскоре после Полтавской битвы, нашла символическое воплощение при создании герба города Кобеляк. Щит герба разделен на две части: верхняя — золотая, нижняя — красная. В первой — лавровый венок, во второй — текущая река и внизу крестообразно лежащие меч и ружье. Изображение лаврового венка и сложенных накрест меча и ружья символизируют окончательное поражение шведских войск около Кобеляк, вблизи от Переволочнянской крепости. 30 июня 1709 г., после поражения под Полтавой, шведский король Карл XII, получивший в бою тяжелое ранение, с остатками своего войска прибыл к берегу Днепра недалеко от местечка Переволочная. Шведы уже не помышляли о битве. Отсутствие средств переправы задержало их. В это время к Переволочной подошли русские войска, преследовавшие шведов. Русских было несравненно меньше. Однако деморализованная шведская армия, дух которой был сломлен после Полтавского сражения, была уже не способна к сопротивлению и после переговоров капитулировала; 16 тыс. шведских солдат и офицеров сложили оружие перед русским войском. Этот военный сюжет и отражен в символических образах в гербе города Кобеляк.

В 40-х годах XIX в. вновь был поднят вопрос о составлении «Общего гербовника городов Российской империи». С этой целью было поручено художникам, работавшим в Герольдии, снять копии с рисунков гербов, хранящихся в архиве. «Работу эту надо проводить так... чтобы гербы каждой губернии составляли особый отдел, самые же рисунки гербов отделывать сколь возможно изящнее, на пергаменте с приличными украшениями... ставя над каждым гербом корону императорскую или княжескую, смотря где сие последние находятся» [122].

Однако децентрализация создания городских гербов в середине XIX в. привела к тому, что в архиве Герольдии не сохранились копии всех гербов городов Российской империи, в том числе левобережных. Поэтому во все губернские правления и дворянские собрания вновь были посланы письма с требованием «доставить в Герольдию копии с гербов вместе с описаниями» [123].

Вскоре в Герольдию стали поступать сведения с мест, в которых далеко не всегда имелись исчерпывающие данные о вверенных на их попечение городских гербах. Так, из Киевского губернского правления и депутатского собрания сообщалось, что, несмотря на поиски гербов в полиции, думах, магистратах и ратушах, их «описания и рисунков в делах не оказывается», кроме документов на гербы двух правобережных городов — Звенигородки и Чигирина [124]. И это при том, что гербы постоянно фигурировали на печатях присутственных мест, широко использовались в делопроизводстве городских канцелярий. Кроме того, при массовом создании и раздаче городских гербов в 1782 г. все они с рисунками и описаниями были опубликованы в 21-ом томе Полного собрания законов Российской империи, изданном в 1830 г.

Тем не менее местные власти стали собирать сведения. В результате оказалось, что «уездные и городовые присутственные места, выполняя указ Павла I от 1799 г., перестали пользоваться своими старыми городскими печатями, а имели большею частью печати с изображением государственного герба» [125].

Герб Киевской губернии. 1856 г.

В 1848 г. Герольдия была преобразована в Департамент герольдии Сената. При нем стало действовать Гербовое отделение, в обязанности которого входило составление и изготовление гербов, в том числе городских. Одновременно с работой по созданию гербовника начинается разработка правил составления и художественного оформления территориальных гербов.

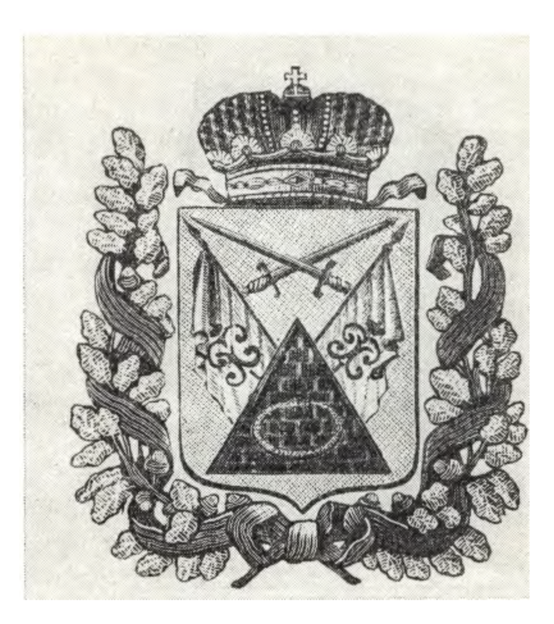
В 1850 г. по распоряжению министра юстиции было предложено Г. Бернгарди составить геральдический кодекс для руководства Департамента герольдии [126]. Для этой цели были собраны все имеющиеся материалы по геральдике, в том числе переведенное на русский язык сочинение профессора Геттингенского университета Гаттерера. Вскоре Бернгарди подготовил правила из двух частей и нескольких книг, которые во многом были заимствованы из правил западноевропейской геральдики [127].

В 1853 г. герольдмейстер И. Д. Булычев сообщил, что он сам занимается сочинением «Руководства геральдии». В то же приблизительно время статский советник Ленц, состоявший при Департаменте герольдии, представил свою статью «О главных правилах геральдики», в которой, между прочим, указывал, что русские гербы вообще требовали пересмотра [128]. В инструкции для составления гербов, разработанной для Департамента герольдии, в частности, говорилось, что «т. к. геральдика — наука средневековая и эмблематическая, то геральдические фигуры следует изображать в соответствующей средневековой форме и вследствие сего фигуры классической древности и мифологические, а также

Герб Черниговской губернии. 1856 г.

новейших времен, например, локомотивы, пароходы и новейшие орудия не должны быть допускаемы в гербах» [129].

Герб Полтавской губернии. 1878 г.

Недостатки в уже имевшихся гербах, повторение этих ошибок во вновь создаваемых гербах, некоторые отступления от геральдических правил, и прежде всего отсутствие, особенно в старых гербах, единых монархических атрибутов, которые бы отражали основные принципы внутренней правительственной политики,— все это привело к тому, что к середине XIX в. остро встал вопрос о переделке и унификации всех городских гербов Российской империи.

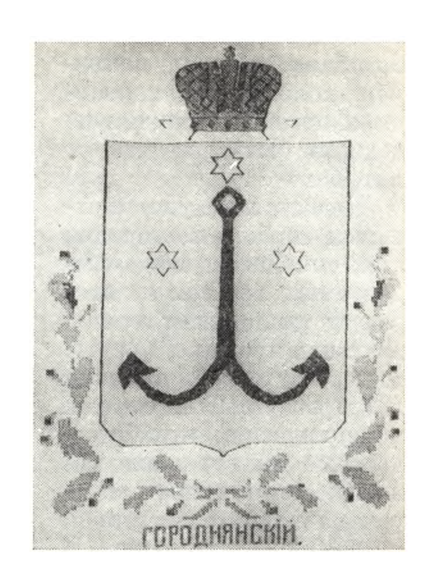
В 1851 г. в Департамент герольдии Сената поступил императорский указ «принять на будущее время за правило на гербах губерний, областей и губернских городов изображать всегда императорскую корону, на гербах же городов уездных оставить городскую корону» [130].

В 1856 г. Александр II поручил барону Б. В. Кёне, возглавлявшему в то время Департамент герольдии, пересмотреть губернские и местные гербы и предоставить проектные рисунки тем из них, которые нуждаются в исправлении [131]. Выполняя указания царя, Кёне в 1857 г. пересмотрел все имеющиеся гербы городов Российской империи и подверг композиционной, художественной и идейной переделке целый ряд гербов городов, в том числе украинских. Исполнителем вновь нарисованных гербов был художник Фадеев [132].

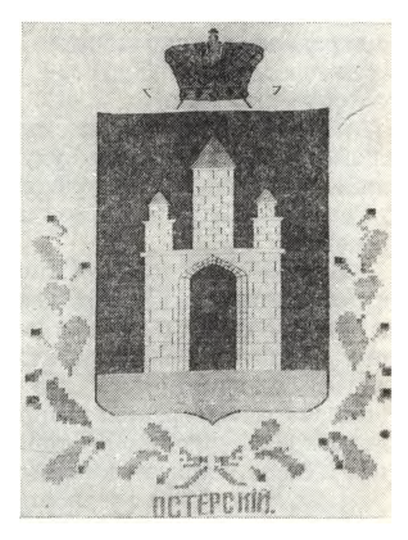
При Кёне была разработана целая система украшений городских гербов, по которым можно было определить политическое, экономическое и административное значение города, его статус. Императорская корона венчала гербы губернских городов, древняя царская корона — уездных и областных, шапка Мономаха — древних русских городов, бывших в свое время центрами удельных княжеств (Киева, Чернигова, Стародуба). Обыкновенная башенная (городская) корона с пятью зубцами должна была украшать гербы крупных городов, насчитывавших более пятидесяти тысяч жителей [133] (Полтава, Кременчуг).

Были также унифицированы украшения вокруг щитов — дубовые листья, Александровская, Андреевская, Георгиевская ленты, знамена и т. д. В украшениях гербов промышленных городов должны были присутствовать золотые молотки; приморских — весла; крепостей — знамена; города, занимавшиеся горными промыслами, имели в окружности своих гербов серебряные кирки; виноделием — виноградные лозы; земледелием — золотые хлебные колосья и т. д. Обязательным

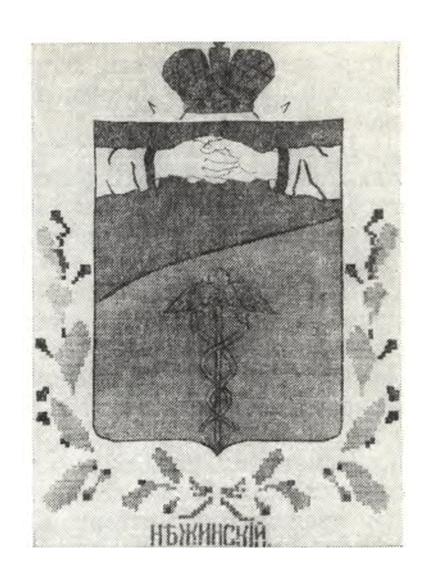
Гербы губернского города Чернигова и уездных — Городни, Кролевца, Остра — Черниговской губернии на хоругвях. 1908 г.

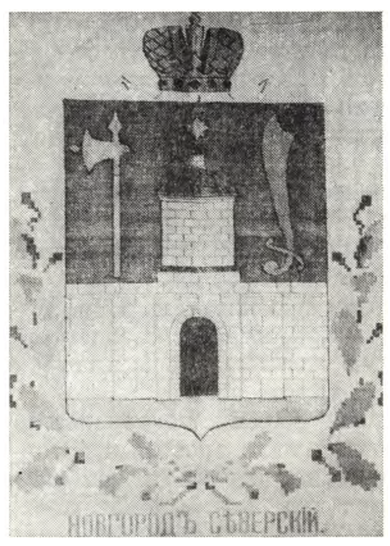
становится внесение в уездный герб изображения герба губернского города [134], а в «вольной» части герба губернского города — помещение герба самой губернии [135].

В декабре 1856 г. были утверждены гербы Киевской и Черниговской губерний с изображениями, аналогичными на их городских гербах,— архангелом Михаилом и черным коронованным орлом. Щиты этих губернских гербов, по распоряжению Кёне, были увенчаны императорской короной и окружены дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой [136].

В гербе Полтавской губернии Кёне убрал деления щита, как это было в городском гербе, и соединил главные эмблемы в одном поле щита; украсил золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреев-

Гербы уездных городов Конотопа, Нежина, Новгорода-Северского, Новозыбкова Черниговской губернии на хоругвях. 1908 г.

ской лентой, а во главе щита поместил положенные накрест червленые мечи [137]. В новой редакции герб был утвержден в июле 1878 г.[138]

Незначительных изменений согласно новым геральдическим правилам претерпели гербы Новгорода-Северского, Остра, Сосницы, Конотопа, Березны, Стародуба, Городни, Погара, Коропа, Миргорода, Зенькова, Золотоноши, Переяслава, Нового Места, Глинска [139].

Эмблемы гербов Борзны и Конотопа, по мнению Кёне, «изображают победу христиан над магометанами» [140]. Поэтому он предложил поместить в обоих гербах опрокинутый полумесяц.

При пересмотре герба Глухова, утвержденного в 1782 г., Кёне посчитал, что войсковая печать в нем ошибочно названа постаментом. Но так как по правилам геральдики печати не изображаются

в гербах, он предложил составить герб Глухова из Российского штандарта и эмблем — казаков и татар «в знак покровительства России над ними» [141].

В гербе Суража было предложено убрать куст созревшей конопли, так как «в гербах растения не изображаются», а в нежинском гербе — меркуриев жезл; вместо них в обоих гербах поместить золотые византийские монеты, «служащие эмблемой богатства и торговли» [142].

В гербе Кобеляк Кёне посчитал нужным убрать ружье, так как «оно не принадлежит к числу геральдических фигур... но, сохраняя мысль, выраженную в составлении герба в 1842 г.», предложил «изобразить в оном, в воспоминание победы над шведским генералом Левенгауптом, два накрест положенных меча и над ними лавровый венок» [143].

Изменения, внесенные в герб Ромен, исказили действительное содержание эмблемы, символизирующей могильный крест, что связано непосредственно с историей города. «Так как означенный герб напоминает надгробный памятник, то полагаю изобразить в гербе крест и ступени отдельно» [144],— писал Кёне.

Герб уездного города Новозыбкова Черниговской губернии сохранился без изменений. На нем изображены положенные накрест снопы пшеницы и меркуриев жезл — символ торговли. Простая и понятная символика герба отражает основное занятие жителей города и уезда — торговлю продуктами сельского хозяйства — пшеницей, а также льном, коноплей, пенькой.

Введение в городских эмблемах различных религиозных сюжетов, системы корон, символов царской власти было направлено на возвеличивание и прославление монархии, царизма с помощью такого массового наглядного идеологического средства, как герб.

В октябре 1857 г. Александр II утвердил проекты гербов губернских, уездных и приморских городов и крепостей, составленные коллежским советником Кёне, «с той лишь отменою, чтобы в гербах городов приморских был употреблен якорь вместо весел» [145].

Поправки и изменения, внесенные в гербы украинских городов по «строгим правилам геральдики», нередко искажали простой и доходчивый смысл символики гербов, призванных отражать наиболее характерные черты города. Нагромождения украшений, корон, лент, листьев, колосьев и т. д., введенные Кёне, создавали трудность единого восприятия эмблемы, сложности при ее расшифровке.

Ко времени деятельности барона Кёне относится составление эмблематического сборника губернских и областных гербов, в который вошли гербы украинских городов. Городские гербы в сборнике расположены по тематике их изображений: архитектурные сооружения, предметы вооружения, атрибуты, свидетельствующие о местной фауне, флоре и т. д.[146]

В 1882 г. для составления гербов было разработано новое руководство, утвержденное Александром III. Оно должно было служить основанием при составлении дворянских гербов и «местных», т. е. губернских, областных, городских [147].

В 1887 г. по распоряжению герольдмейстера Рейтерна был составлен еще один сборник городских гербов в 5-ти томах, расположенных в алфавитном порядке, в который вошли утвержденные гербы украинских городов [148].

Во второй половине XIX в. с развитием капиталистических отношений существовавшая ранее социальная сущность городского герба как символа самостоятельности города потеряла свой первоначальный смысл. Герб лишился практического значения, предназначавшегося ему прежде. При капитализме отпала потребность в таких символах. Интерес к городскому гербу постепенно угасает. В правительственных распоряжениях того времени, в частности в законе о новом городском положении 1892 г., городской герб уже не упоминался. В краеведческой литературе, посвященной исследованию того или иного города, тоже не всегда оговаривалось его наличие.

Хотя пересмотр и переделка уже существовавших городских гербов продолжались вплоть до Февральской революции 1917 г., вся деятельность Гербового отделения Департамента герольдии в это время, касающаяся городских гербов, носила формальный характер. Примером тому может служить его работа по переделке герба Киева. Решением Киевской городской думы от декабря 1912 г. была составлена докладная записка на имя управляющего Гербовым отделением А. П. Барсукова с предложениями об изменениях в гербе Киева [149]. Киевский городской голова И. Н. Дьяков предложил заменить в гербе Александровскую ленту на Владимирскую «по уважении к тому, что это есть город святого Владимира», поместить «на венце Мономаха возникающего государственного орла, в ознаменование того, что в Киеве с давних времен находится крепость» [150].

А. П. Барсуков был против этих изменений, считал их необоснованными. Несмотря на это, в октябре 1914 г. министр внутренних дел обратился в Сенат с ходатайством об изменении герба Киева. Гербовое отделение поручило художнику Серебрякову заняться созданием нового киевского герба. Из рапорта Министерства юстиции от 9 февраля 1917 г. видно, что «герб Киева удостоен высочайшего... утверждения в 3-й день февраля 1917 г. в Царском Селе» [151]. Однако изменена была только лента: вместо Александровской стала изображаться Владимирская.

Работа над переделкой киевского герба стала, очевидно, последней в деятельности Гербового отделения Департамента герольдии Сената.

Приведенный в этой главе материал позволяет сделать следующие выводы.

После воссоединения Украины с Россией левобережные украинские города были включены в единую систему управления государства, но сохранили свои традиционные специфические черты. Так, внутреннее управление городов долгое время сохраняло свою автономию, о чем свидетельствует целый ряд царских жалованных грамот украинским городам на подтверждение «их прежних прав и вольностей». Однако в большинстве грамот этого периода нет упоминаний о городском гербе. Такое нарочитое умалчивание можно объяснить тем, что в России тогда еще не существовало городских гербов, а имеющимся у украинских городов старым гербам не придавалось должного значения. Тем не менее левобережные украинские города и их канцелярии продолжали пользоваться своими прежними городскими гербами и печатями, полученными от польских королей.

В Русском государстве во второй половине XVII в. существовали территориальные эмблемы, еще не оформившиеся в гербы. Они ши-

роко использовались на государственных печатях, которыми скреплялись международные акты и соглашения.

В конце XVII в. в России происходит слияние земельных и областных эмблем в городские, и они официально стали называться гербами. Массовому созданию и развитию городских гербов объективно способствовала реформаторская деятельность Петра I, направленная на повышение роли городов, а также упорядочение государственного, военно-административного и местного аппарата управления.

Городское герботворчество в Российском централизованном государстве носило государственный характер. Создание городских гербов проходило централизованно. Большинство левобережных украинских городов получило гербы и печати, в которых полностью или частично сохранились прежние изображения, но к ним была прибавлена атрибутика, свидетельствующая о самодержавной власти русского царя, о принадлежности ему города. Некоторые украинские города получили новые гербы с символами, выбор которых закономерен и легко объясним.

Городское законодательство 70—80-х годов XVIII в., направленное на повышение роли города в общественной жизни страны, стало главной причиной массового изготовления городских гербов. В законодательном порядке каждому городу вменялось иметь свой герб. Городские герб и печать должны были употребляться во всех присутственных местах городской канцелярии, уездных и земских судах. Герб становится средством пропаганды царской политики, направленной на то, чтобы показать самостоятельность и автономию города. Возросшее политическое значение города отражено в эмблемах, носящих официальный характер. Гербы, полученные в это время левобережными украинскими городами с новой атрибутикой, по своей сюжетной символике отличались от старых гербов, розданных польским королевским правительством. В основе их изображений теперь лежат простые и ясные символы, характеризующие реальную жизнь города, отражающие его экономику, географическое положение, особенность природных условий, свидетельствуют об исторических событиях, непосредственно связанных с историей города и его жителей. Расшифровка этих символов помогает выяснить место и значение города в общественной жизни страны. Городской герб, как и прежде, продолжал помещаться на воинских знаменах.

В XIX в. происходил процесс укрепления абсолютистской монархии, усилилась централизаторская политика царского правительства, что сказалось на положении городов, в частности украинских. Царское правительство усилило политику постепенной ликвидации системы административно-политического устройства украинских городов. Их автономия ограничивалась, сузились функции городского самоуправления.

В новых условиях магдебургское право с его привилегиями и статутами стало препятствием на пути централизации государства, «этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны» [152]. Магдебургское право перестало отвечать требованиям времени, утрачивало свою основную функцию — защиту города от своеволия феодалов. Поэтому в условиях усиления централизации и постепенного ограничения власти старшины и гетмана магдебургское право было обречено на отмирание, оно все больше сводилось на нет, пока в 1831 г. не было окончательно ликвидировано юриди-

чески, и его места заняли новые общегосударственные городские нормы.

Вместе с распадом всей системы феодализма городской герб уже не мог выполнять свои правовые функции, перестал служить символом самоуправления города. Однако по традиции он продолжал существовать, постепенно превращаясь в средство пропаганды монархической власти.

В середине XIX в. с целью унификации городских гербов, показывающей соподчиненность и административную иерархию городов, происходили массовый пересмотр и переделка городских гербов. Вводились новые правила украшений на них, в частности системы корон, символов царской власти. Новый характер атрибутики городских гербов выражал правительственную идеологию, прежде всего главенствующую роль самодержавия, государственную централизацию. В последующие десятилетия городской герб как несостоявшийся символ самостоятельности города утратил свое значение и потерял правовую силу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В работе рассматривается длительный и сложный процесс возникновения и эволюции эмблем земель и городских гербов на Левобережной Украине как исторически закономерного явления, обусловленного всем ходом развития феодального общества.

Отечественным гербам предшествовала целая система символических знаков. Возникнув в глубокой древности, разнообразные по своему характеру и функциям, часть этих знаков впоследствии составила символику некоторых территориальных эмблем и городских гербов, получивших широкое распространение лишь в феодальную эпоху. Этот процесс являлся общим как для славянских, так и для западноевропейских народов. Изучение процесса становления исторически складывавшихся различных знаковых систем, функционировавших на исследуемой территории, отражающих закономерность мышления древних людей и их мировоззрение, необходимо для выяснения и расшифровки символических изображений, составляющих определенный комплекс позднейших знаковых систем, которыми являлись эмблемы и гербы.

Возникновение отечественных территориальных эмблем связано с особенностями местных культурно-исторических условий, что свидетельствует о несостоятельности концепций сторонников норманского и западноевропейского происхождения отечественных гербов.

Среди многочисленных символических знаков и эмблем отечественного происхождения особую группу составляют княжеские знаки, употреблявшиеся в древнерусском раннефеодальном государстве — Киевской Руси. Они являлись атрибутами княжеской власти и имели значение государственных эмблем. Генеалогическая схема княжеских знаков X—XI вв. свидетельствует о том, что, несмотря на их исторически обусловленную эволюцию, они сохраняли на протяжении веков иконографически общую схему.

Великокняжеские эмблемы широко использовались в разных сферах политической, административной и хозяйственной жизни государства.

Закономерный процесс феодальной раздробленности Древнерусского государства в середине XII в. вызвал дальнейшие изменения в эволюции княжеских эмблем. Перестав быть личными эмблемами князей, они становятся родовыми или территориальными. Дальнейшим развитием в этом направлении стала геральдизация эмблемы, т. е. превращение ее в герб. Такая преемственность обусловлена исторической традицией и социальной ролью эмблем и гербов.

Анализ изображений на них позволил сделать вывод, что эти эмблемы как по художественному стилю, так и по символическому содержанию являлись продуктом самобытной культуры древнерусской народности — общего корня происхождения трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Появление гербов у городов Левобережной Украины связано с введением в них самоуправления на основе магдебургского права, обусловлено характером социально-экономических, государственно-политических и правовых отношений на определенном этапе общественного развития. Магдебургия предполагала обязательное наличие у каждого города герба — знака его суверенитета. Поэтому появление гербов — символов городского самоуправления — рассматривается как закономерное, исторически обусловленное явление. Официальное признание герба оформлялось юридически, он утверждался верховной властью, регламентировались его функции. Общественно-правовые функции гербов, призванных служить символами самоуправления городов, в условиях децентрализованной политической власти Речи Посполитой, в состав которой во второй половине XVI — первой половине XVII в. входили левобережные украинские земли, и все более возраставшей системы феодальных льгот шляхты не всегда отвечали своему назначению, часто превращаясь в формальность.

В составе единого централизованного государства украинская городская геральдика развивалась в одном русле с российской. Развитию ее способствовали реформы Петра I, направленные на повышение роли городов. Создание городских гербов носило централизованный характер и было сосредоточено в Герольдмейстерской конторе, созданной в 1722 г. специально для этой цели. Государственная регламентация городских гербов связана с преобразованиями военного и административно-территориального аппарата управления Российской империей. В результате ряда правительственных реформ второй половины XVIII в., касающихся городского законодательства, наличие герба становится обязательным для каждого города, являясь его неотъемлемой частью. Городские гербы в Российском государстве утверждаются как система. Изменение значения и социальных функций гербов зависело от особенностей общественного устройства и правового положения городов Левобережья в дальнейший период.

В условиях позднего феодализма и с зарождением капиталистических отношений, вносивших новые явления социально-экономического характера в городское устройство, с усилением централизации государственной власти постепенно ограничивалось местное управление. Городской герб в этих условиях утратил свое значение как символ самостоятельности города. Не отвечая своему первоначальному назначению, городской герб постепенно становился средством пропаганды и прославления самодержавия. Это сказалось на новом характере атрибутики городских гербов, система украшений в которых ярко выражала правительственную идеологию, прежде всего главенствующую роль самодержавия. С развитием капитализма герб как символ автономии города окончательно утратил свое значение и лишился реальной правовой силы.

Анализ гербов городов Левобережной Украины позволяет сделать вывод о том, что в них фигурировали эмблемы различных исторических периодов, каждый из которых оказывал непосредственное влияние на сюжетную символику и идейное содержание гербов. Их условно можно разделить на три основные группы. К первой относятся наиболее ранние эмблемы и символы, существовавшие еще во времена Киевской Руси и в период удельного сепаратизма. В них сохранились традиции древнерусского культурного наследия. Ко второй группе относятся гербы, полученные левобережными украинскими городами в литовско-польское время. Третью группу составляют гербы, появившиеся в результате централизованного герботворчества Российского государства XVIII—XIX вв. Каждая из этих групп имеет свои специфические особенности. Так, если в гербах городов Левобережья, полученных от польских королей, отсутствовал принцип отражения реального города, то в гербах, созданных в процессе общероссийского городского герботворчества, этот принцип в полной мере входит в силу. В гербы включаются символы, представляющие конкрет-

ный город. Расшифровка их помогает выяснить место и значение города в общественной жизни страны.

Перечисленные выше моменты свидетельствуют о значительной ценности городских гербов как исторических источников. Их изучение способствует расширению наших знаний по целому ряду вопросов социально-экономической, политической и культурной истории левобережного украинского города.

Исследуемая в работе проблема имеет, на наш взгляд, большое значение в связи с тем, что в последние десятилетия в Советском Союзе, и в Украинской ССР в частности, идет процесс возрождения давней прогрессивной традиции — создание символов для городов. В этом отрадном явлении проявляется любовь народа к своему прошлому, к истории города.

Наряду с созданием городской эмблемы в периодической печати регулярно появляются многочисленные популярные статьи, в которых затрагиваются вопросы создания новых городских эмблем, даются рекомендации по их составлению. Однако в большинстве из них отсутствуют сравнительные характеристики дореволюционных и советских геральдических атрибутов, слабо аргументируются новые символы и эмблемы. Зачастую как образец предлагаются старые городские гербы с их архаичной символикой. Их авторов увлекает лишь внешняя сторона, проблемы геральдики освещаются непрофессионально, подход к серьезной и важной проблеме создания нового городского символа не всегда историчен и научен. В результате создание эмблем проходит бессистемно, нередко появляются эмблемы, символы которых не отражают характерные особенности города или в искаженном виде освещают его историю. «Слепое увлечение стариной,— отмечает Н. А. Соболева,— порой вело к тому, что широко пропагандировались дореволюционные гербы с монархическими символами и атрибутами только на том основании, что они „старые“» [1].

Анализ существующих городских эмблем дает возможность сделать вывод о том, что некоторые из них имеют существенные недостатки, которые вытекают из отсутствия единых правил, методов и научных принципов их составления. Процесс практического создания новых эмблем для советских городов, в том числе городов Украинской ССР, продолжается и в настоящее время. Он настоятельно требует дальнейшей разработки методики геральдики применительно к таким специфическим объектам, как эмблемы советских городов.

Перед исследователями этой области встают задачи дальнейшего изучения гербов, планомерного исследования всего геральдического материала Украины и его публикации, разработки методики этой дисциплины. Для того чтобы правильно определить перспективы на будущее, необходимо выработать теоретические правила составления городских эмблем, учитывая при этом определенные закономерности, сложившиеся во время этого длительного процесса.

Как известно, уже в первые годы Советской власти родилась новая государственная и общественная геральдика, которая строится на совершенно иных принципах, отражающих новый социалистический образ жизни советских людей.

В первое пятилетие существования Советской власти (1917—1922) были заложены прочные идейные и теоретические основы советской эмблематики. В апреле 1918 г. по указанию В. И. Ленина был издан декрет «О памятниках республики», вошедший в историю как «ленинский план монументальной пропаганды». Он стал основой для разработки советской геральдики и эмблематики, определил пути их развития. Принципы ленинского плана монументальной пропаганды последовательно проводятся в жизнь партией и правительством, они развиты и конкретизированы в ряде постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Важнейшим и программным источником в деле становления и развития советской геральдики служат работы В. И. Ленина, в которых рассматриваются вопросы разработки советских символов и эмблем [2].

Революционные традиции, сложившиеся в первые годы Советской власти в деле становления советской символики, используются при создании эмблем для социалистических городов. В их символах отражены революционная героика, наиболее характерные черты нашего общественного строя, социалистического образа жизни.

Опыт показал, что при создании новых эмблем не всегда следует отказываться от традиционных гербов, особенно тогда, когда в них присутствуют простые, понятные, доступные в изображении и толковании символы. К ним прежде всего относятся орудия труда, символические образы, отражающие характерные черты хозяйства, природных условий, географическое положение города, его историю. Удачное использование таких элементов, взятых из геральдики прошлого, характерно для большинства украинских городских гербов.

О преемственности лучших геральдических традиций, наиболее удачных символов, перешедших из далекого прошлого в современные эмблемы городов, свидетельствует серебряный лук или самострел на современном гербе столицы Советской Украины, который перешел из старой магистратской печати как символ героического прошлого древнего Киева, жителям которого не раз приходилось вставать с оружием в руках на защиту от врагов, нападавших на нашу землю. Лев в современном гербе Львова, этимологически связанный с названием города, символизирует древнюю историю города, куда дорога для завоевателей закрыта. Якорь в гербе Одессы свидетельствует о том, что город издавна был крупным международным торговым портом. Удачное сочетание старой и новой символики наблюдается в новом гербе Севастополя — памятник погибшим русским кораблям во время Крымской войны и Золотая Звезда города-героя. Серебряный силуэт старинной пушки в современном гербе Чернигова напоминает о том, что город на протяжении веков был крепостью, преграждавшей путь неприятелю на юго-западных границах государства.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, как можно использовать в символических образах некоторые памятные сюжеты отечественной истории. Действительно, история Советской страны, насыщенная многими выдающимися событиями, которые были и остаются для многих поколений вдохновляющим примером патриотизма, дает богатейший материал для создания гербов современных городов.

Особую группу составляют городские гербы, в изображении которых запечатлены здания, сооружения, памятные места и мемориалы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народа. К ним относится современный герб Полтавы, на котором изображен монумент, воздвигнутый по указу Петра I в память разгрома шведских войск под Полтавой в 1709 г. Увековечение памятника ратного подвига в гербе города является свидетельством глубокого уважения советских людей к своему славному прошлому, служит источником воспитания патриотизма и дружбы народов.

Новое осмысление получила и цветовая символика советских городских гербов. Как известно, в старых гербах использовались лишь несколько цветов, и каждый из них имел определенное символическое значение. В новых гербах на смену отжившей символике пришла другая — цвета государственного флага СССР и союзных республик.

Многие города Советской Украины уже имеют свои эмблемы. Процесс создания, оформления и утверждения городских гербов в республике продолжается. Но уже существующим присущ целый ряд недостатков. Один из наиболее часто повторяющихся — чрезмерная многоцветность и перегрузка деталями рисунка герба. Его создатели стремятся порой вставить в герб побольше деталей, символизирующих историю, экономику города, его многоплановую промышленность, не сумев выделить из огромного количества символов

главный, который мог бы в лаконичной форме передать наиболее характерную черту города, его неповторимое лицо. Отсюда и однообразные повторения индустриальных деталей, таких, как химическая колба, шестерня, отбойный молоток, присутствующие во многих гербах украинских городов. Перенасыщенность герба деталями, введение в него целых композиций из сооружений или групп людей снижают его выразительность и излишне усложняют рисунок, делают гербы похожими друг на друга. В результате теряются цельность, выразительность и индивидуальность гербовой эмблемы. Иногда происходит полное игнорирование одного из основных правил геральдики, которое не позволяет разным городам иметь одинаковые гербы.

Изучение истории отечественной геральдики, а также существующий опыт и традиции создания эмблем для советских городов дают возможность сформулировать основные принципы их составления.

Прежде всего в широком плане герб является условным знаком, с помощью собственного кода передающим информацию. Поэтому советский городской герб — «нарисованная идея» — должен отвечать требованиям, выработанным многовековым опытом геральдики — точно характеризовать город средствами современной унифицированной символики, отражая концентрированно, простыми, ясными и лаконичными символами только те качества, которые присущи данному городу, отражать его историю, традиции, современную трудовую жизнь, государственную и национальную принадлежность, быть свободным от качеств временного, случайного содержания, которые не отвечают духу времени, коммунистическому мировоззрению. Кроме того, эмблемы, составляющие герб, должны сохранять условность и необходимое стилистическое единство. В некоторых случаях можно творчески использовать наиболее удачные мотивы старых гербов, народные элементы традиционной отечественной геральдики.

Анализ современных городских эмблем и изучение имеющейся литературы, в которой в том или ином аспекте ставится вопрос о гербах советских городов, позволяет сделать такие выводы: вопрос о создании новых городских гербов весьма актуален, имеет определенное практическое значение в поднятии общественно-политической активности граждан в борьбе за образцовый коммунистический город и в деле патриотического воспитания; гербы городов должны отражать боевые и трудовые традиции народа, их роль в коммунистическом строительстве и в международной жизни.

Герб является официальной эмблемой города. Он встречает гостей при въезде в город, украшает здание горсовета. Его изображение печатают на почетных грамотах и юбилейных медалях, памятных подарках. Герб города — его патриотический символ, который имеет международный авторитет. Его изображение помещается на зданиях городских советов городов-побратимов. По положению, разработанному горсоветами о порядке использования городских гербов, он может изображаться на архитектурных сооружениях, предметах праздничного оформления, его можно также помещать на машинах, станках, различных товарах народного потребления, на лучших промышленных изделиях, выпускаемых в городе. Таким образом, гербы своеобразно прославляют на всю страну города, в которых живут и трудятся советские люди. Сейчас, при широком выходе советской продукции на международную арену, этот аспект функционирования герба имеет также немаловажное значение.

Возрастающая роль городских гербов диктует необходимость серьезного научного подхода к разработке принципов их создания, главным из которых должен быть синтез новых социалистических символов с лучшими традициями отечественной геральдики. Успешное решение этой проблемы будет служить делу патриотического воспитания советских людей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] *Винклер П. П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649—1900 гг.— СПб., 1900.

[2] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика.— СПб., 1855. Кн. 1, 2.

[3] *Соболева Н. А.* Российская городская геральдика.— Вопр. истории, 1976, № 3, с. 49—63; *Соболева Н. А.* Символы русской государственности.— Там же, 1979, № 6, с. 47—59; *Соболева Н. А.* Становление института городского герба в России XVIII века.— История СССР, 1981, № 2, с. 170—181; *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.— М., 1981.

[4] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 223—224.

ГЛАВА I

[1] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 12, 15.

[2] *Ленин В. И.* О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

[3] *Гаттерер И. Х.* Начертание гербоведения.— СПб., 1805; *Князев А. Т.* Гербовник 1785 г.— СПб., 1912; и др.

[4] *Пекосиньский Ф.* Источники русской геральдики.— В кн.: *Шапочников Н. В.* Heraldica.— СПб., 1900, т. 1, с. 96—109.

[5] *Лакиер А. Б.* Указ. соч., с. 4, 84, 152.

[6] *Винклер П. П.* Указ. соч., с. 1; *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике.— Труды Моск. нумизмат. о-ва, 1903, т. 3, вып. 1, с. 108, 114—115.

[7] *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы.— Учен. зап. /Моск. ун-т, 1946, вып. 93. История, кн. 1, с. 43—67.

[8] Цит. по кн.: *Белинский В.* Русский геральдический словарь : В 2-х вып. СПб., 1913, вып. 2, с. 88.

[9] *Ураносов А. А.* Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного многонационального государства (XV—XVII вв.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1953, с. 25.

[10] *Сперансов Н. Н.* Земельные гербы России XII—XIX вв.— М., 1974, с. 3—12.

[11] *Соболева Н. А.* Российская городская геральдика, с. 51.

[12] Там же.

[13] *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. Уч. пособие. Изд. 2-е.— М., 1974, с. 37.

[14] *Стрельский В. И.* Геральдика и сфрагистика в научной работе историков : (по материалам украинских архивов и других науч. учреждений).— Вопр. архивоведения, 1963, № 2, с. 32; *Стрельський В. І.* Символи, герби, емблеми.— Наука і суспільство, 1979, № 1, с. 46—47.

[15] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси.— М., 1948, с. 178; *Рыбаков Б. А.* Ремесло.— В кн.: История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура. М.; Л., 1948, с. 78—181.

[16] *Соломонік Е. І.* Деякі пам'ятки Північного Причорномор'я із знаками.— Археологія, 1957, т. 10, с. 102—110; *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья.— Киев, 1959, с. 4—35.

[17] *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья.— Киев, 1975, с. 61—85; *Драчук В. С.* Рассказывает геральдика.— М., 1977, с. 10.

[18] *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— Сов. археология, 1953, т. 17, с. 95—96.

[19] Там же, с. 99.
[20] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— Сов. археология, 1940, т. 4, с. 227—257.
[21] *Драчук В. С.* Система знаков Северного Причерноморья, с. 61—85.

ГЛАВА II

[1] Русская правда : По спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому.— М.; Л., 1934, с. 9.
[2] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет.— Пг., 1916, т. 1, с. 69.
[3] *Лаппо-Данилевский П.* Печати последних галичско-владимирских князей и их советников.— В кн.: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси : Сб. материалов и исслед. СПб., 1907, с. 216.
[4] *Шахматов А. А.* Указ. соч., с. 57.
[5] *Карамзин Н.* История государства Российского.— СПб., 1818, т. 2, прим. 56.
[6] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв.— М., 1970, т. 1, с. 15—41.
[7] Там же, с. 15.
[8] Там же, с. 38.
[9] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России : Свод. каталог рус. монет X—XI вв.— Л., 1983, с. 84.
[10] *Янин В. Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей.— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (далее — КСИИМК). М., 1956, вып. 62, с. 3—16.
[11] Там же, с. 16.
[12] Русская правда : По спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому, с. 9.
[13] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 365.
[14] *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— М., 1959, с. 108.
[15] *Янин В. Л.* О первоначальной принадлежности шлема Ярослава Всеволодовича.— Сов. археология, 1958, № 3, с. 57.
[16] *Янин В. Л.* Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича.— КСИИМК, 1954, вып. 55, с. 150—152.
[17] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики.— М., 1928, вып. 1, с. 12—19.
[18] *Лакиер А. Б.* Указ. соч., с. 105—106, 111.
[19] *Янин В. Л.* Печать Мстиславовой грамоты.— КСИИМК, 1956, вып. 65, с. 42—48.
[20] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв., с. 87—117; *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, с. 75, 83, 84.
[21] Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы.— М., 1965, с. 43.
[22] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 288.
[23] *Соболева Н. А.* Символы русской государственности.— Вопр. истории, 1979, № 6, с. 47—59.
[24] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982, с. 158.
[25] *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малыя России, из частей коей оное наместничество составлено.— Киев, 1851, с. 245—247.
[26] *Марков М. Е.* О достопамятностях Чернигова.— Чтения в имп. о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1847, № 1, с. 25; *Маркевич Н.* Чернигов : Ист.-стат. описание Чернигова.— Черниг. губ. ведомости, 1852, № 11, с. 101.
[27] *Лакиер А. Б.* Указ. соч., с. 370—376.
[28] Там же, с. 383.

ГЛАВА III

[1] *Пашуто В. П.* Образование Литовского государства.— М., 1959, с. 319.
[2] *Тихомиров М. Н.* Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов.— Вопр. истории, 1954, № 6, с. 124—133.
[3] *Ленин В. И.* О «культурно-национальной» автономии.— Полн. собр. соч., т. 24, с. 175.
[4] *Kojałowicz S. J.* Herbarz Rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium czyli o klejnotach albo herbach.— Kraków, 1897, s. 2.
[5] Ibid., s. 2—3.
[6] Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись.— СПб., 1843, с. 346.
[7] *Niesiecki K.* Herbarz Polski. T. 1.— Lipsk, 1839, s. 549—550.
[8] *Kuczyński S. K.* Pieczecie książat Mazowieckich.— Wroclaw, 1978, s. 159.
[9] *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму.— К., 1971, с. 73.
[10] *Антонович В. Б.* О новонайденных серебряных монетах с именем «Владимир».— В кн.: Тр. III археол. съезда. Киев, 1878, т. 2, с. 151—157.
[11] *Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского.— СПб., 1882, с. 221.

[12] *Петров Н.* О новооткрытой киевской монете XIV века.— Харьков, 1908, с. 2.
[13] *Болсуновский К.* Монеты киевских князей XIV в. : Опыт истории нумизмат. исслед.— Киев, 1909, с. 7.
[14] *Ильин А. А.* Классификация русских удельных монет. Л., 1940, вып. 1, с. 20; *Gumowski M.* Podręcznik numizmatyki Polskiej.— Kraków, 1914, s. 39—40.
[15] *Котляр Н. Ф.* Монеты Владимира Ольгердовича.— Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1971, вып. 4, с. 50.
[16] *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг на території України..., с. 79.
[17] *Ильин А. А.* Указ. соч., с. 15—16.
[18] *Niesiecki K.* Op. cit., s. 550.
[19] *Длугош Я.* Грюнвальдская битва.— М. ; Л., 1962, с. 72—98.
[20] *Kuczyński S.* Barwy-bialo-czerwone.— В кн.: *Russocki S., Kuczyński S., Willaume J.* Godło, barwy i hymn Rzeczypospolitey. Zarys dziejów.— Warszawa, 1963, s. 70.
[21] *Russocki S., Kuczyński S., Willaume J.* Godło, barwy i hymn Rzeczypospolitey, s. 82—84.
[22] *Piecosiński F.* O źródlach heraldyki ruskiej.— Rozprawy Akad. umiejętności. Wydz. hist.-filoz. Ser. 2, 1899, t. 13, s. 187.
[23] *Niesiecki K.* Op. cit., s. 599.
[24] Ibid., s. 523.
[25] Ibid., s. 557; *Halecki O.* O początkach szlachty i heraldyki na Litwie.— Kwartalnik hist., Lwów, 1915, rocz. 29, s. 177—207.
[26] Цит. по: *Качала С.* Очерки истории Юго-Западной Руси.— Киев. старина, 1885, № 1, с. 38.
[27] *Любавский М. К.* Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно.— М., 1910, с. 57; *Halecki O.* Op. cit., s. 178.
[28] Цит. по кн.: *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV—XVI вв.— М., 1961, с. 531.
[29] *Piecosiński F.* O źródlach..., s. 188, 189.
[30] *Niesiecki K.* Op. cit., s. 551, 559.
[31] Herbarz Polski podlug Niesieckiego.— Gniezno, 1875, t. 1, s. 12.
[32] *Niesiecki K.* Op. cit., s. 555.
[33] *Piecosiński F.* O źródlach..., s. 198.
[34] Herbarz Polski podlug Niesieckiego, s. 14.
[35] Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / Под ред. К. И. Яблонскиса.— Минск, 1960, с. 33.
[36] Там же, с. 143.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] *Niesiecki K.* Op. cit., s. 166.
[40] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 2, с. 90.
[41] Slownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów slowiańskich, Warszawa, 1883, t. 4, s. 61.
[42] *Niesiecki K.* Op. cit., s. 166.
[43] История Киева. Киев, 1982, т. 1, с. 228.
[44] Литовская метрика, отд. 1; Книга записей. Т. 1.— СПб., 1910, № 35, стб. 545—549.
[45] *Niesiecki K.* Op. cit., s. 166.
[46] *Румянцева В. В., Овсієнко О. Ф.* Про давні герби Києва.— Архіви України, 1980, № 3, с. 63—65.
[47] Литовская метрика, № 203, стб. 744—746.
[48] Там же, № 224, стб. 782—785.

ГЛАВА IV

[1] *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 407—409.
[2] *Самсонович Г.* Городское самоуправление в истории Польши периода феодальной раздробленности.— В кн.: Польша и Русь : Черты общности и своеобразия в ист. развитии Руси и Польши XII—XIV вв.— М., 1974, с. 345.
[3] *Bardach J.* Miasta na prawie magdeburskim w Wielkim księstwie Litewskim od schylku XIV do polowy XVII stulecia.— In: Kwart. hyst. Warszawa, 1980, rocz. 87, N 1, s. 31.
[4] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 15.
[5] Цит. по кн.: *Компан О. С.* Міста України в другій половині XVII ст.— К., 1963, с. 117.
[6] *Gumowski M.* Herby miast polskich.— Warszawa, 1960, s. 20; *Gumowski M.* Herby miast litewskich.— Ateneum Wileński. Wilno, 1935, rocz. 10, s. 256—294.
[7] *Niesiecki K.* Op. cit., s. 230.
[8] ЦГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 1, л. 1.
[9] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археол. комис. СПб., 1878, т. 10, № 9, с. 519—520.
[10] ЦГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 59, л. 6, 7 об.
[11] *Бюлер Ф.* Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1882, вып. 1, с. 75.
[12] ЦГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 17 об.
[13] *Барсуков А.* Правительственные печати в Малороссии от времен

Стефана Батория до Екатерины II.— Киев. старина, 1887, № 9, с. 91.

[14] ЦГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 101, л. 312—315 об.

[15] Цит. по кн.: *Багалей Д. И.* Новый историк Малороссии / Рец. на кн.: *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии.— СПб., 1891, с. 127.

[16] ЦГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 22—26, об.

[17] Там же, л. 27—31, об.

[18] *Бюлер Ф.* Указ. соч., с. 70; *Шафонский А.* Указ. соч., с. 246.

[19] Очерк истории города Чернигова, 907—1907.— Чернигов, 1908, с. 18.

[20] ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 6, л. 1; ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 3—11.

[21] Там же, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 3—11.

[22] *Бюлер Ф.* Указ. соч., табл. 74.

[23] *Шафонский А.* Указ. соч., с. 456.

[24] *Соболева Н. А.* О методике изучения сфрагистического материала XV—XVIII вв.— Вспом. истор. дисц. Л., 1976, вып. 8, с. 145.

[25] *Рклицкий М.* Город Новгород-Северский, его прошлое и настоящее.— Чернигов, 1898, с. 7.

[26] Материалы для историко-статистического описания города Новгород-Северска.— Черниг. губ. ведомости, 1853, № 1, с. 382—401.

[27] ЦГАДА, ф. 389 (Литовская метрика), д. 101, л. 585—588.

[28] *Голобуцький В.* Богдан Хмельницький — великий син українського народу.— К., 1954, с. 7.

[29] *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Т. 3. Полк Прилуцкий.— Киев, 1902, с. 2.

[30] *Tomkiewicz W.* Jeremi Wiśniowiecki (1612—1651).— Warszawa, 1933, s. 60.

[31] ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 2, д. 303, л. 29.

[32] *Лазаревский А.* Лубенщина и князья Вишневецкие (1590—1648 гг.).— Киев, 1896, с. 32.

[33] *Шафонский А.* Указ. соч., с. 569.

[34] Там же.

[35] Slownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów slowiańskich.— Warszawa, 1888, t. 9, s. 218—219.

[36] Воссоединение Украины с Россией : Документы и материалы : В 3-х т. М., 1954, т. 1, с. 121—122, 447.

[37] *Шафонский А.* Указ. соч., с. 593.

[38] Полное собрание законов Российской империи за 1649—1900 гг. (далее — ПСЗ). Собр. 1. Кн. чертежей и рисунков.— СПб., 1843, с. 112.

[39] *Лазаревский А.* Лубенщина и князья Вишневецкие (1590—1648 гг.), с. 40.

[40] Там же.

[41] *Винклер П. П.* Указ. соч., с. 42, 57, 85.

[42] *Шафонский А.* Указ. соч., с. 339—340, 596, 662.

[43] *Tomkiewicz W.* Op. cit., s. 84—85.

[44] *Бюлер Ф.* Указ. соч., табл. 68.

[45] Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. Военно-ученый архив, д. 18351, л. 53.

[46] ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 2, д. 303, л. 22.

[47] Материалы для историко-статистического описания города Новгород-Северска.— Чернигов. губ. ведомости, 1851, № 45, с. 392.

[48] Краткое топографическое описание Новгород-Северского наместничества 1787 г.— В кн.: Городские поселения в Российской империи. СПб., 1865, т. 5, ч. 2, с. 295.

[49] *Ісаевич Я. Д.* Бойові прапори козацького війська.— Укр. іст. журн., 1963, № 1, с. 85—87.

[50] Летопись Григория Грабянки.— Киев, 1854, с. XXIV.

[51] *Крип'якевич І.* З козацької сфрагістики.— Зап. наук. т-ва ім. Шевченка, 1917, т. 123/124, с. 1—16.

[52] *Kuczyński S. K.* Niektóre zagadnienia symboliki heraldycznej na tle funkcjonowania herbu jako znaku.— In: Problemy nauk pomocniczych historii. Katowice, 1973, N 11, s. 34.

[53] *Лакиер А.* Указ. соч., с. 405.

ГЛАВА V

[1] *Ленин В. И.* Украина.— Полн. собр. соч., т. 32, с. 342.

[2] ЦГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 1, л. 1.

[3] Документи Богдана Хмельницького (1648—1657).— К., 1961, с. 341—342.

[4] ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 116, л. 107—114.

[5] Там же, ф. 13, оп. 1, д. 59, л. 3.

[6] ЦГИА СССР, ф. 1411, оп. 1, д. 60, л. 1.

[7] ЦГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 59, л. 2.

[8] Там же, д. 2, л. 11—12, об.

[9] Там же, д. 59, л. 4.

[10] Там же, ф. 124, оп. 6, д. 145.

[11] ЦНБ АН УССР, рукоп. отд., ф. 2, № 3778, л. 2.

[12] Там же, № 2085, л. 1.

[13] ЦГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 14 об.— 15 об.

[14] Цит. по кн.: *Дядиченко В. А.* Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII — початку XVIII ст.— К., 1959, с. 281.

[15] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 21.

[16] Портреты, гербы и печати

Большой государственной книги 1672 г.— СПб., 1903.

[17] Там же, с. 34, 39.

[18] *Демидова Н. Ф.* Русские городские печати XVIII в.— В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 518—519.

[19] ПСЗ, СПб., 1830, т. 7, № 4552.

[20] *Винклер П. П.* Указ. соч., с. IV, V, VI; *Бюлер Ф.* Указ. соч., с. 68—70, 74—77.

[21] ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 2, д. 303, л. 22.

[22] *Бюлер Ф.* Указ. соч., с. 100.

[23] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 27.

[24] *Лукомский В. К.* О геральдическом художестве в России.— Старые годы, 1911, № 2, с. 9.

[25] Там же.

[26] ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, д. 1, л. 289 об.— 290.

[27] *Демидова Н. Ф.* Русские городские печати XVIII в., с. 519.

[28] ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 3, л. 217, 315 об., 316.

[29] Цит. по ст.: *Филиппов А.* Первые шаги в России в XVIII в. «геральдической науки» и граф Ф. Санти.— В кн.: Древности : (Труды имп. Моск. археол. о-ва), 1916, т. 25, с. 3.

[30] Цит. по кн.: *Лакиер А. Б.* Указ. соч., с. 593.

[31] Там же, с. 299.

[32] ЦГАДА, ф. 375, оп. 1, д. 76, л. 1, 2 об., 4—4 об.

[33] *Лакиер А. Б.* Указ. соч., с. 292. (Здесь и дальше описание гербов, утвержденных в 1730 г., дается по книге А. Лакиера, с. 291—298).

[34] Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г., с. 39; *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию 1698 и 1699 г.— СПб., 1906, с. 1.

[35] *Шафонский А.* Указ. соч., с. 456. (Интересно, что в это же время в Нежинской полковой канцелярии была в употреблении еще одна печать, но с другим сюжетом. На ней изображалась рука, держащая булаву, под рукой — литавры и жезл. Вокруг рисунка надпись: «Печать места Нежина канцелярии судовая». Эта печать скрепляла универсал нежинского полковника И. С. Хрущева, данный в 1729 г. нежинским военным музыкантам.)

[36] Мифологический словарь.— Л., 1961, с. 64—65.

[37] *Шафонский А.* Указ. соч., с. 456.

[38] *Овсянников А. Н.* Географические очерки и картины. Т. 2. Малороссия.— СПб., 1880, с. 275.

[39] *Лакиер А. Б.* Указ. соч., с. 295.

[40] ЦГАДА, ф. 375, оп. 1, д. 76, л. 4 об.

[41] ПСЗ, т. 21, № 15424.

[42] ЦГИА СССР, ф. 1411, оп. 1, д. 1, л. 3.

[43] ПСЗ, т. 7, № 4202.

[44] ЦГАДА, ф. 986, оп. 1, д. 12, л. 37.

[45] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 222.

[46] ЦГИА СССР, ф. 986 (фонд Лукомского), оп. 1, д. 12, л. 82—83.

[47] ПСЗ, т. 10, № 7442.

[48] ЦГИА СССР, ф. 1411, оп. 1, д. 1, л. 2—3, 7, 16, 28, 29; ЦГАДА, ф. 375, оп. 1, д. 76.

[49] ЦГИА СССР, ф. 986, оп. 1, д. 12, л. 85.

[50] Там же.

[51] ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, д. 654, л. 106; ф. 75, оп. 1, д. 38, л. 9; ф. 80, оп. 2, д. 1229, л. 16; ф. 98, оп. 2, д. 15, л. 54; ф. 108, оп. 2, д. 113, л. 5; д. 109, л. 57; д. 82, л. 27; ф. 102, оп. 2, д. 24, л. 4.

[52] *Левицкий О. И.* Об актовых книгах, относящихся к истории Юго-Западного края и Малороссии.— М., 1900, с. 26.

[53] *Шафонский А.* Указ. соч., с. 539.

[54] Там же.

[55] ПСЗ, т. 16, № 11846.

[56] ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, д. 7, л. 626—629, об.

[57] *Барсуков А.* Указ. соч., с. 92.

[58] ПСЗ, т. 18, № 12949.

[59] Там же.

[60] Там же.

[61] ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 375, л. 1—2, об.

[62] Там же.

[63] Опис Новгород-Сіверського намісництва (1779—1781).— К., 1931, с. 106.

[64] ЦГАДА, ф. 20 (Дела военные), оп. 1, д. 269, л. 1.

[65] Там же, л. 5.

[66] Там же, л. 9, об., 10.

[67] Там же.

[68] ПСЗ, т. 21, № 15228.

[69] Там же, № 15229.

[70] Там же, № 15227.

[71] Там же.

[72] ЦГИА УССР, ф. 1569, оп. 2, д. 16, л. 7, 16.

[73] Цит. по ст.: *Лукомский В.* О геральдическом художестве в России, с. 20.

[74] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 106.

[75] ПСЗ, т. 21, № 15422.

[76] ЦГИА УССР, ф. 1537, оп. 2, д. 160, л. 10—11.

[77] ПСЗ, т. 21, № 15423.

[78] Там же, № 15424.
[79] ЦГИА СССР, ф. 736, оп. 1, д. 11, л. 10—11.
[80] Там же.
[81] *Цітоў А. К.* Гербы беларускіх гарадоў.— Мінск, 1983, с. 14.
[82] ПСЗ, т. 21, № 15422.
[83] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 121, л. 94.
[84] ПСЗ, т. 21, № 15422.
[85] Там же.
[86] Там же.
[87] Там же.
[88] ЦГИА УССР, ф. 737, оп. 1, д. 11, л. 16; ф. 204, оп. 2, д. 12, л. 71.
[89] Там же, ф. 204, оп. 2, д. 12, л. 7.
[90] Там же, ф. 736, оп. 1, д. 51, л. 1.
[91] ПСЗ, т. 22, № 16187, 16188.
[92] Там же, т. 16, № 11811.
[93] Там же, № 12133.
[94] Там же.
[95] Там же, т. 20, № 15084.
[96] Там же, т. 24, № 18117.
[97] Там же.
[98] Черниговский облгосархив, ф. 564, оп. 1, д. 1, л. 154.
[99] ПСЗ, т. 24, № 18117.
[100] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 116.
[101] ПСЗ, т. 25, № 19074.
[102] Там же.
[103] Черниговский облгосархив, ф. 564, оп. 1, д. 2, л. 33.
[104] Там же, л. 38.
[105] Там же, ф. 549, оп. 1, д. 1.
[106] ПСЗ, т. 26, № 19504.
[107] Там же.
[108] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 125.
[109] ПСЗ, т. 26, № 19504.
[110] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 116, л. 1.
[111] ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 1, д. 4984, л. 1—12.
[112] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 116, л. 5.
[113] Там же, л. 7.
[114] Там же, д. 247, л. 1.
[115] Там же, д. 117, л. 15; ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 1, д. 4984, л. 1—12.
[116] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 117, л. 14.
[117] Там же, л. 15.
[118] Там же, ф. 1290, оп. 1, д. 105.
[119] Там же, ф. 1343, оп. 15, д. 112, л. 55.
[120] *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг.— М., 1959, с. 53.
[121] ПСЗ, т. 22, № 15929.
[122] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 117, л. 37.
[123] ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 1, д. 4984, л. 1.
[124] Там же, л. 1 об., 8.
[125] Там же, л. 9.
[126] ЦГИА СССР. ф. 986, оп. 1, д. 12, л. 66.
[127] Там же, ф. 1343, оп. 15, д. 380, 381.
[128] Там же, ф. 986, оп. 1, д. 12, л. 66.
[129] Там же, ф. 1343, оп. 15, д. 378, л. 2.
[130] Там же, д. 120, л. 1.
[131] Там же, д. 124, л. 22.
[132] Там же, д. 121, л. 69.
[133] Там же, ф. 1034, оп. 1, д. 71, л. 3.
[134] *Винклер П. П.* Указ. соч., с. XXV—XXVII.
[135] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 124, л. 12.
[136] Гербы губерний и областей Российской империи.— СПб., 1880, с. 21, 66; *Винклер П. П.* Указ. соч., с. 182, 193; ПСЗ. Собр. 2, СПб., 1858, т. 32, отд. 2. Прил., с. 41, 57.
[137] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 12, д. 212, л. 1—5; ф. 1411, оп. 2, д. 611, л. 32.
[138] ПСЗ. Собр. 2, СПб., 1880, т. 53, отд. 3. Прил., с. 42.
[139] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 249, л. 11—12, 14, 16, 19—19 об., 24, 30, 33, 36, 48—50, 51—53; д. 22, л. 7, 10—12, 13—15, 31—33, 45—47, 49.
[140] Там же, д. 249, л. 5, 19—19 об.
[141] Там же, л. 8—8 об.
[142] Там же, л. 27—27 об.; 42—42 об.
[143] Там же, оп. 12, д. 212, л. 16—18.
[144] Там же, л. 40—42.
[145] ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 1, д. 11732, л. 26.
[146] ЦГИА СССР, ф. 1411, оп. 2, д. 610.
[147] Там же, ф. 1349, оп. 1, д. 379.
[148] Там же, ф. 1411, оп. 1, д. 3, 4, 5.
[149] ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 665, д. 167, л. 1—2.
[150] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 165, л. 1.
[151] Там же, л. 20.
[152] *Маркс К., Энгельс Ф.* Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 338.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

[1] *Соболева П. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв., с. 5.
[2] *Ленин В. И.* О пропаганде и агитации.— М., 1962.— 240 с.; *Ленин В. И.* О культуре и искусстве.— М., 1956.— 572 с.; В. И. Ленин о культурной революции.— М., 1971.— 256 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА РУМЯНЦЕВА

Утверждено к печати ученым советом Института истории АН УССР

Редактор *А. М. Терлецкая*
Оформление художника *Т. С. Пресняковой*
Художественный редактор *С. П. Квитка*
Технический редактор *Т. С. Березяк*
Корректоры *А. И. Смолкина, Т. Я. Чорная, Л. В. Малюта*

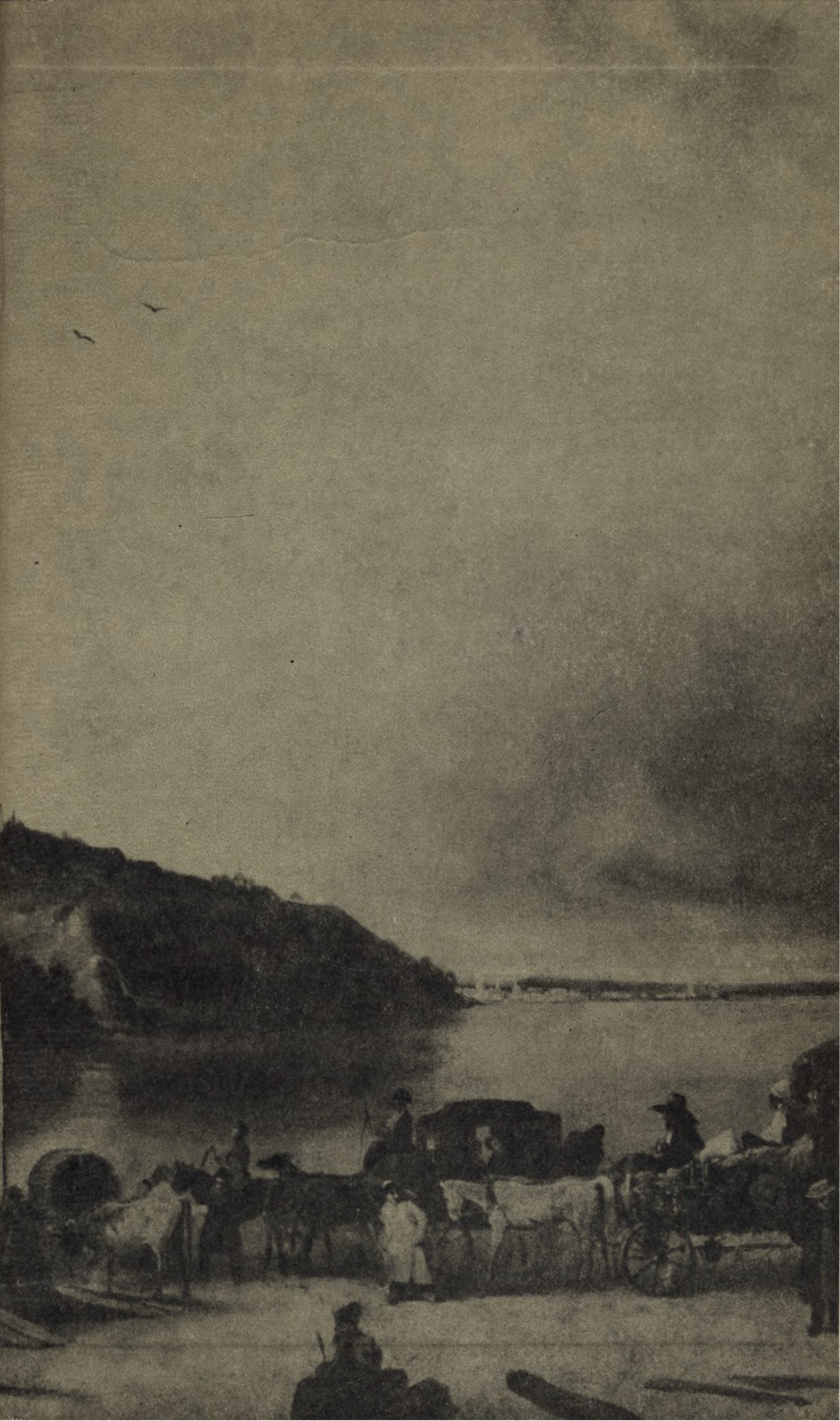
Информ. бланк № 7843

Сдано в набор 05.09.85. Подп. в печ. 11.02.86. БФ 01022. Формат 60×100/16. Бум. ил. Обыкн. нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,5. Уч.-изд. л. 9,53. Тираж 5000 экз. Зак. 5—274. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Киевская книжная фабрика «Жовтень». 252053 Киев 53, ул. Артема, 25.

1 р. 40 к.
НАУКОВА
ДУМКА
Монография посвящена исследованию истории
земельных эмблем и городских гербов на
территории Левобережной Украины в
феодальный период. Процесс воз-
никновения и последующей
эволюции гербов показан
в тесной связи с разви-
тием украинских
феодальных
городов.